

ISSN 1857-0976

ANALE ȘTIINȚIFICE

ale Academiei „Ştefan cel Mare” a Ministerului Afacerilor Interne al Republicii Moldova

Stiințe socioumane

Ediția a XIII-a, nr. 1

Chișinău, 2013

Aprobate și recomandate spre editare de Senatul Academiei „Ștefan cel Mare” a Ministerului Afacerilor Interne al Republicii Moldova

Colegiul de redacție:

Redactor-șef: **Simion CARP**, dr. în drept, conf. univ., rector al Academiei „Ștefan cel Mare” a MAI al RM

Membri:

dr. hab. **Gheorghe Costachi**, profesor universitar, Institutul de Istorie, Stat și Drept al AŞM

dr. hab. **Gheorghe Gladchi**, profesor universitar, Consiliul Național pentru Acreditare și Atestare

dr. **Mihail David**, vicepreședinte IPA România, prodecan al Facultății de Drept și Administrație Publică a Universității „Spiru Haret” din Constanța, România

dr. **Iurie Odagiu**, conferențiar universitar, prim-prorector pentru studii al Academiei „Ștefan cel Mare” a MAI

dr. **Iurie Larii**, conferențiar universitar, prorector pentru știință al Academiei „Ștefan cel Mare” a MAI

dr. **Tudor Osoianu**, conferențiar universitar, Institutul de Istorie, Stat și Drept al AŞM

dr. **Radion Cojocaru**, conferențiar universitar

dr. **Veaceslav Ursu**, conferențiar universitar

dr. **Ștefan Belecciu**, conferențiar universitar

dr. **Igor Bantuș**, conferențiar universitar

dr. **Veaceslav Grati**, conferențiar universitar

dr. **Marian Gherman**, conferențiar universitar

dr. **Alexandru Pînzari**, conferențiar universitar

dr. **Oleg Casiadi**, conferențiar universitar

dr. **Alexandru Parenicu**, conferențiar universitar

dr. **Igor Trofimov**, conferențiar universitar

dr. **Alexandru Zosim**, conferențiar universitar

dr. **Vasile Florea**, conferențiar universitar

dr. **Valeriu Nour**, conferențiar universitar

dr. **Serghei Maftea**

Ruslan Condrat, master în drept

Articolele au fost recenzate

Responsabilitatea pentru conținutul științific al articolelor revine autorilor

© Academia „Ștefan cel Mare”
a MAI al Republicii Moldova

CUPRINS:

Ştiinţe juridice

С.В. АНДРУСЕНКО, доцент Кафедры уголовного процесса факультета по подготовке следователей Одесского государственного университета внутренних дел, Украина, кандидат юридических наук	
Использование научно-технических средств в обеспечении безопасности лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве.....	8
 Dr. Simion CARP, <i>rector al Academiei „Ştefan cel Mare” a MAI, conferenţiar universitar</i>	
Elena CARP, <i>master în drept</i>	
Consecinţele cenzurii și accesului interzis la informaţie asupra spiritului naţional.....	11
 Dr. Valentin CHIRIȚA, <i>conferenţiar universitar al Catedrei Ştiinţe penale a Academiei „Ştefan cel Mare” a MAI</i>	
Aspecte criminologice privind relaţia infractor-victimă în cazul infracţiunii de luare de ostătici.....	18
 Dr. Radion COJOCARU, <i>șef al Catedrei Ştiinţe penale a Academiei „Ştefan cel Mare”, conferenţiar universitar</i>	
Sergiu COJOCARU, <i>lector superior al Catedrei Ştiinţe penale a Academiei „Ştefan cel Mare”, master în drept</i>	
Aspecte privind nepedepsirea victimelor traficului de persoane pentru infracţiunile săvârşite în legătură cu această calitate procesuală.....	23
 А.В. ХОЛОСТЕНКО, доцент Кафедры уголовного процесса факультета подготовки следователей Одесского государственного университета внутренних дел, Украина, кандидат юридических наук	
Проблемы защиты прав, свобод и законных интересов участников уголовного процесса в Украине.....	27
 П.Н. КОБЕЦ, главный научный сотрудник ФГКУ «ВНИИ МВД России», доктор юридических наук, профессор, полковник полиции	
Проблемы правового регулирования государственной защиты участников уголовного процесса в России.....	30

В.Т. КОМЗЮК,

*доцент Черкасского национального университета им. Б. Хмельницкого,
кандидат юридических наук, доцент, Украина*

**Общая характеристика материально-финансового
обеспечения таможенных органов.....35**

К.А. КРАСНОВА,

*ведущий научный сотрудник ФГКУ «ВНИИ МВД России»,
кандидат юридических наук, майор полиции*

И.А. АНДРЕЕНКОВ,

*старший оперуполномоченный ЦГЗ ГУ МВД России
по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, подполковник полиции*

**Актуальные проблемы оперативно-розыскной деятельности
подразделений МВД России по обеспечению безопасности лиц,
подлежащих государственной защите.....40**

Dr. Iurie LARII,

*director al Departamentului știință
al Academiei „Ștefan cel Mare” a MAI, conferențiar universitar,*

Dr. Oleg RUSU,

*conferențiar universitar al Catedrei Științe penale
a Academiei „Ștefan cel Mare” a MAI*

**Reglementări specifice privind asigurarea securității
părților vătămate și a martorilor din rândul persoanelor aflate în detenție.....44**

Михаил ЦЫМБАЛЮК,

*ректор Львовского государственного университета внутренних дел,
доктор юридических наук, профессор, академик Академии наук
Высшего образования Украины, заслуженный юрист Украины,
генерал-лейтенант милиции*

Алексей АВРАМЕНКО,

*начальник факультета по подготовке следователей
Львовского государственного университета внутренних дел,
кандидат юридических наук, доцент, полковник милиции*

**Уголовно-процессуальные средства обеспечения
безопасности субъектов уголовного судопроизводства.....48**

И.В. БОНДАРЧУК,

*начальник Симферопольского городского управления юстиции
Автономной Республики Крым, Украина*

**Легализация общественных объединений в механизме
защиты конституционного строя Украины.....53**

Corneliu BURBULEA,

*lector superior al Catedrei Științe penale
a Academiei „Ștefan cel Mare” a MAI, master în drept*

Concepția probelor inadmisibile – analiza istorico-juridică și teoretică.....61

Sofia CHIRIȚĂ,

*lector asistent al Catedrei Drept civil
a Academiei „Ștefan cel Mare” a MAI*

Aspecte istorice privind instituția emancipării.....65

Т. С. ГАНЗИЦКАЯ, соискатель Харьковского национального университета внутренних дел, Украина	
Значение принципов права в механизме правового регулирования гендерного равенства: теоретико-правовой анализ.....	69
 Виктория МАРЕНИЧ, директор Департамента массовых коммуникаций Харьковской областной государственной администрации, Украина	
Управление формированием имиджа ВУЗа: цели, подходы, методы.....	75
 Constantin RUSNAC, <i>lector asistent al Catedrei řtiin�e penale a Academiei „�tefan cel Mare” a MAI, master în drept</i>	
Problematica definirii cauzelor care înl�tur� caracterul penal al faptei în dreptul penal al Republicii Moldova.....	80
 Алексей СЛАБЧЕНКО, адъюнкт кафедры уголовного права Национальной академии внутренних дел, Украина	
Квалификация неоконченного присвоения вверенного имущества: некоторые вопросы теории и практики.....	87
 Юлия СЛАБУНОВА, старший прокурор отдела надзора за соблюдением законов налоговой милицией, советник юстиции прокуратуры Сумской области, Украина	
Понятие и функциональное значение административно-правового механизма обеспечения прав и свобод гражданина органами прокуратуры.....	93
 Roman STARA�CIUC, <i>lector superior al Catedrei Drept public a Academiei „�tefan cel Mare” a MAI</i>	
Protec�ia martorului în state cu sisteme de drept anglo-saxone (SUA și Marea Britanie).....	99
 Екатерина ШАБАТЬКО, соискатель кафедры административного права и процесса ХНУВД, г. Харьков, Украина	
Пути оптимизации системы управления на местном уровне в Украине.....	104
 Vitalie TELIPAN, <i>lector asistent al Catedrei Drept poli�ienesc a Academiei „�tefan cel Mare” a MAI, master în drept</i>	
Solu�ionarea multidisciplinar� a cazurilor de violen�ă în familie.....	111
 Roman VOZIAN, <i>lector-asistent l Catedrei Drept poli�ienesc a Academiei „�tefan cel Mare” a MAI</i>	
Prevenirea și combaterea traficului de fiin�e umane și protec�ia victimelor acestuia....	117

ANALE ȘTIINȚIFICE

**ale Academiei „Ştefan cel Mare”
a Ministerului Afacerilor Interne
al Republicii Moldova**

ȘTIINȚE JURIDICE

С.В. АНДРУСЕНКО,
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса
факультета по подготовке следователей Одесского государственного
университета внутренних дел, Украина

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЦ, УЧАСТВУЮЩИХ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Резюме

Учитывая рост научно - технических средств и технологий в обеспечении надлежащей организации технического процесса в обеспечении безопасности лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве, оперативно решать задачи уголовного судопроизводства, обеспечивая безопасность лиц, нуждающихся в защите, основная цель при этом является соблюдение законных прав и интересов участников процесса.

Следует отметить и проведение определенных следственных действий в ходе уголовного производства в режиме видеоконференции, что достаточно прогрессивным способом отражается на сбор и проверки доказательств, не нарушая при этом законных прав и интересов данных участников.

Ключевые слова: Защита жизни, жилья, здоровья, обеспечение безопасность лиц, соблюдение их законных прав и интересов.

Summary

Considering the growth of the scientific - technical means and technologies in ensuring proper management of the technical process in providing persons safety involved in criminal proceedings, quickly solve the problems of criminal justice while ensuring the persons safety, herewith the main objective is to comply with the legitimate rights and interests of the participants in the process.

It should be noted and carry out certain investigative activities in criminal proceedings by a videoconference that sufficiently in a progressive way reflects the evidence collection and verification, without infringing the legitimate rights and interests of these participants.

Keywords: Protection of life, housing, health, ensuring the safety of persons, respect for their legitimate rights and interests.

Согласно ст. 1 Закона Украины «Об обеспечении безопасности лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве», обеспечения безопасности лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве, т.е. в выявлении, предупреждении, пресечении, раскрытии или расследовании уголовных преступлений, а также в судебном рассмотрении уголовных производств, - это осуществление правоохранительными органами правовых, организационно-технических и других мероприятий, направленных на защиту жизни, жилья, здоровья и имущества этих лиц от противоправных посягательств, с целью создания необходимых условий для надлежаще-

го отправления правосудия.[2]

С принятием 13.04.2012 года нового уголовного процессуального закона были внесены изменения в уголовном процессуальном законодательстве которые позволяют следователю, прокурору, следственному судье, с целью обеспечения безопасности лиц, во время досудебного расследования, а также и судебного заседания, проводить такие следственные действия, как допрос лица и опознания лица или вещей в режиме видеоконференции при трансляции вне помещения (дистанционное досудебное расследование). (ст. 232 УПК Украины). [1]

В и д е о к о н ф е р е н ц и я (англ. videoconference) – область инфор-

мационной технологии, обеспечивающая одновременно двустороннюю передачу, обработку, преобразование и представление интерактивной информации на расстояние в режиме реального времени с помощью аппаратно-программных средств вычислительной техники.

Под видеоконференцией в уголовном производстве следует понимать особую процедуру, которая выполняется посредством телекоммуникационных технологий, при которой общение посредством обмена аудио- и видеоинформацией между удаленными участниками следственного действия происходит на расстоянии (дистанционно), но в режиме реального времени.

Взаимодействие в режиме видеоконференций также называют сеансом видеоконференцсвязи.

Видеоконференцсвязь — это телекоммуникационная технология интерактивного взаимодействия двух и более удаленных абонентов, при которой между ними возможен обмен аудио- и видеоинформацией в реальном масштабе времени с учётом передачи управляющих данных. [4]

Целью внедрения видеоконференции является её применение как средства оперативного принятия решения в той или иной ситуации; при чрезвычайных ситуациях; для сокращения командировочных расходов в территориально распределенных организациях; повышения эффективности; проведения судебных процессов с дистанционным участием осужденных.[5]

Основную роль в видеоконференции играют каналы связи между абонентами. Существует несколько методов организации каналов связи для видеоконференций. Хотя законодатель отмечает, что использование в дистанционном досудебном расследовании технических средств и технологий должно обеспечивать надлежащее качество изображения и звука, а также информационной безопасности. Мы считаем, что было бы целесообразным разъяснить каким именно образом должны быть обеспечены надлежащие условия видео-

конференции. Мы остановимся на самом простом и доступном методе организации видеоконференцсвязи — через Интернет. Однако необходимо отметить, что качество сеанса связи в данном случае может быть низким, так как интернет не является гарантированным каналом передачи аудио- и видеоданных. К этому добавляется проблема безопасности видеоконференции, то есть она может стать «общественным достоянием». Для организации видеоконференцсвязи через Интернет требуется иметь статические IP-адреса и каналы связи с пропускной способностью не менее 384 кБит/с в обе стороны (для исходящего и входящего трафика).

При организации видеоконференции участникам следственного действия должна быть обеспечена возможность задавать вопросы и получать ответы лиц, участвующих в следственном действии дистанционно, реализовывать другие предоставленные им процессуальные права и исполнять процессуальные обязанности.

Представляется нецелесообразным проведение следственного действия в режиме видеоконференции с участием лиц, имеющих дефекты речи, зрения или слуха.

Ход и результаты следственного действия, проведенного в режиме видеоконференции, фиксируются с помощью технических средств видеозаписи. Исходя из данного положения, составление протокола по результатам выполнения таких действий законом не предусматривается. [3] По моему мнению данное положение является недоработанным, т.к. сохранение информации только на технических носителях не всегда может обеспечить надлежащую сохранность находящейся на них информации.

Как правило, видеоконференция происходит в режиме «реального времени» с передачей четкого изображения и звука. Исключением являются случаи, когда необходимо обеспечить безопасность лица. Такое лицо может быть допрошено в режиме видеоконференции с такими изменениями внешности и голоса, при которых

его невозможно было бы узнать. С этой целью применяются специальные акустические эффекты, изменяющие голос, а также визуальные помехи технического характера, или иным образом меняется внешность человека.

Следует отметить, что законодатель предусматривает процессуальный порядок проведения дистанционного досудебного расследования, как национальными органами (ст. 232 УПК Украины), так и допроса с помощью видео- или телефонной конференции по запросу компетентного органа иностранного государства в порядке оказания международной правовой помощи (ст. 567 УПК Украины).

Проведения определенных следственных действий в ходе уголовного производства в режиме видеоконференции, то есть при трансляции вне помещения, по моему мнению, достаточно прогрессивным способом сбора и проверки доказательств. Поскольку оно позволяет с помощью технических средств и технологий, при обеспечении надлежащей организации технического процесса, оперативно решать задачи уголовного судопроизводства, обе-

спечивая безопасность лиц, нуждающихся в защите, не нарушая при этом законных прав и интересов участников процесса.

Список использованных источников

1. Уголовный процессуальный кодекс Украины: Закон Украины от 13 апреля 2012 года № 4651-VI // Голос Украины. - 2012. - № 90-91.
2. Об обеспечении безопасности лиц, которые берут участие в уголовном судопроизводстве: Закон Украины от 23 декабря 1993 года № 3782-XII // Ведомости Верховной Рады Украины. - 1994. - № 11. - Ст. 51.
3. Уголовный процессуальный кодекс Украины: Научно-практический комментарий/ Ответ.ред.: С.В. Кивалов, С.Н. Мищенко, В.Ю. Захарченко. –Х.: Одиссей, 2013. – 1104с.
4. «ВКС от семи бед», журнал «Сети», № 09, 2007 г.
5. Телекоммуникационные технологии на службе правосудия, журнал «Государственная служба», № 4, 2005 г.

Dr. Simion CARP,

rector al Academiei „Ştefan cel Mare” a MAI, conferenţiar universitar

Elena CARP,

master în drept

CONSECINȚELE CENZURII ȘI ACCESULUI INTERZIS LA INFORMAȚIE ASUPRA SPIRITULUI NAȚIONAL

Rezumat

Cenzura a urmărit mereu evoluția libertății de expresie, fiind cu adevărat veche precum însăși lumea. Cu toate că, în unele circumstanțe, cenzura (și mai ales autocenzura) devine de la sine un fenomen care se impune, de cele mai multe ori cenzura a fost și a rămas încă un mijloc de constrângere, control, manipulare și îngrădire a libertății de expresie – atât a individului, cât și a maselor. Cenzura a fost, este și cu siguranță va mai rămâne pentru mult timp o piesă esențială în mecanismul societății omenești. Așadar, ea rămâne un fenomen extrem de amplu, complex și controversat, a cărui utilitate nu poate fi negată de nicio societate care se dorește normală, dar de ale cărei excese trebuie să se ferească oricine. În prezentul studiu autorii analizează procesul de transformare a cenzurii în instrument de represiune aplicat unui popor, prin care se încearcă deformarea spiritului național-patriotic.

Cuvinte-cheie: cenzură, spirit național-patriotic, individ, societate, mass-media, informație.

Résumé

La censure a suivi toujours l'évolution de la liberté d'expression, étant ancienne comme le monde. Même si, dans certaines circonstances, la censure (surtout l'autocensure) devient un phénomène qui s'impose, dans la plupart de cas la censure reste toujours un moyen de contrainte, de contrôle, de manipulation et de la restriction de la liberté d'expression tant de l'individu que des masses. La censure a été, est et sera certainement une pièce essentielle dans le mécanisme de la société humaine. Donc elle reste un phénomène très répandu, complexe et controversé dont l'utilité ne peut être niée par aucune société normale, mais dont les excès doivent être évités par chacun de nous. Dans la présente étude les auteurs analysent le processus de transformation de la censure en un instrument de répression appliqué contre un peuple par lequel on essaye de déformer l'esprit national patriotique.

Mots clés: censure, esprit national-patriotique, individu, société, les médias, information.

Conform definiției generale, cenzura este procesul de prevenire a diseminării (distribuției, răspândirii) informației către publicul larg de către un grup de control. De obicei, cenzura este realizată de guverne, grupuri religioase sau de mass-media, dar există și alte forme de cenzură¹. Păstrarea informațiilor secrete oficiale, secretelor comerciale, proprietății intelectuale și comunicațiilor privilegiate avocat-client nu sunt de obicei descrise ca cenzură, atâtă timp cât rămân în limite rezonabile. De aceea cenzura poartă de cele mai multe ori o semnificație și este o formă de represiune prin secretizarea informațiilor. Anume procesului de transformare a cenzurii în instrument

de represiune aplicat unui popor, prin care se încearcă deformarea spiritului național-patriotic, va fi dedicat prezentul studiu.

Între anii 1806-1812, două imperii – Otoman și Rus – contestau întărietatea intr-un război cu șanse variabile de reușită. În cele din urmă, Imperiul Rus a învins și a silit Imperiul Otoman la plata despăgubirilor de război. Din motivul imposibilității (incapacității) de plată a Imperiului Otoman, plata se făcea nu cu mijloace bănești sau materiale, ci prin cedarea de posesiuni imperiale învingătorului. Așa au fost cedate teritoriile din Balcani și Bucovina Austro-Ungariei habsburgice, teritoriile din Caucazul de Nord Rusiei; iar în anul 1812 și teritoriul dintre Prut și Nistru a fost revendicat și cedat Imperiului Țarist. După cum au spus-o istoricii, era o tranzacție dintre două

¹ Dictionar encyclopedic ilustrat, Chișinău, Ed. „Cartier”, 1999, p. 174.

imperii care nu aveau nici un fel de drept, național ori istoric asupra acestui teritoriu².

Anexarea Basarabiei la Imperiul Țarist, pecetluită în formule juridico-politice la data de 28 mai 1812, a avut urmări devastatoare asupra dezvoltării ambelor principate românești – Moldova și Țara Românească. Au fost pericolite procesele de dezvoltare economică și de formare a spiritului național românesc pentru decenii și secole înapoi.

Procesul de colonizare a Basarabiei a demarat imediat, în vara anului 1812, prin adoptarea la 23 iulie, a „Statutului special pentru coloniștii sosiți în Basarabia”. Doritori din diverse țări (Bulgaria, Polonia, Țările Baltice, Franța, Germania, Elveția etc.), puteau să vină să colonizeze teritoriile din Basarabia: ei obțineau cetățenia rusă și mai multe privilegii (inclusiv scutirea de impozite), spre deosebire de băstinași. Acest proces a urmărit popularea teritoriilor „libere” din Basarabia (mai ales în sud), crearea unei tagme de susținători ai regimului, sporirea potențialului economic al provinciei, schimbarea componenței etnice a Basarabiei și deznaționalizarea băstinașilor (dacă în anul 1810 străinii constituiau 5% din totalul populației, în 1817 erau deja 14%). Concomitent, din anul 1813 nu doar au fost interzise relațiile culturale și economice cu moldovenii de peste Prut, ci chiar s-au depus eforturi îndreptate spre învăđibirea și dezbinarea celor două maluri de Prut³.

Extinderea teritorială și acapararea regiunilor „neruse” trebuia justificată cu orice preț și, de aceea, în slujba intereselor țariste, iar ulterior și a conducerii sovietice, au fost puse elemente istorice denaturate și pseudosavantă care au venit cu diferite idei aberante. Astfel, dacă la început autoritățile susțineau concepția „mesianismului ruseșc” în care armatele ruse ocupau teritoriile și țări „în mod nobil și dezinteresat” doar pentru a elibera populația ortodoxă de sub jugul otoman, ulterior ei susțineau că teritoriul Basarabiei trebuie să

fie anexat Imperiului Rus datorită „sângelui vărsat de soldații ruși” în campaniile desfășurate.

Justificarea anexării teritoriale era și mai greu de găsit în condițiile în care componența națională a populației băstinașe nu includea o componentă semnificativă rusă. Adevărul istoric este cât se poate de elocvent – la recensământul din 1817, după cinci ani de la anexare, rușii nu apar ca etnie importantă în Basarabia. Mai mult chiar, în anul 1892, istoricul și ideologul casei imperiale ruse Pompei Batușkov scria: „Dacă dorim ca Basarabia să fie cu adevărat... gubernie rusească, adică să fie unită organic cu Rusia și să nu se mai afle în centrul atenției și agitației românești, e necesar ca prin intermediul școlii să-i familiarizăm pe țăranii moldoveni cu limba slavă bisericească veche și să-i facem măcar prin limbă pe jumătate ruși”⁴.

Este cert faptul că din momentul anexării Basarabiei de către Imperiul Țarist cursul istoriei se separă pentru Basarabia și pentru restul teritoriului românesc. Prima suferă de la ruperea contactelor cu spațiului românesc, suportă cu greu și multele lipsuri, și o politică brutală, dură, de rusificare și asimilare a populației românești băstinașe. În teritoriile românești de dincolo de Prut, se desfășoară evenimente remarcabile – răscoala lui Tudor Vladimirescu, mișcarea de emancipare națională, Revoluția de la 1848, Unirea Moldovei cu Țara Românească la 1859, proclamarea și recunoașterea independenței României la 1878, Marea Unire la 1918.

A fost perioada istorică de consolidație a identității românești, de afirmare a nemului nostru. În Basarabia aflată sub administrație rusă, aceste procese au fost denaturate și interpretate tendențios de autoritățile imperiale. Orice încercări de solidarizare cu Patria istorică, de aliniere la procesele de peste Prut, de formare a identității naționale au fost crunt înăbușite.

Au urmat două secole negre pentru populația Basarabiei, în care s-au adeverit cele

² Anton Moraru, *Istoria românilor. Basarabia și Transnistria (1812-1993)*, Chișinău, Ed. „Aiva”, 1995, p. 10-15.

³ Anton Moraru, *op. cit.*, p. 15-22.

⁴ П.Н. Батюшков, *Бессарабия. Историческое описание*, Санкт-Петербург, 1892, с. 174.

mai triste previziuni şi temeri, şi în care adevarurile istorice şi spiritul naţional au fost anihilate printr-o politică de deznaţionalizare şi assimilare a populaţiei majoritare româneşti. Au existat foarte puţine exemple biografice pozitive, în care basarabeni precum Iakov Danilovici Ghinculov (1807-1870), ajuns profesor al Universităţii din Sankt Petersburg, reuşeşte să elaboreze „Dicţionarul moldo-rus” (în două volume, publicat la Chişinău în 1829), dar şi „Cartea de buzunar pentru ostaşii ruşi în campanile din Principatele Române” (Sankt-Petersburg, 1854). Sau exemplul lui Aristide Casso, boier basarabean al cărui fiu Leon (Lev), născut la Paris, avea să devină ministru al învățământului în Imperiul Rus între anii 1910-1914, autor al lucrării „Românii pe Dunăre”, care a reușit să supraviețuască doar pu-nându-şi capacitatele şi aptitudinile în slujba regimului țarist.

Ocupaţia sovietică a fost şi mai perfidă în alegerea mijloacelor prin care să-şi asigure perpetuarea guvernării. Un factor de risc pentru regimul de ocupaţie îl prezenta intelectualitatea, de aceea anume ea a fost clasa socială care a pătimit cel mai mult graţie eforturilor structurilor de securitate şi politicii conştiente duse de guvernul sovietic, fiind dezbinată prin acţiuni speciale de diversiune, terorizată şi chiar exterminată. Elementele rămase au fost forţate să susțină falsuri istorice, precum că: „strămoşii slavilor au populat teritoriul dintre Carpaţi şi Nistru înainte de formarea poporului moldovenesc”; „în 1812 Basarabia s-a alipit la Rusia țaristă prin voia poporului şi această alipire a fost favorabilă populaţiei băştinaşe”; „România a cotropit Basarabia în 1918 şi Rusia sovietică a eliberat-o de sub jugul străin în 1940” etc.

Se cunoaşte de mai mult timp faptul că rodul muncii intelectuale este izvorul scris – cartea (în sensul larg al cuvântului, care ar include şi publicaţiile periodice). Introducând cenzura şi limitând accesul la informaţie, liderii sovietici au „sterilizat” practic orice cercetări istorice, lingvistice sau de altă natură care nu le conveneau.

Savantii basarabeni, mai ales istoricii, aflați constant sub supraveghere şi presiune

continuă din partea autorităţilor, la limita supravieţuirii intelectuale şi fizice, au ajuns să se călăuzească de indicaţiile academicianului rus B. Grekov (director al Institutului de Istorie al Academiei de Ştiinţe a URSS între anii 1938-1953), care susținea că orice sursă poate fi utilă cercetătorului numai în cazul în care ştie bine cum s-o folosească. Referindu-se la această directivă a lui Grekov, cunoscutul scriitor kazah O. Suleimenov a subliniat că istoriografia sovietică obedientă dezvăluia doar ceea ce se aştepta de la ea⁵.

Ocupaţia țaristă rusă, iar apoi şi cea sovietică, a dat dovedă de o „coerenţă şi consecutivitate de invidiat” în distrugerea spiritului naţional-patriotic românesc. Încă în 1913, V.I. Lenin (Ulianov) este nevoit să recunoască una dintre trăsăturile caracteristice fundamentale ale problemei naţionale în Rusia – faptul că, sub aspect geografic, marile naţiuni neruse locuiau la periferiile imperiului şi, de regulă, erau înrudite cu popoarele din țările limitrofe: polonezii, românii, armenii etc. În vizuenea lui Lenin, anume aceste părţi ale popoarelor, ţintuite în cadrul Imperiului Rus, alcătuiau forţele centrifuge care zdruncină într-o anumită măsură unitatea politico-administrativă a Imperiului Rus⁶.

Pornind de la ceastă realitate, bolşevicii au depus eforturi considerabile pentru a asigura, în regiunile de graniţă, nuclee etnice fidele regimului. După preluarea puterii, bolşevicii au respins şi au încălcăt orice norme democratice, conducând statul doar prin metode violente şi teroare. Au fost întreprinse numeroase şi sânge-roase campanii de colectivizare şi exproprietate, care urmăreau, de fapt, şi un scop ascuns – deznaţionalizarea şi rusificarea populaţiei băştinaşe⁷.

⁵ Олжас Омарович Сулейменов, *Аз и Я*, Alma-Ata, 1975, c. 173.

⁶ V.I. Lenin, *Opere complete*. Citate de Elena Șișcanu, “Totalitarismul – fenomen al secolului XX-lea”, în *Revista de istorie*, nr.4/1996, p. 102.

⁷ Simion Carp, Elena Carp, Terentie Carp, Ghenadie Ciobanu, *Istoria satului Baiuș în documente 1911-2011*, Chişinău, Ed. Profesional Service SRL, 2012, p. 25.

O componentă constantă a acestor regimuri era cenzura și îngădirea accesului la informație pentru băstinași. Era o componentă absolut necesară pentru perpetuarea ocupației, pentru manipularea și spălarea creierelor.

Bibliotecile din Basarabia au devenit primele ținte ușoare ale proceselor de nimicire spirituală. Erau distruse opere și publicații în care direct sau tangențial se amintea, descria, analiza destinul și organizarea Principatelor Române, în care existau hărți ale Principatelor Unite, în care se vorbea despre oamenii iluștri ai neamului și faptele acestora etc. A căzut pradă acestui proces de „epurare” aproape întrегul fond de carte existent la acea perioadă. Au reușit să se „salveze” puținele evanghelii și alte cărți bisericești.

Petre Ștefanucă – celebru folclorist basarabean născut la Ialoveni în 1906, arestat de NKVD în 1940 și executat de autoritățile sovietice în 1942 – face o trecere în revistă a fondului de carte existent în acea perioadă în bibliotecile publice, în bibliotecile sătești și cele particulare. El constată predominarea absolută a cărților religioase – ceaslove, psaltri, acatiste, cărți de învățătură despre legea lui Dumnezeu, evanghelii, noi și vechi testamente etc. și remarcă lipsa cu desăvârsire a oricăror cărți și publicații⁸. Același autor scria: „În timpul stăpânirii rusești, în Basarabia carte românească a fost foarte rară. În special, în a II-a jumătate a sec. XIX, după ce limba moldovenească a fost scoasă și din cele câteva seminarii și școli elementare, unde se învăța după libera alegere a elevului în locul limbii germane, și după ce pătura boierească a luat calea culturii rusești...”⁹.

În teritoriul de dincolo de Prut, în bibliotecile din România, procesul a început doar după anul 1944, odată cu instaurarea regimului comunist. În baza prevederilor Convenției de Armistițiu, încheiată la Moscova la data de 12 septembrie 1944, între România și Națiunile Unite, s-a introdus cenzurarea publicațiilor cu caracter fascist sau care aduceau un

prejudiciu Națiunilor Unite. La scurt timp aceste măsuri au fost deturnate și distorsionate de autorități, transformându-se într-o cenzură de tip communist, susținută de sovietici. După instituirea Republicii Populare Române, cenzura comunistă a devenit atotputernică. Între alte măsuri privind apariția ziarelor, difuzarea știrilor la radio, controlul corespondenței și a epurării și epurarea bibliotecilor¹⁰.

În bibliotecile din România și astăzi se păstrează mai multe liste după care s-au făcut epurări ale cărților în perioada anilor 1945-1989: trei volume în 1945, unul în 1946, un volum masiv în 1948 însoțit de un supliment, precum și unul în 1949. În 1949 a apărut broșura „Publicații nedifuzabile”. Alături de acestea încep să apară „Liste de circulație internă”, care marchează trecerea de la o etapă la alta: de la interzicerea publicațiilor – la secretizarea lor. De-a dreptul aberant este faptul că din 1948 încep să fie interzise ediții ale autorilor clasici precum – Ion Antonescu, Maria Antonescu, Armand Călinescu, Octavian Goga, Iuliu Maniu, Pamfil Șeicaru, Al. Vaida-Voevod, Mircea Vulcănescu, Mihai Eminescu, Ion Creangă, Ion Luca Caragiale și.a. – ediții care „erau interzise pentru spiritul fascist în care s-a făcut editarea, comentarea și prezentarea lor”¹¹.

De asemenea, erau interzise fără vreo precizare „toate manualele școlare anterioare anului 1947 sau care nu figurează pe tabloul oficial al manualelor aprobate de Ministerul Învățământului”. Interdicția viza și „orice hărți care înglobează între granițele Republicii Populare Române teritoriile ce nu-i aparțin”, respectiv Basarabia și nordul Bucovinei aflate la URSS, precum și sudul Dobrogei cedat Bulgariei. La fel erau interzise toate calendarele, almanahurile populare de orice fel din perioada 1938-1944¹².

Pentru a umple golarile în educația spirituală a maselor și a suplini rafturile goale, pe ambele maluri ale Prutului sunt înființate

⁸ Petre V. Ștefanucă, *Folclor și tradiții populare*, vol. II, Chișinău, Ed. „Știință”, 1991, p. 278-282.

⁹ Ibidem, p. 304.

¹⁰ „Fond secret, fond special”, în *Magazin istoric*, nr. 2/2006, p. 60.

¹¹ Ibidem.

¹² Ibidem, p. 61.

celule de propagandă sovietică. În România au fost publicate lucrări de tipul „Îndrumarul pentru educația materialist-științifică și umanist-revolutionară a tineretului”¹³, iar în RSSM au fost aduse lucrări precum „Filosofski slovari”¹⁴ etc.

Astăzi sintagma *spălarea creierelor* sună ca o banalitate, mai ales pentru generația Tânără. Rareori, persoanele în etate sunt dispuse să-și amintească istoria guvernărilor comuniste, când odată instaurate autoritățile sovietice au început să promoveze ideologiile comuniste ale lui Stalin: marxism-leninismul, darwinismul și ateismul¹⁵. Pentru a facilita procesul de supunere a populației și preluarea ideologiei comuniste, în teritoriul ocupat dintre Prut și Nistru s-a recurs la înlăturarea din conștiința oamenilor a preceptelor religioase – în consecință se închid bisericile, sunt prigojniți credincioșii.

Doar între anii 1940-1941, odată cu anexarea Basarabiei la Imperiul Sovietic (a doua anexare, în urma Pactului Ribbentrop-Molotov), au fost distruse 13 biserici, alte 27 lăcașuri sfinte au fost transformate în cluburi, depozite, săli de gimnastică, iar 48 de preoți au fost uciși sau deportați¹⁶. Puțini își mai aduc aminte de vremurile triste, când fiecare act al puterii începea cu o trecere în revistă a „succeselor obținute” și cu laude aduse Partidului comunist. Toate acestea aveau loc în condițiile unei crize profunde în toate sferele vieții, în cadrul unui stat ce încalcă grosolan toate drepturile și libertățile fundamentale ale cetățenilor, pe timp de foamete organizată, deportări și colectivizare forțată.

În locul valorilor creștine și naționale erau impuse pseudovalori noi. În locul credinței în Dumnezeu se propovăduia doctrina comunista și credința față de idolii ei. Dragostea față de origini, tradiții și valorile naționale în general erau substituite cu dragostea pentru „primul stat socialist din lume”, cu dragostea pentru o istorie revizuită de pe poziții de clasă, pentru cultura poporului rus, cultură apreciată și ea de pe pozițiile marxism-leninismului. Au fost schimbate denumirile unor străzi și localități. Monumentele lui Lenin, Stalin și a altor luptători pentru puterea sovietică au împânzit satele și orașele. Operele clasice literaturii române au devenit interzise, la fel și lucrările istoricilor „incomozi” care brusc au devenit „burghezi”¹⁷.

În România revenirea lucrurilor, științei, istoriei în albia lor firească a mers pe „un scenariu mult mai accelerat” și de la 1989 acestea s-au reflectat negativ asupra spiritului național-patriotic. Doar în Republica Moldova, unde legiuitorul a dat dovadă de lașitate în elaborarea și implementarea unei legi a lustrăției, elementele distructive pentru spiritul național autentic mai sunt vii. Din păcate constatăm și rodul activității acestor celule, dar și a „pseudosavanților moldoveni” formați în biblioteci comuniste, în stradă sau în albia politicii murdare.

Nu întâmplător, la începutul articolului, am menționat despre „coerență și consecutivitatea” autorităților ruse și sovietice în distrugerea identității spirituale românești. Drept exemplu, vom apela la opera ilustrului istoric Nicolae Iorga.

În Republica Populară Română, cenzura a eliminat în mod prioritar întreaga operă a lui Nicolae Iorga („Istoria Românilor”, în 11 volume) – fondul documentar magistral, care are capacitatea și potențialul de a deveni cartea de căptâtîi a neamului românesc. În Republica Sovietică Socialistă Moldovenească, opera ilustrului istoric apare abia după anul 1991; în vacuumul existent de până atunci, un

¹³ Gheorghe Crasnea, Ion Strugariu (coordonatori), *Îndrumar pentru educația materialist-științifică, umanist-revolutionară a tineretului*, București, Ed. Politică, 1985.

¹⁴ И.Т. Фролова (редактор), *Философский словарь*, Москва, Издательство Политической Литературы, 1987.

¹⁵ Simion Carp, Elena Carp, Terentie Carp, Ghenadie Ciobanu, *op. cit.*, p. 25.

¹⁶ Mihai Gribincea, *Basarabia în primii ani de ocupație sovietică 1944-1950*, Cluj-Napoca, Ed. Dacia, 1995, p. 35.

¹⁷ Elena Șișcanu, „Totalitarismul – fenomen al secolului al XX-lea”, în *Revista de istorie*, nr.4/1996, p. 98.

pseudosavant, în lucrarea sa, „Din «Obiceiul pământului» al Moldovei feudale (sec. XVIII - prima jumătate a sec. XIX)”, critică ilustrul istoric și om politic Nicolae Iorga, ridicând în slăvi „însemnatatea progresistă a actelor de unire a Basarabiei cu Rusia și eliberarea ținutului...”¹⁸. Oare mai trebuie să amintesc că o astfel de literatură mai „spală” și astăzi creierii oamenilor simpli din Republica Moldova. Si mai mare ne este nedumerirea când autorul este decorat de elita politică cu „Ordinul Republicii”... E firesc să-ți dorești să le arunci „operele” la coșul de gunoi al istoriei, iar când accidental se vor aprinde, să nu miști un deget pentru a le salva.

Regimurile totalitare au apropiat fără să-și fi dorit Republica Moldova și România – ambele state românești – prin soartă, destin și procese de renaștere națională. Eliberarea de ideologia comunistă a însemnat pentru ambele state revenirea la normalitate, la valorile naționale firești: istorie, limbă și tradiții seculare românești. Încetul cu încetul, sunt publicate lucrări ale autorilor „interziși” de regimurile apuse, se pun bazele unor generații care cunosc limba, originea și etnogeneza neamului.

În eforturile de stârpire a ideologiei totalitar-comuniste, România a înaintat mai mult. Nu s-a redus doar la îndepărțarea cenzurii și la ridicarea rigorilor impuse de guvernarea comunistă, ci au fost adoptate un sir de acte normative care prohibesc participarea foștilor colaboratori ai securității la viața politică, au fost studiate și publicate dosarele SRI (Serviciul român de informație), în care erau prezentate persoanele supuse cercetărilor și persecuțărilor – istorici, arheologi, etnografi – Ion Nestor, Vladimir Dumitrescu, Constantin Nicolăscu-Plopșor, Ioan Lupaș, Virgil Vătășianu, Aurel Decei, Mihai Berza și alții.¹⁹

În prezent nimici, nici persoanele sus-puse și nici formațiunile politice, nu

riscă să limiteze accesul la informație, sau să ceară introducerea cenzurii – ar risca să pună în pericol democrația și fundamentele statului de drept. Astăzi, elementele diversioniste (căci altfel nici nu le putem numi) și-au schimbat „tactică”. În desfășurarea firească a istoriei mai apar ca niște răbufniri târzii lucrările autorilor aserviți precum V. Țaranov, care se conduce prioritar de ideologia stalinistă și încearcă o resovietizare a științei noastre istorice²⁰.

Se urmărește o nouă izolare a noastră, a românilor de la est de Prut, de restul spațiului românesc și o remodelare a conștiinței noastre istorice și naționale, a românilor basarabeni după tiparele unei ideologii fabricate. Sunt reluate prostiile staliniste despre existența a două popoare – român și moldovean, și a două limbi distințe – româna și moldoveneașa. Iarăși se recurge la rușinoase tactică de trunchiere a textelor scrise de iluștrii noști naționali, la deformarea și falsificarea aprecierilor și concluziilor formulate de ei. Pe de o parte, se dorește atragerea mintilor moldovenilor în niște „teatre ale absurdului”, în care se șterge orice element de identitate națională, pe de altă parte, prin discuții contradictorii inutile și aberații neargumentate aruncate de pseudosavantii, poporului i se creează un dezgust și o repulsie în afirmarea identității naționale, a originii latine, a limbii române.

Istoria este memoria colectivă a unui popor.

Cenzura și îngrădirea accesului la informație lasă o amprentă distructivă asupra istoriei, de fapt, o distorsionează. Istoria distorsionată, artificială va influența în mod inevitabil și spiritul național, dar, oricare ar fi intențiile denaturării și subiectele implicate, adevărul istoric va ieși la lumină, mai devreme sau mai târziu – ca în cazul Basarabiei – Republica Moldova – și atunci spiritul național, cu eforturi dublate va recupera deceniile și secolele pierdute. După cum afirma M. Bruchis:

¹⁸ Andrei Galben, *Din „Obiceiul pământului” al Moldovei feudale (sec. XVIII – prima jumătate a sec. XIX)*, Chișinău, Ed. „Știință”, 1986, p. 10.

¹⁹ Ioan Opriș, *Istoricii și securitatea*, Ed. Enciclopedică, București, 2004.

²⁰ Ion Varta, „Istoria modernă a românilor basarabeni – parte integrantă a istoriei moderne a neamului românesc”, în *Destin românesc*, nr.4/2001, Chișinău – București, pag.156.

„Adevărul, fie și cel exprimat de cele mai multe ori în surdină, ajunge la urechile și inimile tinerei generații, și joacă un rol de mare importanță în trezirea conștiinței naționale”²¹.

Bibliografie

1. Michael Bruchis, *Republica Moldova: Quo vadis*, Ed. Fundației Culturale Române, București, 1999.
2. Simion Carp, Elena Carp, Terentie Carp, Ghenadie Ciobanu, *Istoria satului Baiuș în documente 1911-2011*, Chișinău, 2012.
3. Gheorghe Crasnea, Ion Strugariu (coordonatori), *Îndrumar pentru educația materialist-științifică, umanist-revolutionară a tineretului*, București, Ed. Politică, 1985.
4. *Dicționar enciclopedic ilustrat*, Chișinău, Editura Cartier, 1999.
5. Andrei Galben, *Din „Obiceiul pământului” al Moldovei feudale (sec. XVIII - prima jumătate a sec. XIX)*, Chișinău, Ed. „Ştiința”, 1986.
6. Mihai Gribincea, Basarabia în primii ani de ocupație sovietică 1944-1950, Cluj-Napoca, Ed. Dacia, 1995.
7. Anton Moraru, *Istoria românilor. Basarabia și Transnistria (1812-1993)*, Chișinău, Ed. „Aiva”, 1995.
8. Ioan Opriș, *Istoricii și securitatea*, Ed. Encyclopedică, București, 2004.
9. Elena Șișcanu, „Totalitarismul – fenomen al secolului al XX-lea”, în *Revista de istorie*, nr. 4/1996.
10. Petre V. Ștefănuță, *Folclor și tradiții populare*, vol. II, Chișinău, Ed. „Ştiința”, 1991.
11. Ion Varta, „Istoria modernă a românilor basarabeni – parte integrantă a istoriei moderne a neamului românesc”, în *Destin Românesc*, nr. 4/2001, Chișinău – București, 2001.
12. П.Н. Батюшков, *Бессарабия. Историческое описание*, Санкт-Петербург, 1892.
13. Олжас Омарович Сулейменов, *Аз и Я*, Alma-Ata, 1975.
14. И.Т. Фролова (редактор), *Философский словарь*, Москва, Издательство Политической Литературы, 1987.

²¹ Michael Bruchis, *Republica Moldova: Quo vadis*, Ed. Fundației Culturale Române, București 1999, pag. 17.

Dr. Valentin CHIRIȚA,
conferențiar universitar al Catedrei Științe penale
a Academiei „Ștefan cel Mare” a MAI

ASPECTE CRIMINOLOGICE PRIVIND RELAȚIA INFRACTOR-VICTIMĂ ÎN CAZUL INFRACTIUNII DE LUARE DE OSTATICI

Rezumat

Una dintre principalele instituții ale criminologiei reprezintă cea a personalității infractorului. Personalitatea infractorului în general, cît și a celui care a comis infracțiunea de luare de ostatici în special, este cercetată în criminologie prin prisma sesizării rolului ei în etiologia actului infracțional și utilizării măsurilor de influențare asupra acesteia în scopul neadmiterii repetării acțiunilor infracționale.

Cuvinte-cheie: ostatic, luare, reținere în calitate de ostatic, libertatea persoanei, caracter terorist, amenințare, scop special, tip psihopathic de personalitate.

Summary

One of the main components of criminology research object is the personality of the offender. Criminology studies reveal personality of the offender in terms of its role in the etiology of criminal act and use leverage on it in order to avoid repetition of acts of crime. From the point of view of criminology, personality of the offender bears the commission of the crime causes, is the main link of the whole mechanism of criminal behavior.

Kei-words: hostage taking, detention, personal freedom, terrorist character, threat, demands, special purpose, psychopathic personality type.

Una dintre principalele componente ale obiectului de cercetare a criminologiei este personalitatea infractorului. Criminologii studiază personalitatea infractorului din perspectiva relevării rolului ei în etiologia actului infracțional și utilizării posibilităților de influențare asupra acesteia pentru a nu admite repetarea acțiunilor infracționale. Din punctul de vedere al criminologiei, anume personalitatea infractorului poartă în sine cauzele săvârșirii infracțiunii, este veriga principală a întregului mecanism al comportamentului criminal, iar acele particularități ale ei care generează un astfel de comportament trebuie să formeze obiectul nemijlocit al profilaxiei [2, p. 231].

Vom începe analiza personalității infractorului cu enumerarea diferitor tipuri de persoane care au comis luarea de ostatici, și anume:

- persoana cu înclinație spre suicid;
- persoana care tinde să se răzbune;
- persoana care suferă de dereglații psihice;
- infractorul „încolțit”;
- deținutul căzut în disperare;

- infractorul sătajist;
- membrul unei mișcări de protest;
- fanaticul (adeptul) unei anumite ideologii;
- teroristul-extremist etc. [10, p. 5].

Autorul M. Dihanici grupează tipurile respective în trei grupe de persoane:

- a) persoanele dezechilibrate psihic sau care suferă de unele anomalii psihice;
- b) infractorii cu motivare politică;
- c) criminalii [6, p. 10].

În urma efectuării unui amplu studiu al dosarelor penale din Rusia, autorul K.P. Anțiferov a constatat că, din numărul total al persoanelor care au săvârșit infracțiunea de luare de ostatici, bărbații alcătuiesc circa 97,3%, iar femeile – doar 2,7% [5, p. 88]. Această stare de lucruri, după părerea noastră, este condiționată, în primul rând, de faptul că săvârșirea infracțiunii respective necesită existența unor caracteristici fizice corespunzătoare pentru neutralizarea victimei (ostaticului). Prin urmare, putem afirma că luarea de ostatici este o

infracţiune specifică infractorilor de gen masculin.

Caracteristica personalităţii infractorului după vîrstă (bazate pe date din Federaţia Rusă) permite formularea unor concluzii în privinţa conduitei criminogene şi a specificului activităţii infracţionale a reprezentanţilor diferitor grupe de vîrstă. Vîrsta medie a persoanelor care au comis luarea de ostatici constituie 30 de ani. Majoritatea covârşitoare a infracţiunilor respective au fost săvârşite de infractori în vîrstă de 21-35 ani (84%) [5, p. 89]. Conform datelor prezentate de autorul A.Gh. Loskutov, în locurile de detenţie vîrsta respectivă constituie 25-35 ani [8, p. 12]. Conduita infracţională a persoanelor de această vîrstă este mai chibzuită, mai puţin impulsivă, inclusiv din punctul de vedere al posibilelor consecinţe. Vîrsta determină şi necesităţiile, scopurile indivizilor, cercul lor de interese, modul de viaţă, care se reflectă de multe ori şi în faptele infracţionale.

O altă caracteristică a personalităţii infractorului este nivelul de instruire. Studiile au o influenţă considerabilă asupra formării personalităţii omului. Instruirea influenţează asupra sferei de interes, conduitei persoanei, asupra realizării scopurilor puse în viaţă. De cele mai dese ori infractorii au studii medii, iar cei cu studii superioare constituie o parte neînsemnată.

Astfel, după nivelul de instruire, persoanele care au săvârşit infracţiunea de luare de ostatici au fost distribuite în felul următor:

- studii primare – 5,2%;
- studii medii incomplete – 28,8%;
- studii medii şi medii de specialitate – 64,7%;
- studii superioare – 1,3% [5, p. 90].

Datele statistice demonstrează că majoritatea covârşitoare a persoanelor care au comis luarea de ostatici au comis anterior una, două sau mai multe infracţiuni. Astfel, 36% din infractori au avut două condamnări înapoite de comiterea luării de ostatici şi numai 6,4% nu au fost condamnaţi niciodată [5, p. 90]. Totodată, autorul menţionează că circa 65% dintre infractori nu aveau o sursă permanentă de venituri, iar circa 31% nu aveau familie [5, p. 60].

Una dintre cele mai importante caracte-

ristici ale personalităţii infractorului este motivul săvârşirii infracţiunii respective. Motivele, după cum s-a menţionat în paragraful 2.4 al prezentei lucrări, pot fi cele mai diverse, de exemplu, răzbunarea, interesul material, invidea, dorinţa de a evita pedeapsa, convingerile politice etc.

Prin urmare, autorul K.P. Antiferov evidenţiază trei categorii de persoane care au comis luarea de ostatici, şi anume:

– persoane cu motivaţie politică a comportamentului infracţional. La această categorie se referă acei infractori care au săvârşit luarea de ostatici conducându-se de îndemnuri politice; Conform rezultatelor investigaţiilor efectuate, s-a constatat că la această categorie de persoane se referă circa 8% din numărul total al infractorilor ce au comis luarea de ostatici.

– categoria criminală, care este cea mai numeroasă, incluzând circa 70% de infractori. Partea majoritară a categoriei date o constituie persoanele care au comis luarea de ostatici: a) din interes material; b) cu scopul evadării din locurile de detenţie; c) în momentul comiterii sau după comiterea altei infracţiuni; cu scopul de a nu fi reţinute etc.;

– categoria psihologică, ce cuprinde persoanele dezechilibrate psihic (cu anomalii psihice). Pentru majoritatea dintre aceste persoane, luarea de ostatici constituie unică modalitate de rezolvare a problemelor stringente [5, p. 62].

Având în vedere riscul enorm de comitere a luării de ostatici în instituţiile penitenciare, în continuare vom caracteriza succint personalitatea infractorului care îşi ispăşeşte pedeapsa. Astfel, autorul Simion Carp propune următoarea tipologie a infractorilor condamnaţi:

Primul grup de infractori condamnaţi are o orientare „pro-socială” a comportamentului şi se caracterizează printr-o probabilitate minimă de comitere a unei noi infracţiuni. La rândul său, acesta se divizează în două subgrupuri: a) primul subgrup se caracterizează prin prezenţa capacităţilor şi deprinderilor de muncă, tendinţa spre un comportament independent în toate sferele de activitate, spre consolidarea legăturilor familiale, spre un comportament licit şi un înalt nivel de parti-

cipare la muncă; b) al doilea subgrup se manifestă printr-un grad scăzut de autoritate în mediul deținuților, negativism, supunere și dependență în relații, eschivarea de la conflicte, aşteptarea ajutorului de la administrație, tendința spre stabilirea relațiilor cu rudele, nivelul jos al calificării profesionale și al participării la muncă [1, p. 63].

Grupul al doilea de infractori condamnați se caracterizează printr-o orientare „neutră” a comportamentului și printr-un nivel mediu al probabilității săvârșirii unei noi infracțiuni. Și acesta se împarte în două subgrupuri: a) primului subgrup îi sunt specifice gradul scăzut de autonomie, încălcări ale regimului și dificultăți în raporturile cu administrația, nivelul redus de participare la muncă etc.; b) al doilea subgrup se caracterizează printr-un nivel scăzut al autorității în mediul deținuților, negativism, supunere și dependență în relațiile cu administrația ca metodă de apărare, încălcări ale regimului, lipsa de prinderilor de muncă [1, p. 64].

Grupului al treilea de infractori condamnați îi sunt specifice orientarea „antisocială” pronunțată a comportamentului și probabilitatea foarte ridicată de săvârșire a unei noi infracțiuni. Cota acestor deținuți este de circa 48% din numărul total de condamnați. Comportamentul infractorilor deținuți ce fac parte din acest grup se deosebește prin respectarea „eticii neformale”. De regulă, aceștia pregătesc terenul pentru aflarea ulterioară în penitențiere, determinându-și astfel atitudinea față de infracțiunile din trecut și viitor. Acest grup poate fi divizat condiționat în trei subgrupuri: a) reprezentanții primului subgrup se deosebesc printr-un grad înalt de autoritate și lipsa încălcărilor cotidiene (cota lor nu depășește 8%); b) reprezentanților subgrupului al doilea le este propriu un grad înalt de conflictualitate cu condamnații și administrația. Se caracterizează printr-o probabilitate maximă de comitere a unei noi infracțiuni, au grad de autoritate destul de înalt în mediu criminal (cota acestei categorii constituie în medie 10%); c) reprezentanții subgrupului al treilea posedă un nivel nesemnificativ al motivației performanțelor în tipurile de bază ale activității utile, o probabilitate înaltă de comitere a unei

noi infracțiuni, un grad înalt de conflictualitate, precum și o lipsă totală de responsabilitate pentru comportamentul lor, indiferent de urmările posibile [1, p. 65].

Un interes deosebit pentru caracterizarea persoanei care a comis infracțiunea de luare de ostacoli prezintă datele privind starea sănătății psihice a acesteia.

Constatarea unor anomalii psihice nu explică de ce individul a comis infracțiunea. Motivația, cauzele interne ale comportamentului criminal nu sunt prezentate în diagnostic, care stabilește doar existența unei tulburări psihice, gradul, gravitatea ei etc. De aceea perceperea cauzelor subiective ale infracțiunii este posibilă doar pe calea studierii psihologice a personalității. Defectele psihice, în cazul existenței lor, nu reprezintă în nici un caz motivele comportării criminale, cu toate că ele pot influența asupra comportamentului uman [3, p. 48].

Prin anomalii psihice se înțeleg toate tulburările mintale care nu au atins nivelul psihic și nu exclud starea de responsabilitate, dar care atrag după sine schimbări de personalitate ce pot conduce la un comportament deviat [4, p. 9].

La anomalii psihice cercetate cel mai des din perspectivă criminologică se pot atribui: psihopatia, alcoolismul, narcomania, traumele sistemului nervos central, schizofrenia în fază remisei, epilepsia etc. [7, p. 172].

La persoanele cu anomalii psihice prevalează, de regulă, fenomenele și procesele psihice normale. În mareea majoritate a cazurilor aceste persoane sunt responsabile de faptele lor. Însă, după cum consideră pe bună dreptate autorii I.M. Antonean și S.V. Borodin, anomalii psihice favorizează apariția și dezvoltarea unor trăsături de caracter precum: iritabilitatea, agresivitatea, cruzimea, diminuarea proceselor volitive, slabirea mecanismelor de autocontrol etc. Acestea pot decurge într-un mod ascuns, fără a fi vădite de fiecare dată, și pot fi percepute ca ciudătenii ale caracterului, dezechilibru, cruzime inexplicabilă, stupiditate etc. [4, p. 10].

Anomalii psihice diminuează rezistența în cazul situațiilor de conflict; creează obstacole în dezvoltarea trăsăturilor social-utile ale personalității, mai cu seamă în adaptarea

la mediul exterior; slabesc mecanismele de autocontrol; reduc posibilităile alegerii deciziilor și a variantelor de conduită; înlesnesc realizarea unor fapte impulsive, întâmplătoare, nechibzuite, ilicite. Toate acestea influențează negativ asupra dezvoltării și socializării normale a personalității, fapt care sporește probabilitatea comiterii faptelor ilegale și a unui mod de viață antisocial.

Persoanele cu anomalii psihice care au comis infracțiuni pot fi divizate în trei categorii, și anume: psihopați, alcoolici și cei cu intelect limitat. Datele statistice obținute de autorul K.P. Antiferov demonstrează că majoritatea covârșitoare a infractorilor cu anomalii psihice care au săvârșit luarea de ostatici se atribuie la tipul psihopathic de personalitate. Caracterul criminogen al tipului dat de personalitate are un caracter universal. Aceștia devin frecvent organizatori sau autori ai infracțiunilor comise în grup, precum și inițiatori de conflicte [5, p. 92].

Astfel, în urma efectuării unei ample cercetări, savantul amintit mai sus a constatat că proporția persoanelor cu anomalii psihice care au comis infracțiunea de luare de ostatici este de 24%. Pentru infracțiunea analizată nu este caracteristică săvârșirea de către persoane aflate în stare de ebrietate alcoolică sau narcotică. Doar în 6% din cazuri, făptuitorii au comis luarea de ostatici într-o astfel de stare, însă deseori infractorii consumau băuturi spirtoase și substanțe narcotice deja după realizarea luării sau reținerii persoanei ca ostatic [5, p. 60].

Analizând victimă infracțiunii de luare de ostatici, menționăm că, reieșind din prevederile actualului Cod penal, în calitate de ostatic poate fi orice persoană, fără deosebire de vîrstă, cetățenie, rasă, naționalitate, sex, origine etnică, religie, apartenență politică, avere sau origine socială, prevederi ce se deosebesc radical de cele ale Codului penal din 24 martie 1961 (cu modificările ulterioare), unde nota art. 116/1 prevedea: „Aplicarea prezentului articol (luarea de ostatici) nu se extinde asupra cazurilor de săvârșire a unei asemenea infracțiuni pe teritoriul Republicii Moldova, când persoana, care a luat sau ține un ostatic, se află pe teritoriul Republicii Moldova și această persoană, precum și ostaticul sunt cetățeni ai Republicii Moldova”. În cali-

tate de ostatic poate fi luată sau reținută atât o singură persoană, cît și o mulțime de oameni. De exemplu, în vara anului 1995 în orașul Budionovsk, Federația Rusă, cunoscutul terorist Basaev a luat în calitate de ostatici circa două mii de oameni.

Totodată, trebuie menționat că vîrstă ostaticului și numărul de ostatici au importanță în cazul comiterii luării de ostatici cu circumstanțe agravante prevăzute de lit.b) (asupra a două sau mai multor persoane) și lit. c) (cu bună știință în privința unui minor...) din art.280 alin.(2) CP, pentru care este prevăzută o răspundere penală sporită.

În opinia autorului V. Middendorf, la comiterea infracțiunii de luare de ostatici pot fi evidențiate tangențial trei grupe de victime, și anume:

- victimă nemijlocită (persoana luată sau reținută în calitate de ostatic);
- victimă indirectă (adresatul – căruia se înațează cerințele);
- alte persoane (fizice sau juridice) ale căror interese pot fi violate [9, p. 146].

Victimele infracțiunii în cauză pot fi atât persoane ocasionale, de exemplu, clienții sau vizitatorii unei bănci, cât și persoane concrete, de exemplu, copilul unui politician sau businessman, funcționarul public, persoana cu înaltă funcție de răspundere, reprezentantul unui stat străin etc. Revista Kommercantъ din 26 iunie 2001 prezintă cazul luării în calitate de ostatici de către teroriștii ceceni a reprezentantului președintelui Federației Ruse în Cecenia – V. Vlasov, a șefului reprezentanței Înaltului Comisariat ONU pe problemele refugiaților în Osetia de Nord, cetățeanul Franței – V. Koshteli.

Uneori poate fi luat sau reținut în calitate de ostatic propriul copil sau o altă rudă: spre exemplu, tatăl a luat copiii în calitate de ostatici, s-a închis în casă și înațează diverse cerințe amenințând cu răfuiala fizică.

În cazul comiterii infracțiunii respective în locurile de detenție, în calitate de ostatici pot fi luati sau reținuți colaboratorii serviciului medical, învățătorii, supraveghetorii, conducătorii sau personalul penitenciarului, alți deținuți etc.

Deseori ostatici devin și reprezentanții

corpului diplomatic, funcționarii ONU, membrii organizațiilor internaționale, misionarii, preoții, inginerii sau personalul companiilor de construcții, turiștii străini, savanții, jurnaliștii, militarii, pasagerii, businessmenii, copiii etc.

Relația infractor-victimă în cazul luării de ostatici poate fi bine sesizată prin prisma fenomenului numit „sindromul Stockholm”.

De la bun început trebuie menționat că situațiile de luare de ostatici au început să fie analizate din punct de vedere psihologic relativ recent (20-30 de ani). Specialiștii înregistrează destul de des manifestarea aşa-numitului Sindrom Stockholm – identificarea cu agresorul. Din momentul în care ostaticul își pierde echilibrul psihologic, el începe să se identifice inconștient cu infractorul, încercând să-l compătimească și chiar să-i justifice acțiunile. În consecință, deseori se întâmplă ca ostaticul să devină, de fapt, un „aliat” al făptuitorului, simțind doar pericolul extern, mai cu seamă din partea organelor de drept, ale căror acțiuni pot conduce la decesul acestuia. Termenul Sindromul Stockholm a apărut în anul 1973, când într-o instituție bancară de la Stockholm, Suedia, au fost luați câțiva ostatici și reținuți acolo șase zile. Atunci, cu ajutorul unor mijloace tehnice speciale, poliția a reușit să filmeze ceea ce se petrece, inclusiv comportamentul ostaticilor, care au trecut treptat de partea infractorilor. Exemple analogice au fost observate și în Franța, în orașul Nantes, în 1985 [11, p. 9].

Deși comportamentul ostaticilor este unic și imprevizibil, se poate prefigura un anumit comportament tipic, manifestat din partea ostaticilor și infractorilor. Aceste caracteristici (una sau o combinare) poartă denumirea de Sindromul Stockholm:

1) ostaticii încep să manifeste compasiune pentru infractori;

2) ostaticii încep să simtă un negativism față de angajații organelor de drept;

3) infractorii încep să aibă sentimente pozitive față de persoanele luate sau reținute în calitate de ostatici [11, p. 9].

În concluzie, rezultatele cercetării criminologice a personalității infractorului demonstrează că, de regulă, persoana care a comis luarea de ostatici este: de sex masculin (circa 97,3%), în vîrstă de 21-35 de ani (circa 84%),

cu studii medii de specialitate (circa 64,7%), preponderent cu două condamnări anterioare comiterii luării de ostatici (circa 36%), de obicei fără surse permanente de venituri (circa 65%), posibil cu anomalie psihică (care nu exclude starea de responsabilitate, circa 24%), în conformitate cu care se atribuie la tipul psychopathic de personalitate. Iar victimă luării de ostatici poate fi orice persoană, fără deosebire de vîrstă, cetățenie, rasă, naționalitate, sex, origine etnică, religie, apartenență politică, avere sau origine socială.

Bibliografie

1. S. Carp, *Prevenirea criminalității penitențiale*, Chișinău, 2004.
2. Gh. Gladchi, *Criminologie generală*, Chișinău, Ed. MUSEUM, 2001.
3. Iu. Larii, *Criminologie*, vol. I, Chișinău, 2004.
4. Ю.М. Антонян, С.В. Бородин, *Преступность и психические аномалии*, Москва, 1987.
5. К.П. Анциферов, *Ответственность за захват заложника: уголовно-правовой и криминологический аспекты*. Диссертация канд. юрид. наук, Москва, 2003.
6. М. Диханич, «Похищение людей в Италии», în *Борьба с преступностью за рубежом*, №3, Москва, 1991.
7. *Криминология*. Учебник для юридических вузов, под редакцией проф. В.Н. Бурлакова, проф. В.П. Сальникова, проф. С.В. Степашина, Санкт-Петербург, 1999.
8. А.Г. Лоскутов, *Уголовная ответственность за захват заложников в местах лишения свободы*. Автореферат докторской диссертации канд. юрид. наук, Москва, 1991.
9. В. Миддендорф, «Виктимология взятия заложников», în *Криминалистика*, № 4, Гамбург, 1994.
10. Обзорная информация. Зарубежный опыт, выпуск 5, ГИЦ МВД России. Москва, 1992.
11. Л.Н. Чеверрюк, *Психологическое обеспечение переговорного процесса в условиях захвата заложников*. Учебно-методическое пособие. ВИПК МВД России, Домодедово, 2004.

Dr. Radion COJOCARU,
şef al al Catedrei Ştiinţe penale
a Academiei „Ştefan cel Mare” a MAI, conferenţiar universitar

Sergiu COJOCARU,
lector superior al Catedrei Ştiinţe penale
a Academiei „Ştefan cel Mare” a MAI, master în drept

ASPECTE PRIVIND NEPEDEPSIREA VICTIMELOR TRAFICULUI DE PERSOANE PENTRU INFRACTIUNILE SĂVÂRŞITE ÎN LEGĂTURĂ CU ACEASTĂ CALITATE PROCESUALĂ

Rezumat

Obiectul de studiu al acestui articol îl constituie abordarea problematicii absolvirii de răspunderea penală a victimelor traficului de persoanei în baza art.165 alin.(4) și 206 alin.(4) C.pen., pentru infracțiunile comise în legătură cu această calitate procesuală Au fost supuse unei examinări critice aspectele legate de evaluare a naturii juridice a acestei instituții de drept penal, după care au fost evidențiate anumite curențe legislative ce există la nivelul reglementării acesteia. S-a argumentat că absolvirea de răspunderea penală a victimelor traficului de persoane, pentru infracțiunile comise în legătură cu această calitate procesuală nu constituie o modalitate de liberare de răspunderea penală, ci un caz special de nepedepsire. Această abordare corespunde pe deplin standardelor internaționale existente în materie, fiind propuse soluții de lege ferenda de îmbunătățire a legislației naționale .

Cuvinte cheie: victimă traficului de persoane, absolvire de răspundere penală, liberare de răspundere penală, caz special de nepedepsire etc.

Summary

The subject of this article is to approach graduate of criminal liability of trafficking victims under article 165 para. (4) and 206 para. (4) Criminal Code for offences committed in connection with such proceedings. The aspects related to the assessing of the legal nature of this criminal law institution were subjected of a critical examination, after which have been highlighted certain gaps that exists in the regulation thereof. It was argued that graduating victims of trafficking in human beings from criminal liability for offenses committed in connection with such proceedings do not constitute a way to release from criminal responsibility, but a special case of unpunished.

This approach fully corresponds to the international standards and proposes solutions offerend law for improving the national legislation.

Keywords: victims of trafficking in human beings, graduation from criminal responsibility, release from criminal liability, special case of unpunishment.

1. Prevenirea traficului de persoane este una dintre cele mai sensibile probleme cu care s-a confruntat și continue să se confrunte Republica Moldova în îndelungata perioada de tranziție pe care o parcurge.

Protecția victimelor traficului de persoane reprezintă una dintre direcțiile prioritare pe care este axată activitatea de prevenire și combaterea acestui flagel social. În acest sens, Republica Moldova în calitate de stat membru al unor organizații regionale și interguvernamentale, precum OSCE, Consiliul

Europei, Pactul de Stabilitate pentru Europa de Sud-Est și-a asumat o serie de angajamente politice.

Pentru asigurarea angajamentelor asumate, Republica Moldova a elaborat și a pus în aplicare mai multe mecanisme și măsuri destinate protecției victimelor traficului de persoane. În funcție de natura lor aceste măsuri pot fi clasificate în mai multe categorii: juridice, politice, administrative, financiare, culturale etc. Din lista acestora fac parte și măsurile juridico-penale, care au fost elaborate în strânsă

consonanță cu standardele consacrate în actele internaționale și regionale la care Republica Moldova este parte.

Analizând conținutul politicii penale a Republicii Moldova existente în materia prevenirii traficului de ființe umane, pot fi evidențiate două direcții prioritare ale acesteia:

A. Protejarea pre-infracțională a persoanelor împotriva actelor de traficare. În acest sens, politica penală este axată pe ideea incriminării și pedepsirii corespunzătoare a faptelor social-periculoase, care implică activitatea de traficare a ființelor umane. Sub acest aspect, este bine sătuit că la art.165 C.pen. al Republicii Moldova este incriminată fapta de traficare a ființelor umane, norma aplicându-se atunci când victimă este o persoană majoră, iar la art.206 C.pen. este incriminată fapta de traficare a copiilor. După conținut, aceste două norme incriminatorii corespund standardelor internaționale existente în domeniul, mai ales a celor prescrise de Protocolul privind prevenirea, reprimarea și pedepsirea traficului de persoane, în special al femeilor și copiilor, adoptat la Palermo la 15 noiembrie 2006 [1, p.32].

B. Protecția post-infracțională a victimelor traficului de ființe umane. În mod principal, această protecție este realizată prin nepedepsirea victimelor traficului de persoane, pentru faptele infracționale săvârșite în legătură cu această calitate procesuală.

2. În contextul prezentului studiu ne vom opri cu prioritate la cel de al doilea aspect al politicii penale în domeniul prevenirii traficului de persoane. Reieșind din mecanismul de comitere a acestei activități infracționale și din scopurile ce-i sunt aferente, victimele traficului de persoane pot fi implicate în diverse activități criminale, precum ar fi: trecerea ilegală a frontierei, uzul de fals, cumpărarea documentelor oficiale etc.

Ba mai mult decât atât, practica judiciară ne demonstrează că în mod frecvent, drept rezultat al exploatarii la care sunt supuse, persoanele traficate săvârșesc fapte care în țara de origine nu sunt incriminate ca infracțiuni, însă în țara de destinație sunt incriminate ca atare. De exemplu, prostituția în Republica Moldova este sancționată la art.89 C. contr.

[2], pe când în România pentru o asemenea faptă se prevede răspunderea penală la art.328 C. pen. [3, p.133].

Plecând de la aceste realități deloc neglijabile, comunitățile internaționale au înțeles să elaboreze o serie de standarde care oferă posibilitatea exonerării de răspunderea penală a victimelor traficului de persoane pentru infracțiunile comise în legătură cu această calitate.

Astfel, în corespondere cu pct.7 din Principiile recomandate cu privire la drepturile omului și traficul de ființe, document adoptat în 2002 de Direcția Înaltului Comisariat al ONU pentru Drepturile Omului: „Persoanele traficate nu trebuie să fie supuse detinției, învinuirii sau urmării penale în instanță de judecată pentru intrarea sau sederea lor ilegală pe teritoriul țărilor de tranzit și destinație sau pentru implicarea lor în activități ilicite în măsura în care asemenea implicare reprezintă o consecință directă a situației lor de persoane traficate” [1, p. 102].

În același sens, potrivit art.26 al Convenției Consiliului Europei privind măsurile contra traficului de ființe umane adoptate la Strasbourg la 3 mai 2005: „În conformitate cu principiile de bază ale propriului sistem juridic, fiecare parte va asigura posibilitatea nepedepsirii victimelor pentru implicarea lor în activități ilegale, în măsura în care ele au fost forțate să o facă” [1, p. 78].

Totodată, potrivit Recomandării privind protecția copiilor împotriva exploatarii sexuale către statele membre ale Consiliului European adoptată de Comitetului Ministrilor la 31 octombrie 2001, printre măsurile referitoare la victime se înscrie: „Garantarea ca acei copii care au fost victime ale exploatarii sexuale să nu poată fi urmăriți judiciar pentru orice act legat de această exploatare” [1, p. 105].

După cum se menționează, pe drept cuvânt în literatura de specialitate aceste măsuri urmăresc scopul prevenirii revictimizării și resocializării victimelor traficului de ființe umane [4, p. 42].

3. Drept rezultat al ralierii Republicii Moldova la standardele internaționale enunțate supra, în Codul penal din 2002, prin Legea

nr.211-XV din 29.05.2003 a fost introdus câte un alineat suplimentar la 165 și 206 C. pen., devenite în ambele cazuri alineatul (4), potrivit cărora victimă traficului de ființe umane/traficului de copii era absolvită de răspundere penală pentru infracțiunile săvârșite de ea în legătură cu această calitate procesuală, dacă a acceptat colaborarea cu organul de urmărire penală în cauza dată.

Această formulare a fost criticată de către experții OSCE în raportul de evaluare Traficul de ființe umane, protecția martorilor și cadrul legislativ al Republicii Moldova întocmit în decembrie 2003. În principal, s-a invocat faptul că victimă traficului de ființe umane era „obligată” să coopereze pentru a evita răspunderea penală. Această condiție a fost catalogată ca fiind neconformă standardelor internaționale, care vizează promovarea și recuperarea victimei traficate, deoarece o forțează să accepte cooperarea cu organele de resort. Suplimentar s-a invocat și faptul că o asemenea normă ar putea duce la furnizarea unor probe deficiente pentru a satisface autoritățile, punând astfel în pericol obiectivitatea urmăririi penale.

Mai târziu, în Legea privind prevenirea și combaterea traficului de ființe umane nr. 241 din 20.10.2005, la art.32 a fost statuată următoarea prevedere normativă: „Victima traficului de ființe umane este absolvită, în condițiile legislației în vigoare, de răspundere penală, contravențională sau civilă pentru acțiunile pe care le-a săvârșit în legătură cu statutul de victimă dacă aceste acțiuni cad sub incidența Codului penal, Codului contravențional al Republicii Moldova sau a Codului civil” [5].

Drept urmare, prin Legea nr.376 din 29.12.2005 art. 165 alin.(4) și art. 206 alin. (4) C. pen. au fost modificate, în prezent aceste reglementări definite după cum urmează: victimă traficului de ființe umane/traficului de copii este absolvită de răspundere penală pentru infracțiunile săvârșite de ea în legătură cu această calitate procesuală” [6].

4. Se poate observa că în dispoziția art. 165 alin.(4) și art. 206 alin.(4) C. pen., la descrierea acestei situații juridice este folosită

sintagma „absolvire de răspunderea penală”. Este de menționat că în legislația penală a Republicii Moldova, cu o asemenea expresie, se operează doar în cazul acestor două norme.

În partea generală a C. pen. al Republicii Moldova, legiuitorul prevede două instituții, care reglementează posibilitatea exonerării de răspundere penală a unei persoane pentru comiterea de infracțiunii și anume, instituția Liberării de răspunderea penală și cea a Cauzelor care înlătură răspunderea penală.

Prin urmare, însă sintagma absolvire de răspundere penală este străină pentru reglementările penale stabilite în partea generală a C. pen. Or, pentru asigurarea unor formulari clare și de precise a normelor juridice și pentru aplicarea uniformă a legislației penale în strictă corespondere cu principiul legalității, legiuitorul din rațiuni de tehnică legislativă nu trebuie să utilizeze expresii sau formulari diferite la definirea uneia și aceleiași instituții penale. În afară de aceasta este bine sătuit că normele din Partea specială nu pot să crea instituții cu caracter general, altele decât cel reglementate în Partea generală a C. pen.

5. În afară de aceasta, formularea situațiilor stipulate la art.165 alin.(4) și art.206 alin. (4) C. pen. în calitate de forme speciale de liberare de răspunderea penală, contravine în mod vădit standardelor internaționale instituite în domeniul de nesanctionării victimelor traficului de persoane.

După cum este definită în literatura de specialitate autohtonă, liberarea de răspundere penală „...reprezintă punerea în libertate a persoanei ce a săvârșit infracțiunea...[7, p. 404]” sau actul care „...liberează persoana respectivă de la condamnarea publică, în numele legii, care ar urma să fie exprimată în sentința de condamnare...” [8, p. 357].

Fără a intra în anumite detalii de concept, se poate observa că înainte de fi dispusă liberarea de răspunderea penală, persoana care a săvârșit o infracțiune în calitate victimă a traficului de ființe umane, poate fi urmărită penal, în privința ei putând fi aplicate și anumite măsuri de constrângere cu caracter procesual. Acest lucru reiese și din prevederile expuse ale art.285 alin.(2) C. pr. pen. [9],

potrivit căruia încetarea urmăririi penale are loc, inclusiv și atunci când există cel puțin una din cauzele prevăzute la art.53 din Codul penal, normă la care sunt prevăzute modalitățile generale de liberare de răspunderea penală.

În baza standardelor care au fost descrise mai sus, victima traficului de persoane nu este exonerată doar de răspunderea sau de pedeapsa penală, ci urmează să fie protejată și împotriva detenției, învinuirii sau urmării penale pentru faptele comise în această calitate.

Soluția este pe deplin justificabilă, întrucât încercarea de a urmări și a pedepsi victimă traficului pentru săvârșirea unor fapte infracționale în condițiile amintite, poate avea efecte negative asupra investigării cauzelor referitoare la traficul de persoane. În primul rând, acest lucru o poate împiedica pe victimă să divulge alte infracțiuni, îndeosebi cele care vizează traficarea persoanelor. În al cel de al doilea rând, victimă poate fi împiedicată de a avea acces la protecție și servicii de asistență.

Nu în ultimul rând, urmărirea penală are impactul subminării tuturor celorlalte măsuri de protecție, deoarece procesul penal împotriva victimei ar fi public, astfel încălcându-se anonimatul ei, fiind totodată amenințată de un pericol și mai mare, dacă mai târziu se va decide să colaboreze cu autoritățile.

Plecând de la aceste rațiuni, de lege ferenda propunem reformularea dispozițiilor prevăzute la 165 alin. (4) și art. 206 alin. (2) C. pen., după cum urmează: victimă traficului de ființe umane/traficului de copii nu este pasibilă de răspundere penală pentru infracțiunile săvârșite de ea în legătură cu această calitate procesuală.

Asemenea cazuri speciale de nepedepsire mai sunt prevăzute de către legiuitor și în

alte articole din Partea specială a C. pen., cum ar fi: art.201 alin.(2), art. 212 alin.(5).

Identificarea unei asemenea caz întemeiază invocarea art.279 pct.9) C. pr. pen. potrivit căruia urmărirea penală nu poate fi pornită, iar dacă a fost pornită, nu poate fi efectuată, și va fi încetată în cazurile în care există alte circumstanțe prevăzute de lege care condiționează excluderea sau, după caz, exclud urmărirea penală [9].

Bibliografice

1. 1. Culegere de documente relevante pentru Republica Moldova cu privire la prevenirea și combaterea traficului de persoane, Chișinău, 2006.
2. 2. Codul contravențional al Republicii Moldova nr. 218-XVI din 24.10.2008 Monitorul Oficial nr.3 6/15 din 16.01.2009.
3. 3. Codul penal și legile conexe, actualizat 20.04.2012, București, Ed. C.H. Beck, 2012.
4. 4. Tănase A., Infracțiunea de trafic de ființe umane (art.165 C.pen. RM): obiectul juridic, obiectul material, victimă. Revista Națională de Drept”, 2010.
5. 5. Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr.164-167/812 din 09.12.2005.
6. 6. Monitorul Oficial al Republicii Moldova nr.128-129/1012 din 13.09.2002.
7. 7. Botnaru S. ș.a., Drept penal, Partea generală, vol. I. Chișinău: Cartrier juridic, 2005.
8. 8. Borodac A., Gherman M. Calificarea infracțiunilor. Chișinău: Tipografia Centrală, 2006.
9. 9. Codul de procedură penală al Republicii Moldova (partea specială) //Monitorul Oficial 104-110/447, 07.06.2003.

А.В. ХОЛОСТЕНКО,
доцент кафедры уголовного процесса факультета подготовки следователей
Одесского государственного университета внутренних дел,
кандидат юридических наук, Украина

ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ, СВОБОД И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА В УКРАИНЕ

Резюме

Данной статьи автор уделяет особое внимание защите жизни, жилища, здоровья, свобод, законных интересов и имущества участников уголовного процесса, а так же обеспечение быстрого, полного и независимого расследования и судебного рассмотрения так чтобы в отношении каждого участника уголовного производства была применена надлежащая правовая процедура.

Ключевые слова: Охрана прав, свобод и законных интересов, выявлении, предупреждении, пресечении, раскрытии уголовных правонарушений.

Summary

In this article the author pays special attention to the protection of life, home, health, freedoms, legal interests and property of the persons involved in criminal proceedings, as well as providing a quick, full and independent investigation and adjudication so that in relation to each participant of the criminal proceedings was applied due process.

Keywords: Protection of the rights, freedoms and legitimate interests, detection, prevention, suppression, discovering criminal offenses.

Задачами уголовного судопроизводства в Украине являются: защита лица, общества и государства от уголовных правонарушений, охрана прав, свобод и законных интересов участников уголовного производства, а так же обеспечение быстрого, полного и независимого расследования и судебного рассмотрения так, чтобы каждый, кто совершил уголовное правонарушение, был привлечен к ответственности в меру своей вины, ни один невиновный не был обвинен или осужден, ни одно лицо не было подвергнуто необоснованному процессуальному принуждению и чтобы в отношении каждого участника уголовного производства была применена надлежащая правовая процедура [2].

Обеспечение безопасности лиц, которые принимают участие в уголовном судопроизводстве, то есть в выявлении, предупреждении, пресечении, раскрытии или расследовании уголовных правонарушений, а так же в судебном рассмотрении

уголовных производств, согласно статьи 1 одноименного закона, - это осуществление правоохранительными органами правовых, организационно-технических и иных мероприятий, направленных на защиту жизни, жилища, здоровья и имущества этих лиц от противоправных посягательств, с целью создания необходимых условий для надлежащего отправления правосудия [4].

Лицами, имеющими право на обеспечение безопасности являются:

а) лицо, которое заявило в правоохранительный орган об уголовном правонарушении или в иной форме принимало участие или способствовало выявлению, предупреждению, пресечению или раскрытию уголовных правонарушений;

б) потерпевший и его представитель в уголовном производстве;

в) подозреваемый, обвиняемый, защитники и законные представители;

г) гражданский истец, гражданский

ответчик и их представители в деле о возмещении ущерба, причиненного уголовным правонарушением;

д) свидетель;

е) эксперт, специалист, переводчик и понятой;

ж) члены семей и близкие родственники вышеперечисленных лиц, если путем угроз или иных противоправных действий в отношении них делаются попытки повлиять на участников уголовного судопроизводства [4].

Таким образом, законодатель уделяет внимание защите жизни, жилища, здоровья и имущества участников уголовного процесса, однако, в правовом регулировании защиты прав, свобод и законных интересов участников уголовного производства имеются некоторые проблемы.

В частности защита лиц, которые имеют право на обеспечение безопасности, в соответствии со статьей 2 вышеупомянутого закона [4], от воздействия должностных и иных лиц, привлекаемых к уголовной ответственности за совершение правонарушений с использованием власти либо служебного положения, или правонарушений в сфере профессиональной деятельности, связанной с предоставлением публичных услуг, а также их коллег и преступных связей, - с нашей точки зрения является несовершенной.

Так, раздел II уголовного процессуального кодекса Украины предусматривает меры обеспечения уголовного производства. Среди данных мер, способных предотвратить давление на лиц, имеющих право на защиту, можно выделить:

- отстранение от должности;
- задержание;
- меры пресечения [2].

Закон Украины «Об обеспечении безопасности лиц, которые принимают участие в уголовном судопроизводстве», в статье 7 определяет меры обеспечения безопасности, а именно:

- а) личная охрана, охрана жилища и имущества;
- б) выдача специальных средств ин-

дивидуальной защиты и оповещения об опасности;

в) использование технических средств контроля и прослушивания телефонных и иных переговоров, визуальное наблюдение;

г) замена документов и изменение внешности;

д) изменение места работы или учебы;

е) переселение в другое место проживания;

ж) помещение в дошкольное воспитательное учреждение или учреждение органов социальной защиты населения;

з) обеспечение конфиденциальности сведений о лице;

и) закрытое судебное рассмотрение.

С учетом характера и степени безопасности для жизни, здоровья, жилища и имущества лиц, взятых под защиту, могут осуществляться и другие меры безопасности.

Анализ вышеуказанных правовых норм позволяет прийти к выводу о наличии следующих проблем защиты прав, свобод и законных интересов участников уголовного процесса в Украине:

1. Защита участников уголовного процесса предусмотрена только лишь при наличии угрозы жизни, жилищу, здоровью и имуществу данных лиц. В случае давления на участников уголовного судопроизводства путем применения исполнительно-распорядительных, административно-хозяйственных, контрольно-надзорных либо иных функций, связанных с использованием власти или служебного положения, например, направленного на увольнение лица с работы, отчисления из учебного заведения, применения штрафных санкций и т. п., - защита участников уголовного производства законодательно не урегулирована.

2. Такие меры обеспечения уголовного производства, как задержание лица, меры пресечения в виде домашнего ареста или содержания под стражей, применяются в отношении подозреваемого либо

обвиняемого, а отстранение от должности может быть применено в отношении лица, которое подозревается либо обвиняется в совершении преступления средней тяжести, тяжкого или особо тяжкого преступления, и независимо от тяжести преступления — в отношении лица, которое является должностным лицом правоохранительного органа. Таким образом, с помощью мер обеспечения уголовного производства, можно обезопасить лиц, подлежащих защите, от действий подозреваемого либо обвиняемого. В обеспечении защиты лиц, права и законные интересы которых подлежат охране, от давления со стороны преступных связей подозреваемого или обвиняемого — имеются пробелы.

На стадии правоприменения мы не редко сталкивались со случаями, когда в отношении лиц, являющихся потерпевшими или заявителями по такой категории преступлений, как взяточничество (ст. 368 Уголовного кодекса Украины) [3], не редки «репрессивные» реакции, внешне законного характера, со стороны сотрудников государственных органов, предприятий, учреждений, организаций, должностным лицам которых сообщалось о подозрении в совершении уголовных правонарушений данной категории. С целью давления либо мести, потерпевшие подвергались крупным штрафам (в случаях содействия ними в изобличении фактов взяточничества в контролирующих органах), отчислению из учебного заведения (в случаях содействия ними в изобличении фактов взяточничества в учебных заведениях), отмене и признанию недействительными разрешительных документов (в случаях содействия

ними в изобличении фактов взяточничества в органах государственной власти и местного самоуправления).

С целью разрешения вышеуказанных проблем защиты прав, свобод и законных интересов участников уголовного процесса в Украине, считаем необходимым внесение изменений и дополнений в действующее законодательство, направленных на запрет должностным лицам применения исполнительно-распорядительных, административно-хозяйственных, контрольно-надзорных либо иных полномочий с использованием власти или служебного положения, во избежание давления либо иного воздействия на лиц права и законные интересы которых подлежат защите.

Список использованных источников

1. Конституция Украины: Закон Украины от 28 июня 1996 года № 254к/96- ВР // Ведомости Верховной Рады Украины. - 1996. - № 30. - Ст. 141.
2. Уголовный процессуальный кодекс Украины: Закон Украины от 13 апреля 2012 года № 4651-VI // Голос Украины. - 2012. - № 90-91.
3. Уголовный кодекс Украины: Закон Украины от 5 апреля 2001 года № 2341-III // Ведомости Верховной Рады Украины. - 2001. - № 25-26. - Ст. 131.
4. Об обеспечении безопасности лиц, которые берут участие в уголовном судопроизводстве: Закон Украины от 23 декабря 1993 года № 3782-XII // Ведомости Верховной Рады Украины. - 1994. - № 11. - Ст. 51.

П.Н. КОБЕЦ,

главный научный сотрудник ФГКУ «ВНИИ МВД России»,
доктор юридических наук, профессор, полковник полиции

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЫ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА В РОССИИ

Резюме

Соблюдение основных принципов в осуществления государственной защиты: законность, уважение прав и свобод человека и гражданина, взаимная ответственность органов, обеспечивающих государственную защиту, и защищаемых лиц; прокурорский надзор и ведомственный контроль, использование гласных и негласных методов, недопустимость ущемления жилищных, трудовых, пенсионных и иных прав защищаемых лиц. С точки зрения автора одним из способов решения данной проблемы является принятие Государственных программ «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства».

Ключевые слова: Законность, уважение прав и свобод человека и гражданина, защиты интересов потерпевших, свидетелей и других участников.

Summary

Respect of fundamental principles in the exercise of public protection: the legitimacy and respect individual and citizen rights and freedoms, mutual responsibility of authorities ensuring the state and persons protection, public prosecutor's supervision and institutional control, use of public and private methods, the inadmissibility of infringement of housing, labor, pension and other rights of protected persons. From the author's point of view one way of solving this problem is the adoption of the state program: „Ensuring the safety of victims, witnesses and other participants in the criminal proceedings”.

Keywords: the legitimacy, respect individual and citizen rights and freedoms, protection of victims, witnesses and other participants.

Статья 2 Конституции РФ провозглашает признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина обязанностью государства. Одним из проявлений государственной защиты конституционных прав на жизнь, свободу и личную неприкосновенность является обеспечение безопасности гражданина в остроконфликтной сфере уголовного судопроизводства. Одним из гарантов противодействия «пост криминальному» воздействию является в настоящее время система норм, обеспечивающих личную безопасность участников уголовного судопроизводства. Этот институт является относительно новым для российской правоприменительной практики, в связи, с чем возникает

множество проблем, от своевременного и правильного разрешения которых зависит эффективность защиты прав личности в уголовном процессе.

В первую очередь это касается мер и оснований государственной защиты свидетелей и потерпевших, поскольку именно государство должно быть заинтересовано в укреплении правопорядка, полноты и объективности расследования, которые невозможно обеспечить, если в стране отсутствует надежная система защиты указанных лиц. Оптимальное решение этих вопросов должно быть основано не только на теоретических изысканиях, но и учитывать реалии российской правовой, экономической, политической, социальной дей-

ствительности.

С начала 90-х годов прошлого столетия, проблема противоправного воздействия на свидетелей, потерпевших, судей, прокуроров, следователей, дознавателей, их родственников и близких лиц приобрела особую остроту. Для усиления государственной защиты этих лиц был принят ряд специальных правовых норм. Так, п. 24 ст. 10 Закона РФ от 18 апреля 1991 г. «О милиции»[1] установил обязанность милиции принимать меры по охране потерпевших, свидетелей и других участников уголовного процесса, а также членов их семей и близких, если здоровье, жизнь или имущество данных лиц находятся в опасности. Концепцией судебной реформы 1991 года [2] предусмотрена необходимость «определить эффективные меры защиты лиц, сотрудничающих с правосудием, включая возможность смены их места жительства и смены документов». Пункт 5 ст. 7 Закона РФ от 12 августа 1995 г. «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» [3] предусматривает одним из оснований проведения оперативно-розыскных мероприятий постановление о применении мер безопасности в отношении защищаемых лиц. Пункт 6 ст. 14 названного Закона предписывает органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, содействовать обеспечению личной безопасности, сохранности имущества участников уголовного судопроизводства, членов их семей, близких от преступных и иных противоправных посягательств. 6 мая 1995 г. вступил в силу Федеральный закон «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов». Федеральный закон «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» от 20.04.1995 года [4]. В 1997 году принятый Государственной Думой Закон «О государственной защите потерпевших, свидетелей и других лиц, содействующих уголовному судопроизводству» был одобрен Советом Федерации, но отклонен

Президентом РФ. Основной причиной отклонения явилось то, что на реализацию указанного закона потребовались бы значительные финансовые ресурсы. Эта причина актуальна и сегодня. Однако следует отметить, что, по подсчетам специалистов, в случае принятия законопроекта раскрываемость преступлений значительно повысится, в том числе и в сфере экономических преступлений, что позволит вернуть в бюджет миллиарды похищенных средств и тем самым окупить если и не все, то большую часть затрат на реализацию закона.

Итогом всей предыдущей законотворческой деятельности стало введение в Уголовно-процессуальном кодексе РФ [5] института обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства: свидетелей, потерпевших, иных участников уголовного процесса, а также их близких родственников, родственников и близких лиц, а затем и принятие в 2004 году соответствующего Федерального закона (далее - ФЗ №119, Закон) [6]. Федеральный закон устанавливает систему мер государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства, включающую меры безопасности и меры социальной поддержки указанных лиц, а также определяет основания и порядок их применения.

В настоящее время законодательство Российской Федерации о государственной защите основывается на Конституции Российской Федерации и состоит из Федерального закона 20.08.2004 года №119-ФЗ от, Уголовного кодекса Российской Федерации, Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, Федерального закона от 15.07.1995 года № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», других федеральных законов, Государственной программе, иных нормативных правовых актов Российской Федерации, а также международных договоров Российской Федерации.

Рассмотрим основные из перечисленных нормативных актов. Как уже было сказано выше, Конституция РФ (а именно статья 2 Конституция Российской Федерации, провозглашает признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина обязанностью государства. Одним из проявлений государственной защиты конституционных прав на жизнь, свободу и личную неприкосновенность является обеспечение безопасности гражданина в остроконфликтной сфере уголовного судопроизводства.

С принятием УПК РФ в российском законодательстве появились меры процессуального характера, направленные на обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства. В пункте 3 статьи 11 УПК Российской Федерации перечислены участники уголовного судопроизводства, в отношении которых в случае необходимости могут быть применены меры безопасности Уголовно-процессуальный Кодекс Российской Федерации. Кроме того, в кодексе названы некоторые виды мер безопасности: использование псевдонима (п. 9 статьи 168), контроль и запись переговоров (п. 2 статьи 186), опознание и допрос в судебном заседании в условиях, исключающих визуальное наблюдение (п. 8 статьи 193, п. 5 статьи 278), закрытое судебное заседание (пп. 4, п. 2 статьи 241). С появлением указанных мер можно говорить о создании специального института государственной защиты указанных лиц.

Однако одних лишь мер процессуального характера для защиты интересов потерпевших, свидетелей и других участников уголовного судопроизводства, оказывающих ему содействие, явно недостаточно. Для обеспечения надлежащей государственной защиты целесообразно принятие специального закона, в котором предусмотрен комплекс соответствующих мер и механизм их реализации. Таким законом является Федеральный закон «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства».

Государственная защита потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на современном этапе - осуществление предусмотренных Федеральным законом мер безопасности, направленных на защиту их жизни, здоровья и (или) имущества, а также мер социальной поддержки указанных лиц в связи с их участием в уголовном судопроизводстве уполномоченными на то государственными органами (ст. 1 Закона). Государственной защите подлежат, в том числе, потерпевший; свидетель; частный обвинитель; гражданский истец, законные представители, представители потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и частного обвинителя. Меры государственной защиты могут быть также применены до возбуждения уголовного дела в отношении заявителя, очевидца или жертвы преступления либо иных лиц, способствующих предупреждению или раскрытию преступления. Защите подлежат и близкие родственники, родственники и близкие лица, противоправное посягательство на которых оказывается в целях воздействия на указанных лиц (статья 2 Закона).

Органами, обеспечивающими государственную защиту, являются: органы, принимающие решение об осуществлении государственной защиты; органы, осуществляющие меры безопасности; органы, осуществляющие меры социальной поддержки. Решение об осуществлении государственной защиты принимают суд (судья), начальник органа дознания или следователь, в производстве которых находится заявление (сообщение) о преступлении либо уголовное дело (статья 3 Закона).

В статье 3 Закона названы органы, на которые возлагается осуществление мер безопасности: органы внутренних дел, органы федеральной службы безопасности, таможенные органы и органы по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, а также иные государственные органы, на которые может быть возложено в соответствии с законо-

дательством РФ осуществление отдельных мер безопасности. Меры безопасности в отношении защищаемых лиц по уголовным делам, находящимся в производстве суда или прокуратуры, осуществляются по решению суда (судьи) или прокурора соответствующими органами, расположеными по месту нахождения защищаемого лица (п.2 статьи 3 Закона). Меры безопасности в отношении военнослужащих осуществляются командованием соответствующих воинских частей, в отношении лиц, содержащихся в следственных изоляторах, находящихся в местах отбывания наказания, осуществляются учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции РФ (п.5, 6 статьи 3 Закона). Меры социальной поддержки осуществляют органы, уполномоченные Правительством Российской Федерации (п. 7 ст. 3 Закона).

В законе также названы принципы осуществления государственной защиты: законность, уважение прав и свобод человека и гражданина, взаимная ответственность органов, обеспечивающих государственную защиту, и защищаемых лиц; прокурорский надзор и ведомственный контроль, использование гласных и негласных методов, недопустимость ущемления жилищных, трудовых, пенсионных и иных прав защищаемых лиц (статья 4 Закона).

Уголовный Кодекс РФ также содержит нормы, касающиеся государственной защиты участников уголовного судопроизводства. К примеру, есть часть 2 статьи 309 Уголовный кодекс Российской Федерации, устанавливающая ответственность за принуждение свидетеля, потерпевшего к даче ложных показаний, которое наказывается штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев, либо арестом на срок от трех до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до трех лет. Квалифицирующим признаком состава принуждения к даче показаний, предусмотренным ч. 3 ст. 309, является применение при этом на-

силия, не опасного для жизни и здоровья, указанных в законе лиц. Особо квалифицирующим признаком принуждения к даче показаний, к даче ложного заключения или осуществлению неправильного перевода (ч. 4 ст. 309) является совершение этих деяний организованной группой или с насилием, опасным для жизни или здоровья указанных в ч. 2 ст. 309 лиц. Угроза или шантаж могут быть направлены не только в отношении свидетеля, потерпевшего, эксперта либо переводчика, но и в отношении их близких.

Показания потерпевших, свидетелей, а равно заключения и показания экспертов являются весьма важными средствами процессуального доказывания, а поэтому подкуп или принуждение указанных лиц к даче на предварительном следствии или в судебном заседании ложных показаний, уклонению от дачи показаний или заключения, а также подкуп или принуждение переводчика к неправильному переводу может повлечь за собой принятие незаконного и необоснованного решения по итогам предварительного расследования либо постановление незаконного и необоснованного обвинительного либо оправдательного приговора.

С точки зрения автора, необходимо установить уголовную ответственность не только за принуждение свидетеля или потерпевшего к даче ложных показаний, но и за угрозу убийством, причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества в отношении свидетеля, потерпевшего, а равно их близких в связи с рассмотрением дел или материалов в суде, а также за посягательство на жизнь свидетеля, потерпевшего, а равно их близких в связи с рассмотрением дел или материалов в суде, производством предварительного расследования.

Во многих странах задачу государственной защиты лиц, содействующих правосудию, успешно осуществляют специальные государственные органы (подразделения). Создание соответствующего специального органа целесообразно и в

России. О.А. Зайцев справедливо отмечает, что «многоплановость проводимых мероприятий требует создания единого координационного центра, осуществляющего аналитическую и методическую работу, содействующего обмену опытом, самостоятельно проводящего в наиболее сложных случаях охранные мероприятия. Существующая в России раздробленность правоохранительных органов ведет к ведомственному подходу решения этой сложной проблемы, что в свою очередь чревато неоправданными накладками в принятии мер безопасности, возможной утечкой информации» [7]. Одним из способов решения данной проблемы является принятие Государственных программ «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства. Такая программа была принята в 2009 году на 2009-2013 годы (Постановление Правительства РФ от 2 октября 2009 г. № 792). Целью данных программ является реализация мер государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства. В рамках Государственных программ разрабатываются комплексы мероприятий по осуществлению мер безопасности, а также планируется необходимое финансирование.

Итак, сегодня можно утверждать, что в российском законодательстве создан полноценный институт государственной защиты участников уголовного судопро-

изводства. Уже высказываются мнения как «за», так и «против» предусмотренных УПК РФ мер безопасности. Но, несомненно, одно: эти нормы помогут лучшему исполнению Российской Федерацией конституционной обязанности правового государства – признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина.

Список использованных источников

1. Закона РФ от 18.04.1991 г. «О милиции» / СПС «Консультант Плюс».
2. Постановление ВС РСФСР «О концепции судебной реформы в РСФСР» от 24.10.1991 № 1801-1 // BBC РСФСР, 1991, № 44, ст. 1435.
3. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».
4. См.: № 45-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».
5. Уголовно-процессуальный Кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ - М.: Издательство «Омега-Л», 2012.
6. Федеральный закон «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» от 20.08.2004 № 119-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».
7. О.А. Зайцев, Теория и практика участия свидетеля в уголовном процессе. Дис. ... канд. юрид. наук. - М., 1992.

В.Т. КОМЗЮК,

доцент Черкасского национального университета им. Б. Хмельницкого,
кандидат юридических наук, доцент, Украина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МАТЕРИАЛЬНО-ФИНАНСОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ

Резюме

В статье исследовано финансовое и материальное обеспечение деятельности таможенных органов, определены наиболее важные проблемы в данной сфере, а также предложены пути их преодоления.

Ключевые слова: таможенный орган, материальное обеспечение, финансовое обеспечение, материальные ресурсы.

Material and financial guaranteeing of the customs' activity is researched in the article; the most important issues in this area are determined; the ways of their overcoming are offered.

Key words: customs agency, financial guaranteeing, material guaranteeing, material resources.

Работа таможенных органов зависит от многих внутренних и внешних факторов. При этом с начала реформирования таможенных органов и подведения их к международно-правовым стандартам, особенно остро постает вопрос финансового и материального обеспечения таможенных органов. Сегодня наблюдается тенденция недостаточного уровня материально-финансового обеспечения, выражаясь в отсутствии денежных средств на осуществление достаточного финансирования таможенных органов, их должностных лиц, отсутствия полного обеспечения сотрудников необходимыми материальными ресурсами для осуществления возложенных на них функций, отсутствие финансирования на удовлетворение социально-бытовых нужд сотрудников таможенных органов и т.д. Как следствие, наблюдается апатичное отношение сотрудников к своей работе, скротечность кадров, распространение коррупционных деяний, совершение преступлений среди сотрудников и служащих таможенных органов.

О подобных причинах и последствиях ненадлежащего финансового и материального обеспечения в работе государ-

ственных органов говорит Е.Ю. Синявская, которая отмечала, что негативно влияет на результаты работы государственных органов нерешенность следующих социально-бытовых вопросов: низкая заработка плата, плохие жилищные условия, невозможность получить санаторно-курортное лечение, плохая организация отдыха и досуга и т.д. Все это в совокупности, по мнению автора, способствует нарушению дисциплины и законности, приводит к коррупции и взяточничеству, не только мешает выполнению возложенных на органы задач, но и подрывает авторитет государственного органа в глазах населения [1, с. 102].

Исследование деятельности таможенных органов, в том числе и по вопросам их материально-финансового обеспечения, осуществляли в своих работах такие ученые, как В.Б. Аверьянов, О.Ю. Бакаева, А.М. Бандурка, И.Г. Бережнюк, Д.В. Винницкий, А.Д. Войцехук, А.Ю. Грачева, Е.В. Додин, Р.А. Калюжный, С.В. Кивалов, В.К. Колпаков, Б.А. Кормич, П.В. Пашко, В.П. Петков, Д.В. Приймаченко и другие. Однако, по нашему мнению, ни одному из перечисленных выше ученых в

полной мере не удалось подойти к характеристике финансового и материального обеспечения деятельности таможенных органов. Это объясняется, прежде всего тем, что на сегодня, продолжается реформирование системы таможенных органов, а значит это наиболее лучшее время для внесения изменений в действующее законодательство и подведения его к требованиям международно-правового регулирования. Стоит отметить, что надлежащее обеспечение таможенных органов необходимыми финансовыми и материальными ресурсами, по нашему мнению, выступает как гарантия деятельности таможенного органа и его должностных лиц.

Цель статьи заключается в исследование финансового и материального обеспечения деятельности таможенных органов, определения наиболее важных проблем в данной сфере, а также определения путей их преодоления.

Переходя к непосредственно му рассмотрению понятия финансово-материального обеспечения, стоит исследовать понятие «финансово-материального обеспечения» существующее в научной литературе. Так, В.Н. Плишкин, осуществляя рассмотрение материально-технического и финансового обеспечения органов внутренних дел, под таким обеспечением понимает систему товарно-денежных и хозяйственных отношений, возникающих между органами внутренних дел и их подразделениями, с одной стороны, и органами власти, предприятиями, организациями и учреждениями, с другой стороны, в процессе централизованной поставке материальных, технических и военных ресурсов (сырье, топливо, оборудование, вещевое имущество, материалы, оружие и боеприпасы), выполнение договоров купли-продажи (оптовая торговля), реализацию фондов комиссионного и различной продажи продуктов и средств производства; представления материально-технической помощи и финансирования их деятельности [2, с. 625]. Мы согласны с вышеупомянутым определением поня-

тия финансово-материального обеспечения и считаем, что это определение в полном объеме характеризует деятельность определенного государственного органа по поводу осуществления всех необходимых действий и мер для обеспечения нормальной деятельности соответствующего государственного органа. Что касается таможенных органов, то об их финансово-материальном обеспечении высказывался Т.А. Проценко, который отмечал, что система гарантий как составляющих элементов финансово-правового статуса таможенных органов освещается в следующем. Стоящие перед таможенной службой задачи, должны согласовываться с общими задачами государства в процессе ее финансовой деятельности, поскольку фискальные субъекты - таможенные органы - формируют доходную часть бюджета государства. Автор отмечает, что государство должно гарантировать соблюдение установленных законодательством условий для финансовой деятельности таможенных органов. Имеется в виду материально-техническое обеспечение таможенной службы, финансирование всех звеньев таможенной системы, распределение и использование таможенными органами государственных доходов, поощрения служащих. Наделение таможенных органов статусами налоговых и правоохранительных органов должно способствовать обеспечению полного и своевременного внесения таможенных платежей, а также применению мер административной и финансово-правовой ответственности [3, с. 9]. На основе вышеупомянутого под финансовым обеспечением таможенных органов можно понимать деятельность государства по своевременному и полному удовлетворению потребностей таможенных органов в целом и каждого отдельного их сотрудника необходимыми финансовыми ресурсами и денежным средствами.

Финансовое обеспечение таможенных органов регулируется на законодательном уровне. Так, Таможенным кодексом Украины, а именно ст. 557,

устанавливается, что финансирование, материально-техническое обеспечение и развитие инфраструктуры таможенной службы Украины осуществляются за счет государственного бюджета [4]. Таким образом, Государственным бюджетом Украины предусмотрены соответствующие расходы, которые могут быть использованы на содержание таможенной службы Украины и ее сотрудников. Однако в связи с реформированием таможенных органов и образованием нового Министерства доходов и сборов Украины достаточно неопределенным стал вопрос об осуществлении финансирования этих органов. Ранее финансирование таможенных органов занималось Министерство финансов Украины, сейчас же четко не установлено, какое из министерств будет отвечать за финансирование Министерства доходов и сборов Украины, т.е. вышеприведенное министерство будет определять порядок их финансирования самостоятельно или такое финансирование будет осуществляться через Министерство финансов Украины.

Достаточно интересную позицию в таком взаимодействии министерств в своей статье выражает А. Скумин. Автор считает, что Указ Президента Украины от 24 декабря 2012 «О некоторых мерах по оптимизации системы центральных органов исполнительной власти» существенно ослабляет статус Министра финансов Украины, поскольку именно через последнего осуществлялась координация и направление налоговой и таможенной служб. Координация и направление – не фигура речи, а перечень довольно значительных организационных полномочий. Например, с созданием нового Министерства доходов и сборов министр финансов теряет следующие полномочия: 1) согласование и представление на рассмотрение Кабмина разработанных службами проектов законов и подзаконных актов, то есть возможность влиять на инициативы налоговых органов, которые требовали его визы; 2) утверждение планов работы ГТС; 3) согласование всех кадровых увольнений и назначений

на должности руководителей и их заместителей в территориальных (региональных) органах налоговой и таможенной служб, руководителей и заместителей руководителей структурных подразделений аппаратов ГТС; 4) согласование структуры служб; 5) издание обязательных к выполнению службами приказов и поручений по вопросам направления и координации их деятельности и т.д. [5]. Мы согласны с такой позицией, и подчеркиваем, что сегодня с принятием вышеуказанного Указа в стране параллельно существуют два весьма сходных министерства. Это предопределяет и возникновение так называемой конкуренции между Министерством доходов и сборов Украины и Министерством финансов Украины, ведь их функции несколько похожи. Это может привести к политической и финансовой нестабильности в государстве. Мы считаем, что для предупреждения таких негативных последствий законодателю нужно достаточно взвешенно и обдуманно подойти к определению полномочий двух министерств, осуществить их эффективный анализ, четко определиться с теми возможностями, которые могут использовать в своей деятельности министерства.

Таким образом, финансовая деятельность таможенных органов должна осуществляться в соответствующих направлениях. Так, следует согласиться с позицией Н.С. Ильницкого, что важнейшими направлениями финансовой деятельности таможенных органов являются: 1) участие в формировании и использовании бюджетных средств различных уровней; 2) участие в создании и использовании фондов обязательного личного страхования сотрудников; 3) участие в создании и использовании средств различных государственных внебюджетных фондов (пенсионного, социального страхования и т.д.); 4) участие в отношениях по поводу получения и использования банковских займов и компенсационных выплат для строительства индивидуального жилья и жилищно-строительных кооперативов, го-

сударственных пособий, других социальных компенсационных выплат; кредитные отношения; 5) привлечение и использование средств, которые получают органы в субъектах государства от финансово-хозяйственной деятельности [6, с. 224].

Что касается материальных ресурсов, то под ними Р.А. Фахтудинов понимает основные и оборотные средства производства, которые используются или могут быть использованы в производственном процессе и формируют его материально-вещественную базу [7, с. 463]. Рассматривая материальное обеспечение, Н.Н. Касьяненко отмечает, что это достаточно сложный социально-экономический процесс. При этом в условиях современных форм хозяйствования и наличии различных форм собственности важное значение приобретает изучение конъюнктуры рынка, поиска наиболее выгодных поставщиков, определение потребностей в ресурсах и контроль за выполнением условий поставки. Автор также отмечает, что процесс обеспечения материальными ресурсами включает в себя несколько взаимосвязанных актов: 1) изучение потребностей в определенном виде материальных ценностей и соответствующих финансовых возможностях; 2) проведение тендеров на поставку продукции или услуг; 3) подготовка и заключение договоров; 4) получение ресурсов и передача их потребителям [8, с. 153]. Анализируя вышеприведенную позицию автора, мы можем сделать вывод, что процесс обеспечения материальными ресурсами достаточно сложный и требует усилий не одного государственного органа, поэтому мы считаем, что важным в этом процессе является участие самих таможенных органов и их должностных лиц в процессе закладки бюджетных основ на их содержание. Это, по нашему мнению, является весьма важным, ведь таможенные органы, как никакой другой орган, знают о потребностях своего структурного подразделения, о том, что им необходимо для улучшения и облегчения своей деятельности.

Важным также является своевремен-

ность и полная комплектация таможенных органов соответствующими материальными ресурсами с минимальным расходованием сил, средств и других ресурсов.

Анализ нормативных актов и научной литературы, в которых используются такие термины как «материально-финансовое обеспечение», «материально-техническое обеспечение», предоставил возможность сделать следующие выводы. Во-первых, как в нормативно-правовых актах, так и в научной литературе отсутствует единая и обще приемлема мысль о сущности выше приведенных категорий и их соотношении. Во-вторых, принимая во внимание то, что категория «материальное» применяется к предметам (явлений, процессов), которые имеют место в реальной действительности, то и категории «финансовое (денежное) обеспечение», «техническое обеспечение», материальным носителем которых являются материальные вещи (имущество, деньги и т.п.), охватываются материальным обеспечением, то есть все проанализированные нами выше категории являются лишь частью материального обеспечения, так как правоотношения по этим видам обеспечения являются имущественными, поскольку возникающие в связи с предоставлением сотруднику таможенного органа определенных материальных благ в виде имущества, заработной платы, жилья, пенсий, льгот и компенсаций, льготного лечения или оздоровления и т.д. Следовательно, категория материальное обеспечение является более широкой по содержанию чем подобные ей по семантике такие термины как «финансовое (денежное) обеспечение», «техническое обеспечение». По нашему мнению, материальное обеспечение таможенных органов - это их обеспечение материально-техническими ресурсами, необходимыми для своевременного и бесперебойного выполнения таможенных задач.

Список использованной литературы

1. Синявська О.Ю., Удосконалення нормативного регулювання фінансового забезпечення органів внутрішніх справ України як чинних їх життєдіяльності / О.Ю. Синявська // Наше право. – 2003. – № 4. – С. 101-103.
2. Плішкін В.М., Теорія управління органами внутрішніх справ: Підручник / В.М. Плішкін; за ред. Ю.Ф. Кравченка. – К.: Нац. акад. внутр. справ України, 1999. – 702 с.
3. Проценко Т.О., Правове регулювання адміністрування податків і митних платежів: Автореф. дис... доктора юрид. наук: Спец. 12.00.07 «Адміністративне право і процес; фінансове право; інформаційне право» /Т. О. Проценко. - Київ, 2008. - 36 с.
4. Митний кодекс України від 13.03.2012 № 4495-VI // Відомості Верховної Ради України. – 2012. - № 44-45, № 46-47, № 48. - Ст. 552.
5. Скумін А., Міністерство доходів і зборів: 70-тисячна армія митарів / Скумін А. // УкрРудПром [Електронний ресурс]: Режим доступу: http://www.ukrrudprom.ua/digest/Mnsterstvo_dohodv_zborv_70tisyachna_armya_mitarv.html
6. Ільницький М.С., Організація фінансового та матеріально-технічного забезпечення органів внутрішніх справ України // С.М. Ільницький // Форум права. – 2009. - № 1. – С. 222-230.
7. Фатхудинов Р.А., Система менеджмента: Учебн-практ. пособе / Р.А. Фатхудинов. 2 -е изд. – М.: Интел. Синтез. – 1997. – 352 с.
8. Касьяненко М.М., Організація роботи та управління органами державної податкової служби України: Навч. посібник / М.М. Касьяненко, В.М. Гринюк, А.В. Цимбал. – Ірпінь: Акад. ДПС України, 2001. – 229 с.

К.А. КРАСНОВА,

ведущий научный сотрудник ФГКУ «ВНИИ МВД России»,

кандидат юридических наук, майор полиции

И.А. АНДРЕЕНКОВ,

старший оперуполномоченный ЦГЗ ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу

и Ленинградской области, подполковник полиции

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ МВД РОССИИ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЦ, ПОДЛЖАЩИХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЕ

Резюме

Основные обязанности государства в соблюдение и обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства является их защита конституционных прав на жизнь, свободу и личную неприкосновенность, а также одним из направлений оперативно-розыскной деятельности при преодолении противодействия предварительному расследованию и судебному разбирательству. Данной проблеме посвящен ряд монографических исследований, в которых выявлены трудности объективного, всестороннего и полного рассмотрения уголовных дел, обусловленные противоправным воздействием на участников уголовного процесса.

Ключевые слова: Безопасности и сохранности имущества, пресечения и предупреждения действий, наведение справок, наблюдение, обследование помещений, зданий, сооружений.

Resume

The main responsibilities of the State on respecting and ensuring the safety of participants of criminal proceedings are to protect their constitutional rights to life, liberty and personal integrity, as well as one of the areas of operational-search activity in overcoming opposition to preliminary investigation and trial. This issue is devoted to a series of monographic studies that identify the constraints of objective, comprehensive and complete examination of criminal cases arising from the wrongful action on the parties of the penal proceedings.

Key words: Property security and safety, suppression and prevention of activities, inquiry, observation and inspection of premises, buildings, structures.

Обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства является одним из направлений оперативно-розыскной деятельности при преодолении противодействия предварительному расследованию и судебному разбирательству. Этой проблеме посвящен ряд монографических исследований, в которых выявлены трудности объективного, всестороннего и полного рассмотрения уголовных дел об убийствах, террористических актах, похищениях людей, бандитизме, должностных преступлениях, незаконном обороте наркотиков и других тяжких и особо тяжких преступлениях, обусловленные противоправным воздействием на участников уголовного процесса.

Состояние криминогенной обстановки в России дает основания согласиться с исследователями, прогнозирующими её осложнение вокруг свидетелей и других участников уголовного процесса в ближайшем будущем [1, с. 106]. Так, в 2011 г. под защитой государства находились 2434 лица [2] (+7,1 % к АППГ), в 2012 г. – 2856 (+17,3 % к АППГ). При этом в отношении защищаемых лиц в 2011 г. применялось 4418 мер безопасности, предусмотренных действующим российским законодательством (+134,0 % к АППГ), в 2012 г. – 5632 (+27,5 % к АППГ).

В 2011 г. сотрудниками УОГЗ МВД

России [3] и подразделения государственной защиты территориальных органов МВД России по субъектам Российской Федерации применялись меры безопасности в отношении 868 потерпевших, 815 свидетелей, 211 подозреваемых, 508 близких, 32 лиц иных категорий. В 2012 г. практика государственной защиты участников уголовного процесса распространилась на 950 потерпевших, 885 свидетелей, 222 подозреваемых, 759 близких, 40 лиц иных категорий.

Российская практика показывает, что без использования оперативно-розыскных мер невозможно обеспечить безопасность участников уголовного судопроизводства, поскольку оперативные сотрудники располагают всеми необходимыми для решения этой задачи возможностями:

- 1) материальные и финансовые ресурсы, специально предназначенные для обеспечения безопасности (наличие мест сокрытия участников процесса, выдача им специальных средств защиты и др.);

- 2) возможность осуществлять постоянное или в лишь определенные периоды скрытое и не скрытое оперативное сопровождение участников процесса, что требует постоянного присутствия оперативных сотрудников);

- 3) технические возможности обеспечения оперативного сопровождения (автотранспорт, средства технического наблюдения и др.);

- 4) силовые возможности (применение оружия и специальных средств защиты для участников процесса) [4, с. 276].

Оперативно-розыскное обеспечение исходит в основном из необходимости проведения определенных оперативно-розыскных мероприятий для выявления, пресечения и предупреждения действий, представляющих опасность для лиц, участвующих в уголовном деле [4, с. 279]. В соответствии с ч. 5 ст. 7 Федерального закона от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [5] одним из оснований проведения оперативно-розыскных мероприятий является постановление о применении мер безопасности

в отношении защищаемых лиц, осуществляемых уполномоченными на то государственными органами в порядке, предусмотренным законодательством Российской Федерации.

Согласно ч. 6 ст. 14 Закона об ОРД органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, обязаны содействовать обеспечению в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, безопасности и сохранности имущества своих сотрудников; лиц, оказывающих содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность; участников уголовного судопроизводства, а также членов семей и близких указанных лиц от преступных посягательств.

Оперативно-розыскное обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства осуществляется путем проведения таких оперативно-розыскных мероприятий, как опрос лиц, представляющих оперативный интерес, наведение справок, наблюдение, обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, прослушивание телефонных переговоров и др. При прямом контакте угрозоносителя со свидетелем или потерпевшим по делу возможно проведение оперативного эксперимента с целью фиксации угроз с последующим документированием и использованием в качестве доказательств для привлечения виновного лица к уголовной ответственности по ст. 309 УК РФ.

В рамках оперативно-розыскного обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства могут осуществляться оперативная проверка и разработка угрозоносителя с возможной их реализацией для возбуждения уголовного дела.

Кроме того, в соответствии с ч. 4 ст. 18 Федерального закона от 20.08.2004 № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» на территориальное подразделение государственной защиты возложено определение мер безопасности и способов их применения. Безусловно, это трудноспоримое положе-

ние законодательства. Однако существует мнение о целесообразности включения в компетенцию инициатора (например, руководителя следственного органа) права определять основные защитные меры, и эти решения должны быть обязательны для органа, обеспечивающего безопасность участника уголовного процесса [67].

Исследование правоприменительной практики свидетельствуют о том, что имеющиеся правовые [7] и организационные основы не обеспечивают в полной мере реализацию мер государственной защиты в отношении участников уголовного процесса. Среди проблем, выявленных в ходе исследования, отметим следующие.

Во-первых, остается неурегулированным вопрос о возможности проведения оперативно-розыскных мероприятий в ситуации, когда информации о возможном противоправном действии в отношении защищаемого лица нет, а превентивные меры необходимо принять, в связи с тем, что существует «максимально возможная вероятность посткриминального воздействия» [8, с. 53].

Во-вторых, на сегодняшний день отсутствуют правовые нормы, позволяющие применять меры безопасности не только к участникам уголовного судопроизводства, но и к гражданам, содействующим оперативно-розыскной деятельности [9, с. 64].

В-третьих, в действующем законодательстве не урегулированы вопросы участия сотрудников подразделений государственной защиты в следственных и следственно-оперативных группах. Хотя подобный положительный опыт имеется в ряде регионов (Республика Башкортостан, Волгоградская область и др.).

В-четвертых, одна из проблем оперативно-розыскной деятельности подразделений государственной защиты территориальных органов МВД России связана с полномочиями должностных лиц органов, принимающих решение об осуществлении государственной защиты. В российском законодательстве нормативно не закреплена процедура отмены мер безопасности, к примеру, в случае систематического нарушения

защищаемым лицом рекомендаций оперативных сотрудников подразделения государственной защиты. На практике случается, что неразумное поведение защищаемого лица не только создает угрозу его жизни и здоровью, но и ставит в опасность жизнь сотрудников полиции, осуществляющих меры безопасности.

В соответствии с действующим законодательством, решение об отмене мер безопасности принимает должностное лицо, в чьем производстве находится уголовное дело, по заявлению защищаемого лица. Однако на практике складываются ситуации, когда защищаемое лицо не желает писать заявление об отмене мер безопасности (даже когда реально по проверенным материалам источники угроз отсутствуют, например, угрозоносители привлечены к уголовной ответственности и находятся в местах лишения свободы). В отсутствие заявления защищаемого лица постановление об отмене мер безопасности не может быть вынесено, что приводит не только к нерациональному расходованию сил и средств оперативных подразделений, но и расходованию бюджетных средств, выделяемых в рамках Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2009-2013 годы». Решением данной проблемы могло бы стать нормативное закрепление оснований и процедуры отмены мер безопасности.

В этой связи нами предлагается уточнить основания отмены мер безопасности, закрепленные в ч. 1 ст. 20 Федерального закона от 20.08.2004 № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», в частности, предусмотреть отмену мер безопасности в связи с действиями (бездействием) защищаемого лица, создающими угрозу для жизни и здоровья сотрудников органов, осуществляющих меры безопасности, а также третьих лиц.

В заключении хотелось бы отметить, что что в российском законодательстве создан полноценный институт государственной защиты участников уголовного

процесса. Оперативно-розыскное обеспечение безопасности участников уголовного процесса, являясь ключевым направлением оперативно-служебной деятельности территориальных подразделений государственной защиты, требует своего дальнейшего совершенствования.

Список использованной литературы

1. Жиляев А.И., Данилин С.Н., Актуальные проблемы защиты свидетелей // Реагирование на преступность: концепции, практика, закон. М., 2002.
2. Речь идет об участниках уголовного процесса и их близких, подпадающих под действие Федерального закона от 20.08.2004 № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства». В законе участники уголовного процесса именуются «защищаемые лица».
3. УОГЗ МВД России – Управление по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите, создано на основании Указа Президента РФ от 06.09.2008 № 1316 (ред. от 05.09.2011) «О некоторых вопросах Министерства внутренних дел Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 37. Ст. 4182. Находится в структуре центрального аппарата Министерства внутренних дел Российской Федерации (Указ Президента РФ от 01.03.2011 № 248 (ред. от 15.01.2013) «Вопросы Министерства внутренних дел Российской Федерации» (вместе с «Положением о Министерстве внутренних дел Российской Федерации») // Собрание законодательства РФ. 2011. № 10. Ст. 1334).
4. Халиков А.Н., Оперативно-розыскная деятельность по борьбе с коррупционными преступлениями, совершамыми должностными лицами органов власти: Монография. 2-е изд., испр. и доп. М., 2012.
5. Собрание законодательства РФ. 14.08.1995. № 33. Ст. 3349. Далее – Закон об ОРД.
6. Макеев А.В., Свидетель в уголовном судопроизводстве России: становление и тенденции развития процессуального института: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 25 с.
7. Федеральный закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ (ред. от 30.11.2011) «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 34. Ст. 3534; Постановление Правительства РФ от 02.10.2009 № 792 «Об утверждении Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2009-2013 годы» // Собрание законодательства РФ. 2009. № 41. Ст. 4778; Постановление Правительства РФ от 27.10.2006 № 630 «Об утверждении Правил применения отдельных мер безопасности в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» // Российская газета. 2006. 10 нояб. № 4219; Постановление Правительства РФ от 21.09.2012 № 953 «Об утверждении Правил применения меры безопасности в виде переселения защищаемого лица на другое место жительства в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 39. Ст. 5290; и др.
8. Титов В.М., Павличенко Н.В., Проблемы правового регулирования обеспечения безопасности лиц, содействующих правосудию // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: материалы седьмой международной научно-практической конференции: в 2 ч.; ч. 1. Барнаул, 2009.
9. Лозовицкая Г.П., Краснова К.А., Правовые проблемы законодательства о государственной защите участников уголовного судопроизводства: Научно-практический комментарий. М., 2011

Dr. Iurie LARII,

director al Departamentului știință

al Academiei „Ștefan cel Mare” a MAI, conferențiar universitar

Dr. Oleg RUSU,

conferențiar universitar al Catedrei Științe penale

a Academiei „Ștefan cel Mare” a MAI

REGLEMENTĂRI SPECIFICE PRIVIND ASIGURAREA SECURITĂȚII PĂRȚILOR VĂTĂMATE ȘI A MARTORILOR DIN RÂNDUL PERSOANELOR AFLATE ÎN DETENȚIE

Rezumat

În ultimii ani se atestă o intensificare a tendinței de aplicare a unor metode periculoase de influențare a părților vătămate și a martorilor. În articol este semnalată existența problemei în cauză și în locurile de detenție, unde se află obiectul securității și sursa de amenințare. Astfel, autorul analizează prevederile legislației execuțional-penale actuale a Republicii Moldova consacrate securității condamnaților. Sunt prezentate criteriile și principiile în baza cărora sunt clasificate și respectiv aplicate măsurile de securitate. De asemenea, este elucidat mecanismul procedural al aplicării măsurilor de securitate.

Cuvinte cheie: legislația execuțional-penală, parte vătămată, martori, infracțiune, asigurarea securității

Résumé

Au cours des dernières années, on atteste une augmentation de la tendance d'application des méthodes dangereuses d'influencer les parties lésées et les témoins. Dans l'article est signalé l'existence de ce problème dans les lieux de détention, où se trouve l'objet de la sécurité et la source de la menace. Ainsi l'auteur analyse les prévisions de la législation exécutive-pénale actuelle de la République de Moldova consacrées à la sécurité des condamnés. Ici sont présentés les critères et les principes en vertu desquels sont classés et appliqués les mesures de sécurité. Il est également élucidé le mécanisme procédural d'application des mesures de sécurité.

Mots-clés: législation exécutive-pénale, personne préjudicée, témain, infraction, assurance de la sûrete

Cu ocazia săvârșirii unei infracțiuni, sunt lezate anumite valori sociale apărate de norme penale care conduc spre un „conflict de drept penal substanțial care generează un raport juridic de drept penal”. [1, p. 76] Declarațiile martorilor fac parte din mijloacele de probă prin care se constată elemente de fapt ce pot servi ca probă. Martorul în sine nu este un mijloc de probă, au acest caracter numai declarațiile lui în măsura în care concură la rezolvarea cauzei.

Dată fiind importanța care se atribuie probei cu martori, în special în procesul penal unde proba cu martori constituie regula, dar ținând cont și de vechimea acestui mijloc de probă, nu întâmplător, martorii sunt considerați „ochii și urechile justiției”. [2, p. 93]

Totodată, cu fiecare an, se intensifică tendința de aplicare a unor metode peri-

culoase de influențare a părților vătămate și martorilor, a diminuării forței de opunere a acestora diferitor atentate criminale. Drept rezultat, sunt înregistrate multiple cazuri de declarații false precum și refuz sau eschivare a participanților la procesul penal de la îndeplinirea obligațiunilor procesual-penale. Toate acestea, la rândul său, împiedică examinarea dosarelor penale: acestea își pierd perspectiva judiciară; infractorii tot mai des se eschivează de la răspunderea penală; părțile vătămate pierd perspectiva de a-și recupera prejudiciul cauzat. Această problemă există și în locurile de detenție, unde se află obiectul securității și sursa de amenințare, existența subculturii, care sporește verosimilitatea și pericolul atentatelor asupra persoanelor care au și calitatea de parte vătămată sau martor în unele dosare penale.

Problema este una imperativă și actuală și necesită o abordare coerentă atât din partea Guvernului, Ministerului Justiției și Departamentului Instituțiilor Penitenciare, cât și din partea fiecărui colaborator al sistemului penitenciar. Unele angajamente în acest domeniu deja sunt reflectate în anumite documente naționale de politici, inclusiv în Strategia de Reformare a Sectorului Justiției pentru anii 2011-2016. [3]

Punctul de pornire în evaluarea situației îl constituie actele internaționale la care Republica Moldova este parte, angajamentele Republicii Moldova în domeniu, precum și bunele practici ale altor state.

Legislația execuțional-penală actuală a Republicii Moldova conține unele prevederi consacrate securității condamnaților. Astfel, în conformitate cu prevederile art. 206 Cod de executare [4] și pct. 129-135 din Statutul executării pedepsei de către condamnați, [5] la apariția pericolului pentru securitatea personală a condamnatului, el este în drept să adreseze oricarei dintre persoanele cu funcții de răspundere ale penitenciarului o cerere privind asigurarea securității personale. În asemenea cazuri, administrația penitenciarului este obligată să întreprindă imediat măsuri pentru asigurarea securității personale a deținuților, în caz contrar va purta răspundere integrală pentru viața și sănătatea condamnatului.

Transferul unei asemenea persoane se efectuează prin decizia șefului instituției, pe un termen de 30 de zile. În cazuri excepționale, ofițerul de serviciu este în drept să dispună acest transfer până la apariția șefului, dar pe o durată de cel mult 24 ore. În caz de necesitate, termenul de detinere în izolatorul disciplinar poate fi prelungit cu încă 30 zile, cu consumământul procurorului care supraveghează respectarea legilor în instituția penitenciară dată.

[5, p. 134-135]

Așadar, legislația execuțional-penală a Republicii Moldova prevede posibilitatea transferului condamnatului într-un loc sigur sau într-o altă instituție penitenciară, aplica-

rea măsurilor cu caracter special – investigativ și alte acțiuni care înălță amenințarea securității personale a condamnatului.

Însă, în practică, sunt frecvente cazurile când condamnații sunt părți vătămate sau martori și, în pofida acestor măsuri prevăzute de Codul de executare al Republicii Moldova, nu este posibil, în toate cazurile, de a asigura inviolabilitatea și securitatea acestora față de unele amenințări criminale.

Toate cele enunțate nu pot să nu împiedice examinarea cauzei penale. Pentru evitarea acestui fenomen, Codul de procedură penală al Republicii Moldova [6, art. 215] și Legea Republicii Moldova cu privire la protecția martorilor și altor participanți la procesul penal [7] prevăd posibilitatea aplicării diferitor măsuri de protecție, inclusiv față de persoanele care se află în detenție, și anume:

- audierea cu aplicarea unor modalități speciale;
- protecția datelor de identitate ale persoanei protejate;
- desfășurarea în cazurile necesare a unor dezbateri judiciare închise;
- schimbarea identității;
- schimbarea înfațării etc.

În activitatea instituțiilor penitenciare problemele în cauză, un timp îndelungat, s-au soluționat în contextul unei probleme mai vaste, și anume a securității condamnaților în condițiile izolării de societate. După adoptarea Legii nr. 105-XVI din 16.05.2008 cu privire la protecția martorilor și altor participanți la procesul penal, care a substituit Legea nr. 1458 - XIII din 28 ianuarie 1998 privind protecția de stat a partii vătămate, martorilor și altor persoane care acordă ajutor în procesul penal, securitatea condamnaților, care au devenit părți vătămate și martori în procesul executării pedepsei, a căpătat o însemnatate de sine stătătoare.

În scopul realizării legii nominalizate, la 20 noiembrie 2008, în baza ordinului MAI nr. 379 a fost creată Direcția protecția martorilor, ca subdiviziune subordonată MAI abilitată cu funcții de asigurare a securității participanților

la procesul penal a căror viață, integritate corporală, libertate ori proprietate sunt amenințate ca urmare a faptului că dețin date pe care au acceptat să le furnizeze organelor judiciare și care constituie probe concludente cu privire la săvârșirea unor infracțiuni grave, deosebit de grave sau excepțional de grave.

În sensul legii cu privire la protecția martorilor și altor participanți la procesul penal, persoană protejată este persoana cu care s-a încheiat un acord de protecție în condițiile legii nominalizate, care poate avea și statut procesual de condamnat în timpul executării unei pedepse privative de libertate care acceptă să depună declarații ce pot constitui probe concludente cu privire la o infracțiune gravă, deosebit de gravă sau excepțional de gravă ori să furnizeze informații privind pregătirea unor infracțiuni grave, deosebit de grave sau excepțional de grave. [7, art. 12 alin. (1)]

Față de persoana protejată aflată în detenție pot fi luate măsuri de protecție aplicate în cadrul programului de protecție exclusiv de către organul abilitat cu protecția martorilor, precum și măsuri urgente care sunt niște activități specifice desfășurate de către administrația locului de detenție imediat ce se constată starea de pericol la care este expusă persoana.

Administrația locului de detenție este abilitată cu atribuția de a aplica măsurile urgente și măsurile de asistență prevăzute în legea cu privire la protecția martorilor și altor participanți la procesul penal, cu informarea imediată sau în cel mult 24 de ore a procurorului și a organului abilitat. [7, art. 9 alin. (1)] Astfel, pentru asigurarea securității personale a deținutului, administrația penitenciarului este obligată să-l izoleze de alți deținuți, utilizând în aceste scopuri diverse încăperi, care corespund cerințelor pentru detenția persoanei, inclusiv celulele izolatoarelor disciplinare [5, pct.133].

Măsurile de protecție a persoanelor care se află în detenție se dispun de organul abilitat și se execută de administrația locului de detenție în comun cu Departamentul Instițiilor Penitenciare al Ministerului Justiției.

[7. art. 9 alin. (2)].

Măsurile de protecție pot fi aplicate singure sau cumulat, inclusiv cu măsurile urgente și/sau cu măsurile de asistență.

Astfel, prin asigurarea securității părților vătămate și a martorilor din rândul persoanelor aflate în detenție, înțelegem o astfel de stare a relațiilor execuțional –penale, când, atentatele ilegale asupra vieții, sănătății și proprietății părților vătămate și a martorilor din rândul deținuților lipsesc sau sunt prevenite, fie curmate prin aplicarea măsurilor prevăzute de lege în ordinea prescrisă.

În opinia noastră, asigurarea securității deținuților ar trebui organizată în baza următoarelor principii, și anume:

- principiul responsabilității personale a colaboratorilor instituției penitenciare;
- principiul responsabilității deținutului pentru propria securitate;
- principiul limitării acțiunilor de reprimare.

La conținutul procesului de reglementare juridică a asigurării securității părților vătămate și a martorilor din rândul persoanelor aflate în detenție se referă:

- a) determinarea statutului juridic al persoanei a cărei securitate este asigurată;
- b) reglementarea măsurilor de securitate, precum și fixarea în lege a temeiurilor aplicării măsurilor de securitate și a anulării lor.

În viziunea noastră, măsurile de securitate aplicate martorilor și părților vătămate din rândul persoanelor aflate în detenție pot fi clasificate în baza următoarelor criterii:

- a) sursele reglementării juridice a măsurilor de securitate;
- b) cercul de persoane care urmează a fi protejate;
- c) resursele materiale utilizate.

Totodată, mecanismul procedural al aplicării măsurilor de securitate constă din trei etape (elemente) substituibile, și anume:

- a) adoptarea deciziei privind realizarea măsurilor de securitate;
- b) realizarea măsurilor de securitate;
- c) adoptarea deciziei de anulare a măsu-

rilor de securitate.

Prima etapă include trei subetape:

- a) obținerea informației privind existența amenințării;
- b) analiza informației obținute;
- c) obținerea acordului sau refuzului persoanei responsabile cu aplicarea măsurilor de securitate.

Etapa a doua constă în realizarea nemijlocită a măsurilor de securitate în funcție de tipul acestora (penale, procesual-penale, speciale, și execuțional-penale) și ajustarea rezultatelor.

Etapa a treia rezidă în adoptarea deciziei privind anularea măsurilor de securitate având ca inițiator organul care asigură securitatea, precum și persoana protejată.

Având în vedere cele consemnate, concluzionăm că protecția martorilor și a părților vătămate din rândul persoanelor aflate în detenție este un drept public subiectiv al părților vătămate și martorilor care ar trebui văzută ca expresie a protecției drepturilor umane fundamentale ale acestora. Acest drept subiectiv pozitiv individual atrage anumite drepturi legale ale unui martor sau parte vătămată și obligații corespunzătoare din partea statului. Astfel, implementarea institutului de protecție a martorilor și a părților vătămate depinde de voința comună a tuturor actorilor implicați în această activitate (Procuratura, Ministerul Afacerilor Interne, Ministerul Justiției) și doar prin eforturi susținute va fi posibilă stimularea calitativă a acestui proces.

O altă concluzie ar fi că asigurarea securității detinuților trebuie să devină una din formele prioritare de activitate ale sistemului penitenciar prin realizarea unei politici consecvente a statului și a acțiunilor realizate în instituțiile penitenciare. Respectiv, conside-

răm oportun ca în Statutul executării pedepsei de către condamnați, la secțiunea consacrată asigurării securității deținuților, să fie reglementate suplimentar următoarele aspecte: determinarea noțiunii de stare de securitate în condițiile instituției penitenciare, garanțiile securității, precum și reglementarea măsurilor concrete orientate spre înlăturarea diversilor factori, procese și tendințe negative pentru condamnat.

Bibliografie

1. Mihai Apetrei, *Drept procesual-penal, partea generală*, ed. Oscar Print. București, 1999.
2. J. Bentham, *Traité des preuves judiciaires*, ed. Bassage freres, vol. I, Paris, 1823.
3. Strategia de Reformare a Sectorului Justiției pentru anii 2011-2016 // www.justice.gov.md/...strategie/SRSJ_final
4. Codul de executare al Republicii Moldova nr. 443-XV din 24.12.2004 (în vigoare din 01.07.2005), art. 224 // Monitorul Oficial al Republicii Moldova, nr. 34-35/112 din 03.09.2005.
5. Statutul executării pedepsei de către condamnați, aprobat prin Hotărârea Guvernului Republicii Moldova nr. 583 din 26.05.2006// Monitorul Oficial al Republicii Moldova, nr. 91-94/676 din 16.06.2006.
6. Codul de procedură penală al Republicii Moldova nr. 122-XV din 14.03.2003, în vigoare de la 12.06.2003 // Monitorul Oficial al Republicii Moldova, nr. 104-110/447 din 07.06.2003.
7. Legea nr.105-XVI cu privire la protecția martorilor și altor participanți la procesul penal din 16.05.2008 // Monitorul Oficial Nr. 112-114 din 27.06.2008

Михаил Михайлович ЦЫМБАЛЮК,

ректор Львовского государственного университета внутренних дел,

доктор юридических наук, профессор, академик Академии наук Высшего образования Украины,

заслуженный юрист Украины, генерал-лейтенант милиции

Алексей Владимирович АВРАМЕНКО,

начальник факультета по подготовке следователей Львовского государственного

университета внутренних дел, кандидат юридических наук, доцент, полковник милиции

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ СУБЪЕКТОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Резюме

Составляющее основу правового статуса личности являются право на жизнь, право на уважение достоинства, право на свободу и личную неприкосновенность, право на неприкосновенность жилья, право собственности. Неоспоримо, что эти права и свободы неотчуждаемы; они составляют основу правового статуса личности, действуют непосредственно, определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти и обеспечиваются правосудием.

Ключевые слова: Неприкосновенность и безопасность, фундаментальных прав, свобод человека, осуществления процессуальных действий.

Summary

Constituting the fundamental principles of the legal status, the personality is the right to life, the right to dignity, the right to liberty and personal inviolability, the right to inviolability of the home and the right to property.

It is a fact that these rights and freedoms are inalienable. They form the basis of the legal status of an individual. They act directly, they determine the meaning, content and application of the laws, the activities of the legislative and executive authorities and are provided by justice.

Keywords: Inviolability and security, fundamental rights, human freedoms, the legal proceedings.

Статья 3 Конституции Украины указывает, что человек, его жизнь и здоровье, честь и достоинство, неприкосновенность и безопасность определены как наивысшие социальные ценности в государстве. Соответственно, обеспечение фундаментальных прав и свобод человека – это одна из важнейших государственных задач.

Фундаментальными правами человека, согласно Основному Закону Украины, являются право на жизнь (ст. 27), право на уважение достоинства (ст. 28), право на свободу и личную неприкосновенность (ст. 29), право на неприкосновенность жилья (ст. 30), право собственности (ст. 41).

В соответствии со ст. 22 Конституции Украины, эти права и свободы неотчуждаемы; они составляют основу правового

статуса личности, действуют непосредственно, определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти и обеспечиваются правосудием. В свою очередь, ст. 2 Уголовного процессуального кодекса Украины указывает, что задача уголовного судопроизводства состоит в охране прав, свобод и законных интересов участников уголовного производства.

Приведенные конституционные установки предопределяют ряд принципиальных положений, относящихся к сфере противодействия преступности в целом, и в частности к обеспечению безопасности личности в процессе уголовного судопроизводства.

Во-первых, неотчуждаемость прав и

свобод личности предполагает, что как бы ни строились отношения того или иного лица с государством, они имеют конституционный статус. Исходя из этого, следует признать, что вышеперечисленные фундаментальные (конституционные) права и свободы человека являются обязательным элементом уголовного процессуального статуса индивидуума в сфере противодействия преступности. В ходе уголовного судопроизводства этот аспект касается обвиняемого, подозреваемого, потерпевшего, свидетеля, эксперта, переводчика и других; при выявлении преступлений – лиц, участвующих в оперативно-розыскной деятельности ввиду возможности привлечения их к уголовному судопроизводству и использования информации как источника доказательств.

Во-вторых, установленное Конституцией Украины прямое действие ее норм, непосредственно действующий характер фундаментальных прав и свобод человека, определяющий их сущность (по отношению как к законотворческой деятельности, так и к правоприменению), обуславливают содержание правоотношений гражданина и государства. В свою очередь, это предопределяет направленность развития современного уголовного процессуального и иного отраслевого законодательства в сфере противодействия преступности и делает необходимой разработку правового механизма, обеспечивающего не только те или иные отраслевые, но и непосредственно конституционные права человека и гражданина.

В-третьих, гарантирование конституционных прав и свобод человека и гражданина распространяется также на сферу государственной деятельности. Наиболее тяжкие – запрещенные уголовным законом – посягательства на права лиц (участников уголовного производства) сопряжены с опасностью криминального воздействия. Соотношение конституционного и отраслевого статусов определяет соотношение

также их элементов, т.е. наличие конституционной гарантии фундаментальных прав, свобод человека и гражданина, а также их вхождение в отраслевой статус предполагают необходимость создания соответствующих юридических отраслевых гарантий этих прав и свобод, а именно – системы мер безопасности лиц, действующих в интересах правосудия.

Реформа уголовной юстиции в Украине влияет на восприятие отдельных понятий, применяемых в науке и законодательстве. Термин «защита» в науке уголовного судопроизводства традиционно употреблялся для обозначения одной из основных процессуальных функций, т.е. сферы деятельности субъектов уголовного судопроизводства, которая обусловлена их ролью и назначением в процессе, и, как правило, ассоциировался с отдельными участниками процесса, обеспечивался принципами законности, состязательности, диспозитивности, гарантирования права на защиту.

Однако процессуальной наукой данная терминология стала использоваться гораздо шире, в значении максимального ограждения от любого рода посягательств, противоправных действий, в том числе устранения причин и условий, содействующих этой деятельности. В связи с этим стал также достаточно популярен термин «меры защиты», употребляемый и в нормативных актах, и в исследований большинства ученых, причем в одном синонимическом ряду с понятием «меры безопасности».

В последний год тема обеспечения безопасности участников уголовного процесса и иных лиц приобретает особую актуальность в связи с принятием и вступлением в действие нового Уголовного процессуального кодекса Украины, где наряду с принципами законности, состязательности, равенства перед законом и судом, презумпции невиновности и другими фундаментальными категориями, опреде-

ляющими сущность уголовного процесса, введен принцип верховенства права, согласно которому человек, его права и свободы являются наивысшей ценностью и определяют сущность и направленность деятельности государства.

Надо отметить, что в отдельных нормативных актах в большинстве случаев употребляется терминология: обеспечение безопасности лиц, которые участвуют в уголовном судопроизводстве; средства обеспечения безопасности; личная охрана; охрана жилья и имущества и т.п., которая не в полном объеме соответствует уголовному процессуальному законодательству Украины. Хотя, согласно принципу законности, законы и другие нормативно-правовые акты Украины, положения которых касаются уголовного производства, должны соответствовать КПК Украины.

Статья 1 Закона Украины «Об обеспечении безопасности лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве» определяет понятие «обеспечение безопасности» в уголовном судопроизводстве, процессе выявления, предупреждения, пресечения, раскрытия или расследования уголовных правонарушений, а также в процессе судебного уголовного разбирательства – как осуществление правоохранительными органами правовых, организационно-технических и других мероприятий, направленных на защиту жизни, здоровья и имущества этих лиц от противоправных посягательств, с целью создания необходимых условий для надлежащего осуществления правосудия.

Однако такое определение можно подвергнуть критике, ведь понятие «раскрытие уголовных правонарушений» в КПК Украины и в Законе Украины «Об оперативно-розыскной деятельности» не применяется, в отличие от КПК 1960 года, где быстрое и полное раскрытие преступлений являлось задачей уголовного судопроизводства. Использование категории «правоохранительные органы» также не

в полном объеме отвечает современным реалиям, ведь не все правоохранительные органы, предусмотренные законодательством, наделены компетенцией осуществлять уголовное производство. В категорию «правоохранительные органы» не входит суд, однако именно он, в частности, в уголовном производстве на стадии судебного разбирательства является органом, который будет принимать решение о применении мероприятий обеспечения безопасности.

Отсюда вывод о том, что обеспечение безопасности лиц, которые участвуют в уголовном судопроизводстве, – это деятельность компетентных государственных органов, направленная на создание условий, при которых их жизни и здоровью не угрожает опасность, либо устранение этих опасностей. Следовательно, это понятие не охватывает деятельность, направленную на защиту их имущества, прав и интересов.

В то же время в уголовном судопроизводстве при воздействии на участников процесса и иных связанных с ними лиц ставится под угрозу не только жизнь и здоровье, но и имущество, права и охраняемые законом интересы этих лиц. Считается, что по отношению к этим объектам противоправных посягательств мы не можем говорить об обеспечении безопасности имущества, прав и интересов, так как термин «безопасность» больше касается ситуаций, когда речь идет о защите человека от опасности. Поэтому в законах и научных исследованиях вполне обоснованно следует использовать термин «защита».

Термин «обеспечение безопасности», в свою очередь, предполагает создание тех комфортных условий для участников уголовного производства, которые стимулировали бы их для более активного участия в процессе обеспечения права и устранения опасностей в условиях выполнения процессуальных обязанностей участника судопроизводства. На основании вышеизложенного определяем термин «обеспече-

ние безопасности» как деятельность государственных органов, должностных лиц на основании и в соответствии с законом, направленная на:

- профилактику противоправных воздействий на участников уголовного процесса и лиц, связанных с ними определенной родственной (семейной) связью;

- обеспечение личной безопасности участников уголовного процесса и связанных с ними лиц в связи с угрозой или посягательствами на этих лиц или непосредственно посягательством на их личную безопасность;

- защиту их имущественных и связанных с ними неимущественных прав и интересов.

Принимая во внимание разнообразие мер обеспечения безопасности участников уголовного процесса, обратим внимание на уголовно-процессуальные средства, которые заключаются в установлении на законодательном уровне порядка осуществления процессуальных действий, мер обеспечения уголовного производства, при которых обеспечивается максимальная защита объектов безопасности и имущественных прав заинтересованных лиц.

К сожалению, в УПК Украины четко не определены уголовно-процессуальные средства и действия по обеспечению безопасности участников уголовного процесса, а также защиты их имущественных прав.

Следователь-судья, суд может принять решение об уголовном производстве в закрытом судебном заседании в течение всего судебного производства или его отдельной части ввиду необходимости обеспечения безопасности лиц, которые принимают участие в уголовном судопроизводстве. Также подозреваемый, обвиняемый, потерпевший и их близкие родственники, члены семьи имеют право на обеспечение безопасности и защиту жилья и/или имущества. Однако свидетель, переводчик, эксперт, специалист, в соответствии с конструкцией «заявлять хода-

тайство об обеспечении безопасности в случаях, предусмотренных законом», обеспечены этим правом без учета близких родственников или членов семьи, а также жилья и/или имущества.

Статьей 206 КПК Украины «Общие обязанности судьи относительно защиты прав человека» определено, что при наличии заявления потенциальной жертвы относительно посягательства на ее безопасность следует принять необходимые меры для обеспечения её безопасности. При этом для стороны обвинения – прокурора, следователя – такая обязанность не предусмотрена.

Однако статьей 221 КПК Украины следователю, прокурору запрещено предоставлять для ознакомления материалы досудебного расследования о применении мероприятий безопасности относительно лиц, которые принимают участие в уголовном судопроизводстве.

Кроме этого, в КПК Украины предусмотрен допрос свидетеля или потерпевшего во время досудебного расследования в судебном заседании в связи с угрозой опасности для их жизни и здоровья. Однако подозреваемый такого права не имеет. И это несмотря на то, что подозреваемый как потенциальный обвиняемый обязан присутствовать в зале судебного заседания во время слушания и для реализации требований об обеспечении судебного контроля относительно защиты прав человека (ст. 206 КПК Украины) он должен быть наделен таким правом. Кроме того, таким правом процедуры допроса должен быть наделен также эксперт, поскольку его показания тоже являются источником доказательств в уголовном производстве (ч. 1 ст. 95 КПК Украины).

С целью обеспечения безопасности лица, которое привлекается для опознания подозреваемых, эта процедура может происходить в условиях вневизуального и аудио-контакта, т.е. когда лица, предъявленные для опознания, не видят и не слы-

шат лица, которое их опознает (ч. 4 ст. 228 КПК Украины).

При предъявлении лица для опознания лицу, относительно которого, согласно КПК Украины, применяются мероприятия безопасности, сведения о лице, взятом под защиту, в протокол не вносятся и сохраняются отдельно.

Однако не до конца понятным, а значит нуждающимся в дополнительном исследовании, является отсутствие такого требования к другим протоколам следственных (сыскных) действий, в частности тех, которые являются источниками доказательств в уголовном производстве.

Учитывая вышеизложенное, считаем перспективным:

– усовершенствовать нормативно-правовую базу, которая регламентирует обеспечение безопасности субъектов уголовного производства и защиту их имущественных прав (привести ее в соответствие с КПК Украины 2012 года);

– разработать прикладные методики обеспечения безопасности участников уголовного производства посредством методических рекомендаций по применению законодательства и тактических приемов, которые применяются на стадии досудебного расследования;

– с учетом положительного опыта других государств провести научные исследования правовой регламентации и тактического обеспечения безопасности участников уголовного производства и защиты их имущественных прав.

Список использованной литературы

1. Конституція України // Відомості Верховної Ради України. 1996. № 30.
2. Кримінальний кодекс України // Відомості Верховної Ради України. - 2001. - № 25-26.
3. Кримінально-процесуальний кодекс України // Відомості Верховної Ради України. - 1991. № 2.
4. Постанова Пленуму Верховного Суду України від 30 травня 1997 р. № 7 “Про посилення судового захисту прав та свобод людини і громадянина” // Постанови Пленуму Верховного Суду України у кримінальних справах (1973-2004): Офіційне видання / За заг. ред. В. Т. Мшіренка. – К., 2004.
5. Наукові та навчально-методичні джерела
6. Горбачев А.В. Уголовный процесс Украины (Структурно-логические схемы): Учебн.-метод, пособ. – Харьков, 2002.
7. Гумін О.М., Сибірна Р.І., Сергієнко Л.О., Устюгова О.Є. Кримінальний процес України (у питаннях та відповідях): Навч.-метод, посіб. – Львів, 2002.
8. Коваленко Є.Г. Кримінальний процес України: Навч. посіб. – К., 2003.
9. Кримінальний процес України: Підручник / За ред. Ю.М. Грошевого, В.М. Хотенця. – Харків, 2000.
10. Лооойко Л.М. Кримінально-процесуальне право: Навч. посібник для підготовки до держ. Іспиту. – Дніпропетровськ, 2004.
11. Маляренко В. Т., Коваленко Є. Г. Кримінальний процес України: Підручник. – К., 2004.
12. Михеенка М.М., Нор В.Т., Шибіко В.П. Кримінальний промес України: Підручник. – К, 1999.
13. Мураєн А.Б. Уголовный процесс: Учебн. пособ. – Харьков, 2000.
14. Тертишник В.М. Кримінально-процесуальне право України: Підручник. – 4-е вид., доп. і перероб. – К., 2003.
15. Янович Ю.П. Уголовный процесс Украины: Пособ. по подготовке к гос. (выпускному) экзамену. – Харьков, 1997.

И.В. БОНДАРЧУК,
начальник Симферопольского городского управления юстиции
Автономной Республики Крым, Украина

ЛЕГАЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В МЕХАНИЗМЕ ЗАЩИТЫ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ УКРАИНЫ

Резюме

В данной статье автор осмысливает категорию «легализация объединений граждан» в аспекте конституционного права. Автор обращает внимание на необходимость разграничения гражданско-правовых и публично-правовых подходов в определении процедуры приобретения легального статуса объединениями граждан. Раскрывается значение данной процедуры во взаимоотношениях общественных организаций и политических партий с государством. Особое внимание в статье уделено анализу судебной практики принудительного распуска объединений граждан, легализованных в Украине. Автором проводится мысль о том, что легализация общественных организаций и политических партий играет важную роль по обеспечению стабильности конституционного строя в государстве.

Ключевые слова: право на объединение, общественные организации, политические партии, конституционный статус, законодательство Украины об общественных объединениях, запрет политических партий, распуск общественных объединений, ответственность объединений граждан.

Summary

The author of this article comprehends category “Legalization of Public Associations” in the aspect of constitutional law. He focuses on the necessity to differentiate civil and public approaches in defining the procedure of obtaining legal status of public associations. The meaning of this procedure in the interaction of public organizations and political parties with a state is revealed. Special attention is paid to the analysis of court’s practice of public associations legalized in Ukraine dissolution. The author underlines the idea that legalization of public associations and political parties plays very important role in guaranteeing stability of constitutional system in the state.

Key words: right for associations, public organizations, political parties, constitutional status, Ukrainian legislation about public associations, prohibition of political parties, dissolution of public organizations, responsibility of public associations.

На сегодняшний день в Украине нет достаточного опыта противодействия экстремизму. Отсутствуют и законодательные нормы, определяющие организационно-правовые основы противодействия экстремистской деятельности, отсутствует и легальное определение понятия «экстремизм». В отличие от Российской Федерации, где действует Федеральный Закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г., особенностью современной государственно-правовой практики Украины в сфере противодействия экстремистской деятельности общественных организаций является формирование

конституционно-правового института, регулирующего организационно-правовые основы отношений между государством и объединениями граждан по поводу приобретения последними легального статуса.

Так, согласно ч. 9 статьи 9 Закона Украины «Об общественных объединениях» действия от имени незарегистрированного общественного объединения или общественного объединения, уведомление которого не принято в установленном данным Законом порядке, кроме действия, связанных с регистрацией такого объединения или уведомлением о его создании, запрещаются[1]. Тогда как статья 27 Фе-

дерального закона РФ «Об общественных объединениях» от 19.05.1995 г., предусматривает комплекс прав и обязанностей с момента фактического создания общественных объединений, которые не являются юридическими лицами и не подлежат государственной регистрации [2], закрепляя тем самым их правовой статус автоматически без каких-либо дополнительных процедур.

Наконец, пора отказаться и от наивных представлений о том, что Конституция сама по себе является достаточной гарантией демократического развития общества и свободы и прав человека и гражданина. Подлинная гарантия писаной конституции и закрепляемых ею институтов конституционного государства, при условии, что она соответствует потребности общества и отвечает уровню его развития, заключается в такой организации социума, которая могла бы противостоять всяким покушениям на защищаемый основным законом конституционный строй [3, с. 7]. Хотя защита конституционного государства приемлема лишь в случае, когда применяемые методы соответствуют нормам конституционного государства, вместе с тем в распоряжении государства должны быть эти методы [4, с. 4].

Теоретическое обоснование применения государством исключительных мер берет свое начало с работы «Исключительное положение», написанной еще в 1908 г. известным дореволюционным конституционалистом В.М.Гессеном. По его мнению, законодательство правового государства, регулирующего применение исключительных полномочий государственной власти, должно отвечать двум категорическим условиям. Первым из них, В.М.Гессен называет применение исключительных полномочий «только при наличии обстоятельств, действительно чрезвычайных»; вторым условием является представление правительству ровно столько власти, сколько необходимо для «спасения

государства от угрожающей ему серьезной опасности» [5, с. 6].

Большинство конституций зарубежных стран устанавливают целый ряд государственно-правовых мер ответственности в случаях ненадлежащего использования права на объединение. В частности, это: запрет, принудительный распуск, приостановление деятельности и лишение лица или лиц конституционного права на свободу объединения.

Так, например, запрещаются, согласно статье 9(2) Основного Закона ФРГ, те объединения, цели и деятельность которых противоречит уголовным законам или направлены против конституционного строя [6, с. 130]. В случае злоупотребления свободой объединения для борьбы против основ свободного демократического строя статья 18 Основного Закона ФРГ допускает возможность лишения этого права Федеральным Конституционным Судом [6, с. 134]. Далее статья 21(2) Основного Закона ФРГ предусматривает, что антиконституционными являются те партии, которые по своим целям или поведению своих сторонников стремятся причинить ущерб основам свободного демократического строя либо устраниТЬ его, или поставить под угрозу существование Федеративной Республики Германии. Вопрос о признании партии антиконституционной решает Федеральный Конституционный Суд [6, с. 130,135]. За время существования ФРГ, суд дважды применял данную (21) статью Основного Закона: в 1952 г. по делу о Социалистической партии Рейха, объявив неконституционной эту неофашистскую партию; и в 1956 г. по делу о признании антиконституционной Коммунистической партии Германии. Как подчеркивается в зарубежной литературе: «В каждом из названных дел вопрос о конституционных ограничениях участия в избирательном процессе, также касался ограничения легальности организации самой политической партии» [7].

Кроме того, Конституция Италии (ст.

18) запрещает тайные общества и такие объединения, которые хотя бы косвенно преследуют политические цели посредством военизированных организаций [6, с. 71]. Запрещаются организации военизированного характера и по Конституции Федеративной Республики Бразилии (ст.5). «Ассоциации, - гласит далее ст. 5 основного Закона Бразилии, - могут быть распущены в принудительном порядке или их деятельность может быть приостановлена только на основании судебного решения» [6, с. 290]. Аналогичная формулировка содержится и в ст. 22 Конституции Испании: «Объединения могут быть распущены или их деятельность приостановлена только в силу мотивированного судебного решения» [6, с. 206].

Что касается современной судебной практики ограничения права на свободу объединения, то по данным Европейского суда по правам человека за 1999-2007 гг. Судом было вынесено 59 решений, касающихся нарушения права на свободу объединений, среди которых наибольшее число решений было вынесено в делах против Турции (23 решения, то есть 39 % от всех решений). «Это государство, – по справедливому замечанию Ю.Г.Барабаша, – демонстрирует миру поступательное утверждение в своей политико-правовой системе так называемой доктрины «воинствующей демократии»» [8, с. 76].

Украина наряду с такими странами, как Германия, Италия, Бразилия, Испания, Турция, и многими другими не является исключением. Конституция Украины, как основной Закон государства с молодой демократией, не может не содержать право государства защищать конституционный строй и безопасность внутри страны. Согласно статье 37 Конституции Украины создание и деятельность политических партий и общественных организаций, программные цели или действия которых направлены на ликвидацию независимости Украины, изменение конституционного

строя насильственным путем, нарушение суверенитета и территориальной целостности государства, подрыв его безопасности, незаконный захват государственной власти, пропаганду войны, насилия, на разжигание межэтнической, расовой, религиозной вражды, посягательства на права и свободы человека, здоровье населения, запрещаются [9]. В действующем законодательстве Украины за нарушение объединениями граждан конституционных ограничений предусмотрены две государственно-правовые меры ответственности – это запрет (принудительный распуск) и отказ в регистрации общественной организации и политической партии.

В судебной практике Украины известно всего несколько случаев о принудительном распуске общественных объединений, деятельность которых была связана с конституционно-правовыми нарушениями. Так, 6 ноября 2008 г. Харьковский окружной административный суд вынес постановление об удовлетворении иска прокуратуры Харьковской области в полном объеме и принудительном распуске Харьковской областной общественной организации «Евразийский союз молодежи». До этого в 2006 г. суд запретил деятельность на Украине Севастопольской организации «Прорыв», а в 2007 г. Донецкий апелляционный административный суд утвердил решение Донецкого окружного суда о принудительном распуске организации «Донецкая республика».

Впрочем, в рамках данной статьи мы не ставим перед собой цели рассмотреть допустимость законодательных ограничений конституционного права на свободу объединения. Углубленный анализ этих процессов – тема отдельного исследования. В центре нашего внимания иная задача. На примере государственно-правовой и судебной практики Украины мы попробуем проанализировать существующую в украинском законодательстве концепцию легализации общественных организаций

и политических партий в контексте обеспечения стабильности конституционного строя.

Заметим, что конституционно-правовые основы легализации объединений граждан еще не стали предметом специального научного исследования. Отсутствует понятийный аппарат, а описание процедур создания юридических лиц общественных организаций в гражданско-правовом измерении неполно и настолько отличается от соответствующих характеристик в конституционном праве, что требуется «достраивать» их до общей модели легализации, закрепленной в действующем законодательстве Украины.

Правовая наука определяет легализацию как процесс юридического признания и становления общественных организаций [10, с. 24]. При таком подходе главный акцент делается на вопросе нормативного регулирования деятельности общественных объединений, а сам процесс легализации рассматривается как цепь последовательных изменений в механизме правового регулирования правового статуса общественных организаций и политических партий.

Согласимся с высказыванием Д.А.Малого о том, что разработка проблем конституционного права на объединение велась преимущественно в направлении оценки создания и функционирования общественных объединений [11, с. 8]. Отсюда и одностороннее понимание легализации, перекликающееся с процедурами регистрации юридических лиц в гражданско-правовой сфере. Однако следует различать содержание терминов: «регистрация» как понятие цивилистики, «легализация» как понятие государственно-правовой науки.

На наш взгляд, нельзя полностью отождествлять «регистрацию» с «легализацией». Во-первых, потому, что регистрация есть лишь один из методов, способов легализации и не исчерпывает ее содержание. Содержание понятия «легализация общественных организаций» включает в

себя их регистрацию как одного из возможных способов создания, прежде всего, субъекта гражданских правоотношений. Как удачно заметил В.Е.Чиркин: «регистрация дает статус юридического лица, но это не означает, что права и обязанности у всех организаций будут одинаковыми: они определяются законами об отдельных видах организаций» [12, с. 281]. Во-вторых, далеко не все элементы регистрации присущи созданию общественных объединений и связываются с приобретением ими правового статуса. Отдельные регистрационные действия вообще никак не связаны с конституционно-правовым статусом общественных объединений.

Так, например, такой элемент конституционно-правового статуса общественной организации, как конституционно-правовая ответственность имеет полностью самостоятельное значение вне зависимости от того, зарегистрирована организация со статусом юридического лица или нет. Хотя в специальной литературе имеются и противоположные точки зрения. Так, А. А. Кондрашев в качестве субъектов конституционно-правовой ответственности выделяет те общественные объединения, которые имеют статус юридического лица [13, с. 15]. Однако мы разделяем точку зрения В. А. Виноградова утверждающего, что самостоятельная конституционно-правовая ответственность общественных и иных объединений может быть как в случае создания ими юридического лица, так и без этого [14, с. 334]. Ведь правовой основой деятельности общественных образований выступают конституционные положения (ст. 36 Конституции Украины, ст. 13 Конституции Российской Федерации), закрепляющие равенство всех объединений граждан перед законом.

Однако спрашивается, зачем государству устанавливать правовую норму, обязывающую общественное объединение во всех случаях узаконивать свою деятельность

ность? Например, как быть тем «неформальным объединениям», которые основаны на любительстве и удовлетворении личного интереса граждан без всякой претензии на то, чтобы при этом сложилась организация. А исходя из формального содержания законодательства Украины, как руководство, так и участие в социальных объединениях, не прошедших легализацию, может стать основанием наступления юридической ответственности. В украинских же реалиях наступление негативных последствий для лиц, реализующих свое конституционное право на свободу объединения без соответствующего официального признания со стороны государства, довольно редкое явление и имеет место только тогда, когда деятельность нелегализованного объединения граждан граничит, по мнению правоохранительных органов, с нарушением действующего законодательства. Например, 12 декабря 2005 года сразу же после проведения пресс-конференции, посвященной теме дискриминации россиян в Крыму и борьбе за воссоединение Крыма с Россией, активисты фронта «Севастополь-Крым-Россия» были задержаны работниками милиции и привлечены к административной ответственности за участие в деятельности нелегализованного в установленном законом порядке объединения граждан [15].

В свете вышеизложенного требует отдельного комментария ст. 186⁵ Кодекса Украины об административных правонарушениях, которая предусматривает, что руководство объединением граждан, которое не легализовалось в установленном законом порядке или которому отказано в легализации, или которое принудительно распущено по решению суда, но продолжает действовать, а также участие в деятельности таких объединений влечет за собой наложение штрафа от двадцати пяти до ста тридцати необлагаемых минимумов доходов граждан [16].

По нашему мнению, эта норма имеет

право на существование, но с некоторыми замечаниями. Во-первых, ее необходимо трактовать системно, в тесной связи с нормами статьи 4 Закона Украины «Об общественных объединениях» и ст. 5 Закона Украины «О политических партиях в Украине», предусматривающими конкретный перечень фактических обстоятельств, при которых ограничивается создание и деятельность объединений граждан. Во-вторых, следует определить субъектный состав ответственности за нарушение законодательства, установленный комментария ст. 186⁵ Кодекса Украины об административных правонарушениях. Как представляется, эта ответственность предполагает только лишь ответственность отдельных физических лиц, входящие в социальную группу, которая не имеет легального статуса. Данная группа должна рассматриваться в качестве субъекта ответственности не в силу отсутствия официального признания государством связей между участниками объединения, а, в случаях нарушения ими действующего законодательства.

В противном случае бессистемное и расширительное толкование норм данной статьи относительно ответственности отдельных физических лиц может привести к сомнительным выводам. Так, например, согласно утверждению представителей правозащитных организаций Украины, привлечение к административной ответственности по основаниям одного лишь участия в объединении, которое не легализовалось в установленном законом порядке, может нарушить право на свободу ассоциаций, поскольку фактически превращает право в обязанность создавать ассоциации [17, с. 182].

А между тем, отсутствие или наличие требований закона относительно осуществления ряда последовательных, юридически значимых действий, направленных на приобретение прав и обязанностей, не может рассматриваться ни как ограничение права граждан на объединение, ни как

не отвечающее Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. Тем более что в позиции Венецианской комиссии, изложенной в заключении, утвержденном на 41-м пленарном заседании 10-11 декабря 1999 года, сказано, что требования относительно регистрации политических партий сами по себе не могут рассматриваться как нарушение права граждан на объединение [18].

Подчеркнем, что конституционная грань участия граждан в общественно-политической сфере посредством общественных и политических объединений, проходит по линии взаимной ответственности и конституционных обязанностей государства и личности. В правовом государстве конституционно-правовой статус общественных и политических объединений является не только условием осуществления публичной деятельности, но и фактором взаимных прав и обязанностей в отношениях между государством и названными институтами гражданского общества.

Вместе с тем, как показывает практика, в условиях украинской действительности деятельность таких общественных организаций часто проявляется в безответственном отношении к конституционным принципам их создания, деятельности и ее прекращения, в нарушении демократических правил внутрипартийной уставной жизни. Вследствие чего общественные объединения, созданные с целью выражать и защищать общие интересы граждан, превращаются в инструменты манипулирования частью общества, входящей в то или иное объединение, обеспечивают интересы узкого круга лиц для удержания или достижения власти.

Так, в судебном деле о принудительном роспуске Севастопольского городского молодежного объединения «ПРОРЫВ» показательным было то, что в письменных возражениях представитель этой организации указывал, что цель объединения

определенена в Уставе и полностью отвечает действующему законодательству (на момент рассмотрения дела – И.Б.) Украины, а вина членов и руководителя объединения в совершении преступления, предусмотренного частью второй статьи 110 Уголовного кодекса Украины, в законном порядке не доказана и не установлена обвинительным приговором суда. Заметим, что такая позиция исходя из содержания статьи 4 Закона Украины «Об объединениях граждан» была полностью обоснованной, поскольку в данной статье шла речь о запрете в судебном порядке легализованных объединений граждан в тех случаях, когда посягательство на основы конституционного строя является их целью.

Однако основанием решения суда о роспуске данной организации послужило не использование экстремистских методов в отстаивании своих политических взглядов, а систематическое нарушение требований закона об обязательной легализации деятельности за пределами города Севастополя и несоблюдение норм собственного Устава [19]. Оппоненты могут возразить, что в деле о принудительном роспуске Севастопольского городского молодежного объединения «ПРОРЫВ», деятельность фактически была запрещена по формальным основаниям и, в частности, несоответствия территориального ограничения деятельности общественной организации. В то же время судом было установлено, что данным объединением было организовано и проведено в районе Чонгарского перешейка (Джанкойский район, Автономная Республика Крым) массовое мероприятие по поводу несогласия с пребыванием Крымского полуострова в пределах государства Украины, с призывами изменения государственной границы путем присоединения Крыма к Российской Федерации. А как отмечала Европейская комиссия по правам человека в 1991 г. по делу Лавис против Франции, не существует права на объединение в целях, противоречащих за-

конодательству страны, однако должно существовать право на объединение в целях изменения данного законодательства [20, с. 59].

Предусмотренная законодательством возможность отказа в регистрации общественного объединения отличается от вышеописанных видов санкций конституционно-правовой ответственности тем, что «применяется к объединениям (организациям), чей соответствующий правовой статус еще юридически не признан государством» [14, с. 347]. Однако эта санкция будет носить конституционно-правовой характер не во всех случаях. Особенно в тех случаях, когда отказ в регистрации выступает в роли института гражданского права, а причины отказа в регистрации связаны с нарушением гражданско-правового законодательства, например: тождественность в использовании названия другого зарегистрированного общественного объединения или общественного объединения, уведомление которого принято в установленном Законом порядке.

Однако при этом отказ в регистрации общественного объединения на основании п. 2 ч. 5 ст. 10 Закона Украины «Об общественных объединениях» о том, что объединение носит собственное название общественного объединения, деятельность которого запрещена в судебном порядке (на протяжении трех лет после вступления в законную силу соответствующего решения) будет носить конституционно-правовой характер.

В завершение обратим внимание, что тема легализации общественных объединений в Украине, с одной стороны, тесно связана с проблемой их конституционно-правового статуса, поскольку обусловлена нормой-обязанностью, а с другой стороны, сочетает в себе гарантированную государством тенденцию развития идеологического и политического плюрализма и юридическую ответственность каждого от-

дельно взятого и легализованного в установленном законом порядке общественного объединения. А само законодательное закрепление обязанности легализовать деятельность общественного объединения является формальным основанием для реализации позитивной конституционно-правовой ответственности.

Список литературных источников

1. Про громадські об'єднання: Закон України від 22.03.2012 № 4572-VI // Відомості Верховної Ради України. – 2013. – № 1. – Ст. 1.
2. Об общественных объединениях: Федеральный закон РФ от 19.05.1995 № 82-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 21. – Ст. 1930.
3. Эбзеев Б. С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности / Борис Сафарович Эбзеев. – М. : Норма, 2008. – 384 с.
4. Шайо А. Самозащита конституционного государства / Андраш Шайо; пер. с англ. Н. Левенца // Конституционное право : восточноевропейское обозрение. – 2004. – № 2 (47). – С. 3–10.
5. Гессен В. М. Исключительное положение. – Харьков: Эспада, 2005. – 240 с.
6. Конституции зарубежных стран : сборник / [сост. В. Н. Дубровин]. – М. : Издательство «Юрлитинформ», 2008. – 448 с.
7. Issacharoff S. Fragile Democracies [Електронний ресурс] / Samuel Issacharoff // Harvard Law Review. – 2007. – № 6. – Р. 1405–1477. – режим доступу до журн.: <http://www.harvardlawreview.org/issues/120/april07/issacharoff.pdf>.
8. Барабаш Ю. Г. Конституційна політика України у сфері імплементації міжнародних стандартів прав людини // Проблеми законності. 2009. – Вип. 100. – С. 71–83.
9. Конституція України від 28 червня 1996 року // Відомості Верховної Ради

- України. – 1996. – №30. – Ст. 141.
10. Кокотов А. Н. О статусе общественных организаций / Александр Николаевич Кокотов // Известия Высших учебных заведений. Правоведение. – 1993. – № 3. – С. 19–28.
 11. Малый Д. А. Конституционное право на объединение в Российской Федерации: вопросы теории и практики / Денис Александрович Малый. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. – 431 с.
 12. Чиркин В. Е. Юридическое лицо публичного права / В. Е. Чиркин. – М.: Норма, 2007. – 352 с.
 13. Кондрашев А. А. Конституционно-правовая ответственность политических партий и иных общественных объединений в российском законодательстве / Андрей Александрович Кондрашев // Конституционное и муниципальное право. – 2006. – № 11. – С. 15–19.
 14. Виноградов В. А. Ответственность в механизме охраны конституционного строя / Вадим Александрович Виноградов. – М. : Ин-т права и публичной политики, 2005. – 420 с.
 15. «В Севастополе разгромили ядро «сепаратистов». Игорь Черемис. Интернет-издание Независимое аналитическое агентство «Главред»: <http://glavred.info/criminal/scandals>.
 16. Кодекс України про адміністративні правопорушення від 07 грудня 1984 р. № 8073-X // Відомості Верховної Ради УРСР. – 1984. – № 51. – Ст. 1122.
 17. Яворський В. Свобода об'єднань (асоціацій) / Володимир Яворський // Права людини в Україні – 2005 : доповідь правозахисних організацій / [за ред. Є. Захарова та ін.]; Українська Гельсінська спілка з прав людини. Харківська правозахисна група. – Х., 2006. – С. 175–186.
 18. Положення про заборону та розпуск політичних партій та аналогічні заходи (Guidelines on Prohibition and Dissolution of Political Parties and Analogous Measures) CDLINF(2000)001. Прийнято Венеціанською комісією на 41-м Пленарному засіданні (Венеція, 10–11 грудня 1999 року) [Електронний ресурс]. – Режим доступу: [http://www.venice.coe.int/docs/2000/CDL-INF\(2000/001-rus.asp](http://www.venice.coe.int/docs/2000/CDL-INF(2000/001-rus.asp)).
 19. Архив Хозяйственного суда города Севастополя за 2006 год. Дело № 20-1/02.
 20. Цит. по: Вашкевич А. Правовое регулирование статуса политических партий в Республике Беларусь (1906-2005) // Сравнительное конституционное обозрение. – 2005. – № 4 (53). (Nowicki M.A. Europejska Konwenja Praw Czlowieka. 2 wyd. Warszawa. 1999. S. 468).

Corneliu BURBULEA,
lector superior al Catedrei Ştiinţe penale
a Academiei "Ştefan cel Mare" a MAI, master în drept

CONCEPȚIA PROBELOR INADMISIBILE – ANALIZA ISTORICO-JURIDICĂ ȘI TEORETICĂ

Rezumat

Probele obținute cu încălcarea legii sunt recunoscute ca ne având putere juridică și nu pot fi puse în baza îvinuirii, precum și să fie folosite pentru dovedirea circumstanțelor enumerate în cauză. În conformitate cu legislația procesual-penală a Republicii Moldova, la admisibilitatea probelor nu se poate de făcut referire pentru argumentarea oricărora hotărâri pe cauză, inclusiv în concluzia de îvinuire sau în sentință. De aceea este important nu numai de evidențiat criteriile inadmisibilității probelor, dar și din punct de vedere procesual, de initiat procedura excluderii probelor inadmisibile, ceea ce cu părere de rău în Codul de procedură penală a Republicii Moldova nu este prevăzut.

Cuvinte-cheie: Legislația procesual-penală, probe, cauza penală, urmărire penală.

Summary

Evidence obtained in violation of law, are recognized as having no legal force and can not be put under accusation, and be used to demonstrate the circumstances need to be demonstrated in case. According to the penal procedure legislation of the Republic of Moldova, the admissibility of evidence can not be referred to argue any decision on the issue, including the conclusion of blame or judgment. It is therefore important not only to highlight the criteria inadmissible samples, but also in terms of procedure, initiated the exclusion of inadmissible evidence, which unfortunately in Penal Procedure Code of the Republic of Moldova is not provided.

Key words: Procedural-criminal law, samples, the criminal case, criminal prosecution.

Legea procesual-penală înaintează cerința prezenței la orice probă a unei astfel de însușiri obligatorii precum admisibilitatea (art. 95 CPP RM). Probele obținute cu încălcarea legii sunt recunoscute ca neavând putere juridică și nu pot fi puse în baza îvinuirii, precum și să fie folosite pentru dovedirea circumstanțelor enumerate la art. 96 CPP. Din această regulă rezultă că nu doar circumstanțele ce afirmă îvinuirea, ci și dovedirea oricărora altor circumstanțe, inclusiv acele care atenuază răspunderea îvinuitului, trebuie să se bazeze pe probe admisibile.

Dacă regulamentele procesuale de colectare a probelor sunt încălcate, atunci sunt puse în pericol deplinătatea și veridicitatea materialului probator, prin urmare, stabilirea admisibilității probelor este o condiție necesară a utilizării lor în cauza penală. Astfel, importanța acestei însușiri a probelor determină necesitatea cercetării sub toate aspectele, completă și obiectivă a circumstanțelor cauzei.

Din punct de vedere istorico-juridic, admisibilitatea probelor, în calitate de categorie procesual-penală, poate fi numită destul „de Tânără”, în primul rând în legătură cu faptul că ea nu a avut o fixare normativă directă în lege, de fapt, până la adoptarea în 2003 a Codului de procedură penală al Republicii Moldova.

Bineînțeles, cercetări științifice în această direcție au avut loc și anterior. Juriștii ruși, de până la revoluție, acordau atenție chestiunilor admisibilității probelor. În lucrările savanților procesualiști L.E. Vladimirov, M.V. Duhovski și altor juriști noțiunea de „probe”, precum însușirile lor ca apartenență și admisibilitate erau supuse cercetării și analizei.

Astfel, de exemplu, dezvăluind noțiunea de admisibilitate a probelor, profesorul rus M.V. Duhovski scria: „...drept probă se recunoaște doar cea care a fost prezentată în instanță de judecată cu păstrarea condițiilor stabilite pentru un astfel de gen de probe...” [3,p.188], ceea ce înseamnă că se propunea a

recunoaște admisibile doar acele probe care se obțineau cu respectarea strictă a procedurii de colectare a lor.

În perioada sovietică știința procesuală, de asemenea, nu rămânea indiferentă în chestiunile admisibilității probelor. Totodată, vizuniile juriștilor în această chestiune esențial se deosebeau și până, și după adoptarea în 1958 a Bazelor procedurii juridice a URSS și a republicilor unionale, care exprimau acele principii conform căror în anii următori au fost adoptate CPP în republicile unionale. Astfel, de exemplu, A.Ia.Vâšinski considera că: „Dreptul procesual sovietic... nu pune aici nici un fel de limite convențional formale, admitând pentru prezentare în instanță de judecată și în urmărirea penală orice fapte. Admiterea unor sau altor probe e de competența instanței de judecată, care e obligată la soluționarea acestei chestiuni să se conduce doar de tendință stabilirii adevărului” [4, p. 232].

Astfel, admisibilitatea, sub aspect științific și juridic, a fost trecută sub aspect politic și de clasă. Din motivul simplificării interpretării acestei noțiuni, ea și-a pierdut semnificația originală, bine marcată în lucrările savanților de până la revoluție. De aceea a fost nevoie de ani, de schimbarea situației politice în țară, până când problema admisibilității probelor a revenit pe paginile literaturii științifice și didactice.

CPP al RSSM din 24.03 1961 avea scopul de a înlătura cele mai odioase particularități ale perioadei staliniste și a liberaliza întrucâtva procesul penal. Însă adoptarea acestui CPP în condițiile regimului totalitar a determinat caracterul incomplet și inconsecvența hotărârilor în cadrul lui a chestiunilor privind garantarea drepturilor persoanei, el a fost structurat în baza ideologiei anterioare, a concepției unității puterii de stat și a organelor procururii și instanței de judecată care o reprezentau la proces, a recunoașterii priorității intereselor de stat față de interesele persoanei, a acuzării față de apărare etc. În conformitate cu aceasta, institutul admisibilității nu a beneficiat de o fixare normativă directă în lege. Concluzia

privind recunoașterea de către legislator că probele au o astfel de însușire ca admisibilitatea rezultă din analiza principiilor procesului penal și a altor norme procesual-penale, în particular art.55 CPP RSSM, în care se dădea definiția noțiunii de „probe”.

Fiind adoptată Constituția Republicii Moldova la 24 iulie 1991, au fost constataate contradicții între ideologia, principiile fixate în ea și CPP RSSM, ceea ce a necesitat schimbări radicale în întreaga concepție a procedurii penale și pregătirea noii legislații procesual-penale, fapt realizat abia în anul 2003. Principal s-a schimbat și atitudinea față de institutul admisibilității probelor, ca garant al respectării drepturilor și libertăților persoanei în procesul penal, pe care statul le-a declarat ca valoare supremă și s-a angajat să le recunoască, să le respecte și să le apere. Pe lângă aceasta, au început să apară noi întrebări, legate de probleme și colizii în reglementarea legislativă a temeiurilor, ordinii și consecințelor recunoașterii probelor, esența căreia este înțeleasă diferit.

Cu părere de rău, noțiunea de „admisibilitate a probei” în Republica Moldova a fost puțin studiată.

M.S. Strogovici scria că „capacitatea probei, drept sursă de informații despre fapt, de a fi mijloc de stabilire a acestui fapt, se numește admisibilitatea probei.” [5, p. 393] Această definiție este greșită, deoarece nu conține indicații la faptul de ce depinde capacitatea indicată. În acest sens, prezintă interes o altă definiție a noțiunii de admisibilitate a probei, potrivit căreia ea „este valabilitatea probei din punctul de vedere al legitimității surselor, metodelor și procedeelor de obținere a informațiilor”. [6,p. 128]

După opinia lui V.M. Savički, în teoria procesuală termenul „admisibilitatea probelor” de obicei semnifică abilitatea sursei de informații despre fapt (declarația martorului, concluzia expertului etc.) de a stabili datele ce au importanță pentru cauză [7, p. 105]. Se pare că o astfel de determinare este mai apropiată de noțiunea de apartenență a probelor

decât de admisibilitate. Iar capacitatea de a stabili faptele ce au importanţă pentru cauză poate fi criteriul recunoaşterii probelor ca fiind relative.

Toate acestea mărturisesc despre necesitatea criteriilor precise de divizare a admisibilităţii şi altor însuşiri ale probelor pentru care pot fi propuse următoarele abordări. În primul rând: admisibilitatea se referă doar la formă şi nu se referă la conţinutul probei care caracterizează alte însuşiri ale ei. Şi în Constituţie şi în CPP se vorbeşte despre datele neadmise ca probe. Evident că se are în vedere procedeul legal, sursa, şi nu conţinutul probei.

În legătură cu aceasta, bineînţeles, ar dreptate Iu.K. Orlov, care nu este de acord cu autorii monografiei „Teoria probelor în procesul penal sovietic”, care considerau că admisibilitatea se referă în egală măsură şi la forma procesuală a probei şi la conţinutul ei, deoarece ele sunt legate inseparabil. Proba poate fi valabilă cu desăvârşire după formă, dar nevalabilă după conţinut, adică inpertinenţă (certificatul despre fapta ce nu prezintă interes pentru cauză) şi viceversa (corpu delict, ridicat cu încălcări procesuale grave). Legătura dintre aceste însuşiri constă în faptul că pentru recunoaşterea probei ca fiind valabilă sunt necesare şi forma şi conţinutul [8, p. 44]. În al doilea rând: admisibilitatea se determină prin respectarea normelor formale direct indicate în lege.

În legea în vigoare ele sunt prezentate incomplet. Legislatorul trebuie să tindă spre detalierea maximal deplină a regulilor ce determină admisibilitatea probelor. În legătură cu aceasta trebuia salutate eforturile savanţilor care propun lista completă a încălcărilor procesuale, ce atrag după sine inadmisibilitatea probelor. Chestiunea constă doar în fixarea legislativă a acestei liste.

Cuvântul „admisibilitate” în dicţionarul lui S.I. Ojegov literalmente semnifică „permisiune, acordare posibilităţii cuiva de a participa la ceva sau de a folosi vreun mijloc pentru ceva”. Vorbind în termeni procesuali, însuşirea admisibilităţii înseamnă, că proba

este obţinută din sursa cuvenită, de persoana împuñnică, prin procedură legală şi este exprimată în forma cuvenită.

N.A. Gromov şi S.A. Zaițeva dau următoarea definiţie a admisibilităţii probelor: „Sub termenul admisibilitate se înțelege caracteristica determinată de legea procesual-penală a procedeelor de obţinere, cercetare, de fixare procesuală a datelor faptice, ce permit a introduce probele colectate în sistemul de procedură a urmăririi penale şi de a le folosi pentru stabilirea circumstanţelor faptice ale cauzei penale, a vinovătiei sau nevinovătiei persoanei”. [9, p. 81] Anterior, o definiţie analogică a admisibilităţii a dat-o D.V. Zelinski. Definiţii de acest gen nu reflectă prea clar elementele esenţiale ale noţiunii de admisibilitate a probelor.

A. Leahov sub admisibilitatea probelor înțelege posibilitatea utilizării lor în procesul penal pentru soluţionarea tuturor problemelor ce apar la etapa urmăririi penale pe cauză şi la soluţionarea cauzei de facto [10, p. 98]. S. Paşin vorbeşte despre faptul că admisibilitatea este caracteristica nu a materialului însuşi ca „lucrări în sine”, ci activitatea de folosire a ei [11, p. 44]. Aceste definiţii sunt prea generale şi neconcrete. O definiţie mai exactă în acest aspect este dată de N.M. Kipnis: „Admisibilitatea este însuşirea probei ce o caracterizează din punctul de vedere al legalităţii sursei datelor faptice, precum şi procedeelor obţinerii şi formei de fixare a datelor faptice ce se află într-o astfel de sursă, în ordinea prevăzută de legea procesual-penală, adică de persoana împuñnică pentru aceasta sau de către organul competent în urma organizării şi desfăşurării de către ei a acţiunilor de urmărire penală cu respectarea strictă a legii procesual-penale care determină formele acţiunii de urmărire penală respectivă [12, p. 27].

Alături de noţiunea de admisibilitate a probelor, mareea atenţie a savanţilor procesuali s-a concentrat şi asupra elaborării cerinţelor concrete ce determină valabilitatea probei pe cauză penală, cu alte cuvinte, a condiţiilor admisibilităţii probelor şi a temeiurilor pentru

recunoașterea probelor inadmisibile.

Regulile cu privire la admisibilitatea probelor pot să se resimtă nemijlocit și asupra ordinii obținerii probelor, să fie o barieră în calea violențelor, aminințărilor și altor măsuri ilegale în acțiunile procedurii de urmărire penală. Această chestiune în literatura procesuală se discută destul de demult, este tratată în cercetările multor autori.

Trebuie, de asemenea, remarcat că ori căt ar fi de detaliată legea procesual-penală în reglementarea procesului penal pe cauze, în mod obiectiv nu poate prevedea toate situațiile cotidiene care pot atrage după sine imposibilitatea utilizării datelor faptice în calitate de probe.

În conformitate cu legislația procesual-penală a Republicii Moldova, la admisibilitatea probelor nu se poate de făcut referire pentru argumentarea oricărora hotărâri pe cauză, inclusiv în concluzia de învinuire sau în sentință. De aceea este important nu numai de evidențiat criteriile inadmisibilității probelor, dar și din punct de vedere procesual, de inițiat procedura excluderii probelor inadmisibile, ceea ce cu părere de rău în Codul de procedură penală a Republicii Moldova nu este prevăzut.

Bibliografie

1. Constituția Republicii Moldova din 29 iulie, 1994.
2. Codul de Procedură penală din 14 martie 2003.
3. М.В. Духовский, *Русский уголовный процесс*, М., 1905 // См.: Э.Ф. Куцоа, *Хрестоматия по уголовному процессу России*, М.: Городец, 1999.
4. А.Я. Вышинский, *Теория судебных доказательств в советском праве*, М.: Госюриздан, 1950.
5. М.С. Стrogovici, *Курс советского уголовного процесса*, т. 1, М., 1968.
6. О.З. Левченко, *Доказывание в уголовном процессе России*, Астрахань, 2000.
7. В.М. Савицкий, «Уголовный процесс России на новом витке демократизации», în *Государство и право*, №6, 1994.
8. Ю.К. Орлов, *Основы теории доказательств в уголовном процессе. Научно-практическое пособие*, М.:«Проспект», 2000.
9. Н.А. Громов, С.А. Зайцева, *Оценка доказательств в уголовном процессе*, М., 2002.
10. Ю.А. Ляхов, *Допустимость доказательств в российском уголовном процессе*, М.: Экспертное бюро, 1999.
11. С. Пашин, «Теоретические основы допустимости материалов в качестве доказательств», în *Уголовное право*, №2, 1998.
12. Н.М. Кипнис, *Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве*, М., 1995.

Sofia CHIRIȚA,

lector asistent al Catedrei Drept civil
a Academiei „Ştefan cel Mare” a MAI

ASPECTE ISTORICE PRIVIND INSTITUȚIA EMANCIPĂRII

Rezumat

Emanciparea este un act solemn sau un beneficiu legal, ce are ca efect desființarea puterii părintești sau a tuteli, oferind minorului dreptul de a se conduce de sine stătător în ceea ce privește actele personale și de a-și administra patrimoniul în limitele unei capacitați de exercițiu restrâns. Capacitatea pe care o dobândește minorul emancipat este limitată, astfel putem determina că emanciparea constituie o perioadă de tranziție între capacitatea completă a minorului neemancipat și libertatea deplină de care se bucură majorul.

Cuvinte-cheie: emancipare, minor, familie, tutelă, drepturi și obligații ale părților.

Summary

Emancipation is a solemn act or legal benefit, which has the effect of abolishing the power of parental or guardianship, giving the child the right to lead one to the other documents and to manage assets within a restricted exercise capacity. Capacity they acquired emancipated minor is limited, so we can determine that emancipation is a transitional period between full capacity and full freedom non emancipated minor which enjoyed major.

Key words: emancipation, teenager, family, guardianship, rights and obligations of the parties.

„Secretul geniului este transferul spiritului copilăriei în maturitate”.
(Thomas Henry Huxley)

Termenul „emancipare” provine de la latinescul *emancipatio* și englezescul *emancipation*, ceea ce în Roma Antică semnifica un complicat proces de drept, prin care capul familiei elibera pe unul dintre copii de autoritatea părintească [2, p. 136].

După emancipare, minorul dobândește dreptul de a săvârși anumite acte de sine stătător, însă acele ce depășesc limitele capacitații sale pot fi executate de către minor numai cu asistența curatorului său.

Emanciparea are ca scop să dea minorului o oarecare libertate înainte de ajungerea la majorat. Părinții sau tutorele, văzând că minorul are experiență și dibăcia necesară în conducerea afacerilor, îl pot emancipa în asemenea situație, minorul ajuns la majorat va dobândi toată deprinderea conducerii patrioniu lui său [5, p. 435].

Emanciparea ce a existat în dreptul roman privat se deosebește de emanciparea ce există în dreptul actual. Normele instituției

emancipării în dreptul roman privat necesită să fie examineate în ansamblu cu normele ce reglementau relațiile între tată și copii. În dreptul privat roman copiii se aflau întotdeauna sub puterea tatălui (*in patria potestas*), indiferent dacă tatăl se afla în căsătoria *cum manu* (căsătoria ce instituia puterea soțului asupra soției) sau *sine manu* (căsătoria ce nu genera puterea soțului asupra soției și inițial neinstituind nici o legătură juridică între soț și soție).

Puterea pe care *pater familias* (șeful familiei) o exercita asupra descendenților – *patria potestas*, prezintă două caractere:

- este perpetuă, în sensul că durează până la moartea lui *pater familias*, independent de vîrstă sau de condiția socială a fiului de familie, încât fiul de familie, dacă trăia *pater familias*, se afla sub putere părintească și nu avea capacitate juridică în domeniul privat.

- este nelimitată (absolută) care se manifestă atât asupra persoanelor, cât și asupra bunurilor. Caracterul nelimitat al puterii pă-

rintești asupra persoanelor și-a găsit expresia în dreptul de viață și de moarte, dreptul de abandon și dreptul de a vinde. Caracterul nelimitat al puterii părintești se manifesta și asupra bunurilor, căci fiul de familie nu avea bunuri, nu avea patrimoniu propriu și nu putea încheia acte juridice în nume propriu, ci numai împrumutând capacitatea lui *pater familias* și cu condiția ca, prin efectul acestor acte juridice, situația lui *pater familias* să devină mai bună din punct de vedere patrimonial, adică să devină proprietar sau creditor, și nu debitor. Puterea părintească putea fi creată pe cale naturală – prin căsătorie, și pe cale artificială – prin adopțiune și legitimare [7, p. 34].

Însă, așa cum puterea părintească putea fi creată pe cale naturală, sau pe cale artificială, în mod simetric ea se putea și stinge, fie pe cale naturală, fie pe cale artificială. Pe cale naturală, puterea părintească se stingea prin moartea lui *pater familias*, iar pe cale artificială prin emancipare, adică actul prin care o persoană alieni juris devinea o persoană *sui juris* [4].

Emancipatul dobândeau o capacitate deplină, însă numai dacă era mai mare de 25 de ani, într-adevăr minorul emancipat, care nu ajunsese la vîrsta pubertății, rămânea incapabil și intra în tutelă, iar cel care trecuse de acea vîrstă era pus sub curatelă până la 25 de ani [5, p. 435].

Instituția emancipării în dreptul roman privat a apărut ca un antipod al mancipării, adică a ritualului cu ajutorul căruia cetățenii romani efectuau tranzacții cu bunuri și persoane, incluzând vânzarea-cumpărarea.

Emanciparea se efectua conform utilizării regulii Legii celor XII Table care prevedea că: „dacă tatăl va vinde de trei ori fiul, atunci fiul va fi liber de puterea tatălui” [9, p. 48].

Emanciparea, ca și adopțiunea, se efectua în 2 faze:

1. Prima fază a emancipării era identică cu prima fază a adopțiunii, deci presupunea cinci operațiuni juridice, constând în trei vânzări și două dezrobiri succesive care aveau loc în aceeași zi.

Astfel, *pater familias* de trei ori mancipa supusul unei persoane de încredere, care de trei ori îl elibera. După primele două ori supusul se întorcea sub puterea lui *pater familias*, iar după a treia oară acesta devinea *persona*

sui juris (acele persoane care nu se aflau sub puterea cuiva.). Această procedură putea fi aplicată la fel și asupra fiilor și urmașilor (nepoți, străniepoți), ce se aflau *in potestas* și pentru care era necesară o singură vânzare cu ulterioara *manumission* [8, p. 128-129].

2. A doua fază constă într-o dezrobire vindictă (nuia), deoarece procedura de emancipare presupunea existența și celei de a treia dezrobiri, care era concepută ca o fază distinctă ce producea alte efecte juridice decât primele două dezrobiri. După primele douădezrobiri, fiul de familie revenea sub puterea părintească, pe când, după cea de a treia dezrobire, acesta devinea persoană *sui juris*.

Prin urmare, emancipatul avea capacitatea juridică deplină, avea patrimoniu propriu și putea încheia acte juridice în numele propriu. Însă jurisconsultii considerau că emanciparea echivalează cu dezmoștenirea, din momentul emancipării sale persoana pierdea drepturile succesorale în familia de origine, întrucât nu mai era rudă civilă cu acea familie. De aceea pretorul a intervenit și a inițiat o reformă, prin care emancipatul a fost chemat la succesiune în familia de origine în calitate de rudă de sânge, cu condiția să facă raportul bunurilor, adică să adauge la masa succesoră toate bunurile pe care le-a dobândit în calitate de persoană *sui juris*. Altfel, el i-ar fi păgubit pe frații săi rămași sub puterea părintească, deoarece frații rămași sub putere au muncit pentru *pater familias*, pe când emancipatul a muncit pentru el însuși [4].

În perioada domniei lui Iustinian emanciparea se efectua sub următoarele modalități:

1. Prin primirea rescriptului împăratesc care se înscră în procesul-verbal al ședinței de judecată.

2. Printr-o cerere a proprietarului casei care la fel se înscră în procesul-verbal al ședinței de judecată.

3. Prin acordarea de facto supusului în decursul unei perioade îndelungate de timp a statutului de persoană independentă.

După emancipare tatăl își păstra dreptul de folosință asupra jumătății din proprietatea fiului.

La fel este necesar de menționat că în dreptul roman privat era prevăzută și posibi-

litatea de anulare a emancipării. Emanciparea putea fi încetată din cauza nerecunoştinţei persoanei emancipate faţă de fostul proprietar al casei sau din cauza insultării de către aceasta a proprietarului casei.

Alături de emanciparea propriu-zisă, romanii cunoşteau şi o altă instituţie, *venia aetatis*, care producea în persoana minorului o capacitate deplină, însă ea se putea acorda bărbaţilor înainte de împlinirea vîrstei de 20 de ani, iar femeilor înainte de împlinirea vîrstei de 18 ani [5, p. 435].

Vechiul drept francez a întrunit cele două instituţii romane într-o singură, care a trecut în Codul civil al lui Napoleon din anul 1804. Emanciparea prin căsătorie este o creaţie originală a vechiului drept francez [5, p. 436].

Statutul juridic al copilului în Vechiul Regat în a doua jumătate a secolului al XIX-lea era reglementat printr-o serie de legi. Copilul era, conform definiţiei din *Enciclopedia română* a lui Diaconovich: „Omul de la naştere până la etatea pubertăţii”, iar copilăria: „vârstă fragedă în care omul nu se bucură încă de toate drepturile cetăţeanului” [3, p. 1].

Pentru a-i proteja, datorită vîrstei fragede şi faptului că erau consideraţi a fi nişte fiinţe aflate în plină dezvoltare, fragile, care nu se puteau apăra singure, copiii beneficiau de anumite dispoziţii speciale, statul încercând a crea cadrul legal pentru protejarea lor.

Astfel, conform dispoziţiilor legale existente în acea perioadă în legislaţia civilă asupra copilului minor se instituia puterea părintească ce implica, în primul rând, dreptul la educaţie al copiilor, tatăl şi mama aveau dreptul de a-i supraveghea şi datoria de a le asigura instrucţia necesară, de a-i ajuta în dobândirea unei profesii, de a-i îndruma, la fel părinţii aveau dreptul să-i pedepsească şi să-i mustre. Copilul rămânea sub autoritatea tatălui şi a mamei până la majorat sau emancipare, însă în timpul căsătoriei tatăl singur putea exercita această autoritate.

Părinţii aveau dreptul de a-i păzi pe copiii lor, astfel, copilul nu putea părăsi casa părintească fără acordul tatălui şi, după caz, al mamei, excepţie fiind numai posibilitatea de părăsire a casei în cazul maltratării.

Legea le oferea tatălui şi mamei dreptul

la corecţie părintească, în cazul în care nu erau mulţumiţi de purtarea copiilor. Puterea părintească îi acorda tatălui posibilitatea de a-şi trimite copilul într-o casă de arest, dacă avea mai puţin de 16 ani, pentru cel mult o lună. După depunerea cererii, preşedintele tribunalului de district elibera ordinul de arestare. Dacă avea peste 16 ani, până la majorat sau emancipare tatăl putea doar cere arestarea pentru cel mult 6 luni, la fel în baza puterii părinteşti de care se bucura tatăl, el putea să scurteze termenul arestării.

Alte drepturi particulare care decurgeau din puterea părintească erau: dreptul de emancipare al copiilor, dreptul de a numi un tutore copiilor, administrarea, în timpul căsătoriei, a bunurilor personale ale copiilor minori.

Minori erau consideraţi cei care nu aveau 21 de ani împliniţi – vîrstă optimă stabilită de lege pentru a îndeplini acte valabile din punct de vedere civil şi politic.

Tutela ce putea fi numită de către părinţi înceta prin moartea, majoratul sau prin emanciparea minorului. Emanciparea însemna: „a da unui minor etatea determinată de lege, de a-şi administra bunurile şi de a percepe veniturile. A scoate de sub putere părintească. A da iertarea de vîrstă” [6, p. 172].

Emanciparea putea fi expresă sau tacită. În primul caz se obţinea printr-o declaraţie formală a persoanelor autorizate de a emancipa minorul, iar în al doilea caz prin căsătoria minorilor, dacă nu ar fi ajuns la vîrstă de 18 ani. În ultimul caz emanciparea era o consecinţă imediată şi de drept a căsătoriei. Emanciparea prin căsătorie era irevocabilă. Dreptul de a emancipa aparţinea în primul caz tatălui şi mamei conform puterii părinteşti. Acest drept îl păstra şi mama care se căsătorise din nou şi nu fusese menţinută în tutelă, nu avea astfel nevoie de nici o autorizaţie din partea nouului soţ. Tatăl sau mama puteau emancipa copilul lor la vîrstă de 18 ani printr-o declaraţie făcută la tribunal, care se publica. Se încheia şi un proces-verbal în acest caz. Dacă părinţii nu mai erau în viaţă, cel care putea emancipa minorul la vîrstă de 20 ani era consiliul de familie. Se realiza o declaraţie comună a consiliului de familie şi a tribunalului din care rezulta emanciparea. Minorul se putea emancipa prin căsătorie sau la vîrstă de 18 ani prin declaraţia făcu-

tă de către tată sau mamă la tribunal. Consiliul de familie emancipa minorul, în lipsa părinților, la 20 ani dacă ar fi considerat de cuviință. Tot acesta numea un curator până la majorat. Curatorul era acel „epitrop sau administrator care se dă în caz de emancipare” [6, p. 133].

Minorul emancipat nu putea arenda sau închiria averea imobilă pe o perioadă mai mare de 5 ani. Nu mai putea nici să deschidă vreun proces privind o avere imobilă, să se apere, să ridice capitaluri fără asistență curitorului. Nu putea vinde, nu putea înstrăina. Orice minor emancipat nu putea, conform codului comercial, să se ocupe cu comerțul legal dacă nu avea învoirea scrisă de la tatăl său, în lipsa acestuia, de la mamă sau de la epitropi. Aceștia, chiar dacă ar fi avut învoirea, nu puteau să ipotecheze, să înstrăineze averile lor mobile decât cu hotărâre judecătoarească dată în caz de reală nevoie pentru comerțul lor [1, p. 2].

Tutela lua sfârșit în cazul tutorelui dacă acesta înceta din viață, dădea dovedă de incapacitate psihică, gestionare necorespunzătoare a tutelei. Din momentul în care tribunalul încuviința destituirea tutorelui acesta era suspendat și urma a fi numit un alt tutore provizoriu.

Așadar, analiza profundă a istoriei apariției instituției emancipării în dreptul roman privat permite de a formula următoarele concluzii, și anume:

1. Emanciparea este un act solemn, care ca efect desființarea puterii părintești asupra minorului emancipat, permisându-i acestuia să se conducă de sine stătător în ce privește actele personale și să-și administreze de unul singur patrimoniul în limitele unei capacitați de exercițiu restrâns.

2. Necesitatea existenței instituției emancipării în dreptul roman privat și dreptul francez era determinată de faptul că incapacitatea minorului se prelungea până la atingerea vîrstei de 25 de ani, iar deseori apărea necesitatea ca minorul să gestioneze de sine stătător afacerile sale înainte de împlinirea vîrstei legale.

3. Emanciparea în dreptul roman privat se efectua conform prevederilor Legii celor XII Table și consta în vinderea minorului de către *pater familias*.

4. Instituția emancipării în dreptul roman privat reprezenta o modalitate de ieșire a

copiilor și a nepoților de sub puterea lui *pater familias* (șeful familiei). Cu ajutorul aplicării normelor instituției emancipării aceștia devineau liberi având toate elementele capacitații de exercițiu depline.

5. În secolul al XIX-lea în Vechiul Regat raporturile copilului cu ceilalți membri ai familiei, societății erau reglementate printr-o serie de legi care le confereau acestora drepturi dar și obligații. Acest cadru legal a stat la baza protecției copilului de către stat, intervenției acestuia pentru încercarea de a se asigura un mediu propice dezvoltării fizice, intelectuale, morale optime viitorilor cetățeni ai statului.

Bibliografie

1. V. Boerescu, *Codicele român Alexandru Ioan sau Colecțiune de toate legile Principatelor Unite Române aparținând Codului civil, Codului comercial, Codului penal, Procedura penală împreună cu Constituția română în vigoare și cu un supliment în care intră toate legile, decretele și regulamentele mai noi și mai uzuale culese din edițiile oficiale de la 1859 până acum*, București, C. Boliac, 1865, 1238 p.
2. A. Cojuhari, *Drept procesual civil. Partea specială*. Curs univ., Chișinău: Î.S. F.E.-P. „Tipografia Centrală”, 2009, 440 p.
3. C. Diaconovich, *Enciclopedia română*, vol. II, Sibiu, Krafft W., 1900, 947 p.
4. *Drept privat roman. Introducere* [on-line]. <http://www.scribd.com/doc/53568477/Drept-Privat-Roman-Geo> (citat la 11.07.2012).
5. C. Hamangiu, I. Rosetti Bălănescu, Al. Băicoianu, *Tratat de drept civil român*, vol. I, București, Ed. ALL, 1996, 635 p.
6. E. Protopopescu, *Noul dicționar portativ*, București, Ed. Ioanide & Spirescu A., 1870, 403 p.
7. C.C. Stoicescu, „Transformarea noțiunii de putere părintească”, în *Analele Academiei Române. Memoriile secțiunii istorice*, București, 1942, p. 34-36.
8. Ч. Санфилиппо, *Курс римского частного права. Учебник*. Под редакцией Д.В. Дождева, Москва, БЕК, 2000, 400 с.
9. *Хрестоматия по всеобщей истории государства и права. Учебное пособие*. Под редакцией проф. Черниловского З.М. Москва: Фирма Гардарика, 1996, 570 с.

Т. С. ГАНЗИЦКАЯ,
соискатель Харьковского национального
университета внутренних дел, Украина

ЗНАЧЕНИЕ ПРИНЦИПОВ ПРАВА В МЕХАНИЗМЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОЙ АНАЛИЗ

Резюме

Статья посвящена исследованию функционального значения принципов права в механизме правового регулирования гендерного равенства в украинском обществе, их реализации и внедрении в правоприменительной деятельности уполномоченными субъектами.

Ключевые слова: механизм правового регулирования, принципы права, гендерное равенство.

Summary

The article is devoted to the research of functional role of principles of law in mechanism of legal regulation of gender equality in Ukrainian society, their realization and introduction in law activity by the authorized subjects.

Key words: mechanism of legal regulation, principles of law, gender equality.

Реализация гендерного равенства в любом обществе – сложный процесс, который нуждается в четком определении средств и механизмов реализации данного общественного и правового явления. Особенность правового регулирования гендерных отношений заключается в том, что оно имеет специфический механизм, который обеспечивает эффективность правового влияния на них, а совокупность правовых средств, с помощью которых осуществляется такое влияние, собственно, и составляют понятие механизма правового регулирования [9, с. 283]. Одним из эффективных средств, на наш взгляд, с помощью которого осуществляется правовое регулирование гендерного паритета в украинском обществе, является его соответствие принципам права, которые являются основой познавательной и практической деятельности всех субъектов общественных отношений, на которых государство возложило обязанность по внедрению равенства между полами. Исходя из положений общей теории права, исследование действия принципов права в механизме обеспечения

гендерного равенства можно осуществить с помощью общетеоретического анализа обеспечения реализации принципов в механизме правового регулирования.

Рассмотрению юридической природы механизма правового регулирования, его особенностей, структуры и функционального значения, посвятили научные труды Н. Г. Александров, С. С Алексеев, В. А. Шабалин, Р. К. Русинов, С. А. Комаров, Е. В. Арсеньев, Н. В. Витрук, А. В. Малько, В.М. Горшенев, А. Н. Колодий, В. В. Копейчиков, О. Ф. Скакун и другие ученые.

Однако современный этап развития государственно-правовых явлений в Украине требует переосмыслиения научных положений современного процесса реализации принципов права в обеспечении гендерного равенства на стадиях механизма правового регулирования, что предопределяет актуальность и цель данной статьи – охарактеризовать теоретические основы функционального назначения реализации принципов права в механизме правового регулирования и его функционирования.

В условиях формирования в Украине

основ правового государства роль и значение правового регулирования общественных отношений приобретает особенную значимость, поскольку главным признаком модели правового государства является признак высокой правовой урегулированности общественных отношений. Особенность правового регулирования заключается в том, что оно имеет специфический механизм.

Исторически понятие “механизм правового регулирования” было впервые сформулировано Н. Г. Александровым в работе “Право и законность в период развернутого строительства коммунизма” [1, с. 35]. Но, на наш взгляд, фундаментально данное понятие впервые исследовал С. С. Алексеев, который считает, что “механизм правового регулирования – это совокупность юридических средств, с помощью которых обеспечивается правовое воздействие на общественные отношения” [2, с. 30].

Механизм правового регулирования представляется, во-первых, как структура, средство, способ правовой регуляции; а во-вторых, как деятельность, “работа” составных элементов системы правового регулирования, направленная на достижение общественно полезного результата, который проявляется в реализации правовых норм на практике. Он должен рассматриваться в единстве и во взаимодействии всех его составляющих, как категория не только общая, но и системная.

К элементам механизма правового регулирования относятся: юридические нормы, нормативно-правовые акты, акты официального толкования, юридические факты, правоотношения, акты реализации права, правоприменительные акты, правосознание, режим законности [13, с. 276].

В соответствии с названными элементами в теории права предложено различать четыре стадии механизма правового регулирования: 1) юридическая регламентация общественных отношений – это стадия, на

которой происходит разработка юридических норм как общеобязательных правил поведения; 2) возникновение субъективных прав и обязанностей – это состояние перехода от общих предписаний правовых норм к конкретной модели поведения конкретных субъектов; 3) реализация субъективных прав и выполнение обязанностей – на этой стадии фактически воплощаются предписания норм права в реальное поведение субъектов права; 4) применение права (факультативная стадия) – проявляется в издании государственно-властного акта, который обеспечивает возникновение, изменение или прекращение правовых отношений. При этом отмечается тесная взаимосвязь и зависимость стадий и элементов механизма правового регулирования [14, с. 262-263].

Общее значение механизма правового регулирования заключается в том, что на его основе можно выделить основные правовые подсистемы – правотворчество, правореализацию, применение права, а также проанализировать их связь и взаимозависимость в процессе правового регулирования [12, с. 245].

Охарактеризовав общую значимость исследуемого явления, необходимо отметить, что принципы права являются основой, стандартом для национального законодательства, они влияют на качество законов и эффективность правового регулирования, а будучи зафиксированными в национальном законодательстве, включаются в механизм правового регулирования общественных отношений, проявляясь на каждой стадии процесса правового регулирования. Поэтому исследовать реализацию принципов права можно, исходя из стадий механизма правового регулирования: правотворчества, правореализации и правоприменения.

Первой стадией реализации принципов права является стадия правотворчества. Именно на этой стадии осуществляется внедрение принципов права в

национальное законодательство: происходит как конституционное закрепление, так и закрепление в текущем законодательстве, что само по себе значимо для реализации равенства между женщиной и мужчиной. Как отмечал Н. И. Байтин, законодательное закрепление принципов права позволяет более наглядно соотнести правовые предписания с регулируемыми общественными отношениями, различать уровни правового регулирования и тем самым избегать в нем перепадов и противоречий; а также значительно повысить общее воспитательное и превентивное влияние права [11, с.161-162].

Качество законодательного выражения принципов права зависит от ряда обстоятельств, важнейшие из которых – уровень правотворческой деятельности и состояние разработки теории принципов в юридической науке. Также одним из важных условий правотворческой деятельности является четкая дифференциация правотворческой компетенции, которая предусматривает разумное сочетание полномочий правотворческих органов с учетом их иерархии, системы сдержек и противовесов, направленной на избежание дублирования, появления коллизий, принятия поспешных и необдуманных нормативно-правовых актов, регулирующих гендерные отношения в обществе.

Принципы права являются стойкой системой координат для законодателя, которые ограничивают его деятельность обязательными, предварительно установленными рамками. Их наличие дисциплинирует субъект правотворческой деятельности, заставляет его взвешивать каждое свое правотворческое решение, более ответственно относиться к законодательной технике. Любые законодательные нововведения должны оцениваться, в первую очередь, с точки зрения их соответствия принципам права.

Основными субъектами на правотворческом этапе являются органы го-

сударства, наделенные правом создания правовых актов, и тем самым, закреплением принципов права на законодательном уровне. В соответствии с действующей Конституцией Украины такими субъектами являются: Верховный Совет Украины – орган законодательной власти; Президент Украины – глава государства; Кабинет Министров Украины – высший орган в системе органов исполнительной власти [8].

Процесс воплощения принципов права в национальное законодательство на сегодняшний день представляется достаточно непростым, поэтому законодатель должен владеть объективной, полной и своевременной информацией о фактическом состоянии подлежащих к правовому регулированию общественных отношений, определить возможности включения новых законодательных положений в имеющиеся системы права и законодательства, спрогнозировать социальные последствия реализации закона. Важно также, чтобы при внедрении принципов права в нормативно-правовой акт по урегулированию гендерных отношений, они не имели декларативного характера, не отражали в своих положениях сугубо показательное гуманное отношение к тому или иному полу.

Следующей стадией обеспечения принципов права является стадия право-реализации. В целом под реализацией норм права следует понимать воплощение положений правовых норм в фактическом поведении (деятельности) субъектов права [5, с. 177]. Реализация норм права может носить непосредственный и опосредованный характер, а наиболее важными формами их реализации является соблюдение, исполнение, использование и применение правовых норм.

Относительно форм реализации принципов права, необходимо сказать, что, по мнению А. Н. Колодия, формы реализации принципов, являются идентичными нормам права, при этом ученый

выделяет принципы права в соответствии с каждой формой их реализации. Так, для такой формы реализации, как использование являются характерными принципы исключительной общей добровольности, самоопределенности поведения, пассивно-активной формы ее внешнего выражения; для исполнения – общей обязанности, добровольности или принудительности, активности внешних проявлений; для соблюдения – общей запрещенности, добровольности или принудительности, пассивности внешнего выражения; для применения – уполномоченности (четкой определенности) ее субъекта, властности волеизъявления, активного творчества, процессуальной детализированности, индивидуально-конкретной персонализированности, необходимости издания правоприминительного акта, который существует в письменной, вербальной или же конклюдентной форме [7, с. 302].

В соответствии с изложенным, можно прийти к выводу, что принципы права это не только категория которая “живет” в теории права, а является реальным правовым явлением, реализация которого – яркий пример эффективности функционирования права вообще. Поэтому актуальным является дальнейшее исследование механизма реализации принципов права в правовую систему. В связи с этим уместным кажется вопрос о средствах реализации какого-либо правового положения или принципа на практике [4, с. 301].

Ответ на данный вопрос допускает, что, например, во время принятия на работу, определения размера заработной платы, предоставления социальных льгот, назначения наказания то или иное должностное лицо обязано действовать в соответствии не только с нормами, но и с принципами права, при этом не нарушая, в частности, права и свободы человека по признаку пола.

Основополагающие правовые идеи пронизывают также процесс применения

права, заполнения пробелов в правовом регулировании, а также являются векторами правоприминительной деятельности в судебной практике. Поэтому принципы права образуют стойкую систему координат для тех, кто осуществляет правоприминительную деятельность. Так, по мнению В. И. Никитинского, принципы права являются теми ориентирами, эталонами, которые позволяют установить необходимое соответствие целей и средств конкретных правовых норм объективным законам общественного развития [10, с. 48]. В связи с этим на стадии правоприменения принципы права могут быть нормативно-правовой основой решения юридического дела и важнейшим условием правильного правоприменения. Таким образом, субъект применения права, сравнивая конкретную правовую ситуацию с общими положениями отправных основоположных норм, определяет соответствие или несоответствие юридической практики исходным принципам общественного развития и заданиям правового регулирования. Таким образом, непосредственная реализация данных основополагающих норм субъектами правоотношений выражается в осуществлении нормативно-ценостных ориентаций, правовых установок, которые сформировались на основе политических и правовых идеалов, содержащихся в принципах права.

Процесс применения принципов права можно исследовать основываясь на таких правовых явлениях, как толкование права и ликвидация пробелов в праве.

Роль принципов права при толковании заключается в том, что они лежат в основе толкования правовых распоряжений, пронизывают эту деятельность. Так, А. Ф. Черданцев обращает внимание на то, что в процессе толкования конкретной нормы должна быть установлена связь с основополагающей нормой (принципом права), и интерпретация нормы не должна противоречить этой основополагающей

норме [16, с. 81]. В свою очередь В. Захарiev отмечает, что “содержание норм права при их неясности или противоречивости может быть раскрыто с помощью принципов” [6, с.144-145].

В процессе толкования права следует также помнить о необходимости проведения контрольной проверки, которая должна осуществляться с помощью фундаментальных принципов права, в первую очередь, – принципом справедливости. Это позволяет предупредить ситуацию, при которой результат толкования будет противоречить основным социальным ценностям и вследствие этого не получит общественного признания [3, с. 215].

Ликвидация пробелов в праве может осуществляться путем непосредственного применения общих принципов права, которое является субсидиарным средством ликвидации пробелов.

Заметим, что применение принципов права является средством, которое редко непосредственно используется при осуществлении правосудия, лишь в экстраординарных случаях [15, с. 73]. Это объясняется тем, что на сегодняшний день практически все общественные отношения, которые регулирует право, урегулированы им достаточно адекватно и полно. Однако именно общие принципы должны помочь в том случае, когда полностью отсутствует норма, которая должна урегулировать ситуацию, объективно находящаяся в сфере правового регулирования.

Таким образом, в правовой системе принципы права являются еще и средством толкования права, и дополнительным источником при выявлении пробелов права в позитивном законодательстве.

Раскрыв содержание функционального назначения принципов права в механизме правового регулирования, можно прийти к выводу, что в процессе реализации гендерного равенства в украинском обществе принципы права:

- во-первых, образуют своеобраз-

ную нормативную систему координат, с которой, в первую очередь, сверяет свою деятельность законодатель, что позволяет избежать принятия им волонтистских решений, как решений, которые не вписываются в эту систему и противоречат ей. От того, насколько четко будет сформулирован тот или иной принцип права, зависит эффективность правотворческой деятельности и, в конечном итоге, качество законодательства, которое регулирует гендерные отношения;

- во-вторых, формально закрепляются в законодательстве, которое имеет существенное значение для правоприменительной деятельности. Формализация принципов права дисциплинирует тех, кто осуществляет правоприменительную деятельность, существенно ограничивает возможности для произвольного использования аналогии права при выявлении в нем пробелов;

- в-третьих, находя внешнее выражение в нормативно правовых предписаниях, они способствуют правовому образованию населения, повышению уровня их правовой культуры, поскольку принципы права значительно более легко усвоить и апеллировать к ним на практике в конфликтных ситуациях, демонстрируя правовую образованность;

- в-четвертых, служат нормативным ориентиром для органов и лиц, которые осуществляют как официальное, так и неофициальное, толкование правовых норм, используются в качестве одного из инструментов правоинтерпретационного процесса.

Таким образом, государство не создает принципы права, а только закрепляет их в юридических актах. В связи с этим является важным именно уровень правосознания и правовой культуры субъектов, уполномоченных осуществлять правотворческую, правореализационную, правотолковательную деятельность, которая направлена на реализацию на практике

принципов права, обеспечивающих соответствие правового регулирования гендерных отношений общепризнанным международным стандартам в обеспечении прав и свобод мужчины и женщины.

Список литературы

1. Александров Н. Г. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма: Монография / Н. Г. Александров. – М.: Госюриздан, 1961. – 296 с.
2. Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом обществе. – М.: Юридическая литература, 1966. – 224 с.
3. Быдлински Ф. Основные положения учения о юридическом методе / Ф. Быдлински // Вестник гражданского права. – 2006. – № 1. – Т. 6. – С. 190–241.
4. Давид Р. Основные правовые системы современности / Пер. с фр. и вступ. ст. В. В. Туманова. – М.: Прогресс, 1988. – 496 с.
5. Загальна теорія держави і права / За ред. акад. АПрН Ук раїни, д-ра юрид. наук, проф. В. В. Копейчикова. – К.: Юрінком, 1997. – 320 с.
6. Захариев В. Тълкуване на правото. – София, 1959. – 135 с.
7. Колодій А. М. Конституція і розвиток принципів права України (методологічні питання): дис....доктора юр. наук: 12.00.01/ Колодій Анатолій Миколайович. – К., 1998. – 382 с.
8. Конституція України від 28 червня 1996р. [Електронний ресурс] // Верховна Рада України: офіційний веб-сайт: [сайт] – Режим доступу: <http://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=254%EA%2F96%E2%F0>.
9. Мартинов П. М. Механізм правового регулювання захисту трудових прав працівників [Електронный ресурс] / П.М. Мартинов // Форум права. – 2010. – № 2. – С. 283 – 288.– Режим доступа: <http://www.nbuv.gov.ua/e-journals/FP/2010-2/10mpmtpp.pdf>.
10. Никитинский В.И. Эффективность норм трудового права. – М., 1971. – 278 с.
11. Нормы советского права. Проблемы теории. / Под ред. проф. М. И. Байтина и проф. В. К. Бабаева. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1987. – 248 с.
12. Проблемы теории государства и права: Учебник / Под ред. С. С. Алексеева. — М.: Юридическая литература, 1987. – 448 с.
13. Теория государства и права: Учебник для вузов. – М.: Норма, 2000. – 594 с.
14. Теорія держави та права: Навчальний посібник / А.М. Колодій, В.В. Копейчиков, С.Л. Лисенковата ін., зазаг. ред. С. Л. Лисенкова, В.В. Копейчикова. – К.: Юрінком Інтер, 2002. – 368 с.
15. Туманов Д. А. Пробелы в гражданском процессуальном праве. – М.: Норма, 2008. – 208 с.
16. Черданцев А. Ф. Толкование советского права. – М.: Юридическая литература, 1979. – 166 с.

Виктория Михайловна МАРЕНИЧ,
директор Департамента массовых коммуникаций
Харьковской областной государственной администрации

УПРАВЛЕНИЕ ФОРМИРОВАНИЕМ ИМИДЖА ВУЗА: ЦЕЛИ, ПОДХОДЫ, МЕТОДЫ

Резюме

Анализируется понятие «имидж вуза», выделяется его структура, раскрывается потенциал основных теоретических подходов к управлению формированием имиджа. Даётся характеристика видов PR-деятельности применительно к вузу, выделяется специфика медиарилейшнз и формулируются основные требования к эффективной работе со СМИ в области образования.

Ключевые слова: имидж, паблик-рилейшнз, паблисити, престиж, репутация.

Summary

The notion «higher educational establishment's image» is analyzed; its structure is outlined; the potential of the main theoretical approaches to image formation are disclosed. The characteristics of the types of PR-activity relating to a higher educational establishment are presented; specific features of media relations are determined; the key requirements for effective work with mass media in the sphere of education are formulated.

Key words: image, public relations, publicity, prestige, reputation.

Постановка проблемы. Актуальность темы обусловлена повышением мобильности студентов в ходе глобализации и интернационализации, подкрепленным Болонским процессом, что существенно повлияло на конкурентную среду в сфере высшего образования. В условиях обострения конкуренции на рынке образовательных услуг у высших учебных заведений появилась необходимость направлять свои действия на формирование благоприятного имиджа для установления гармоничных отношений с общественностью, создавать и поддерживать собственную репутацию, а также распространять информацию о себе и собственных услугах потенциальным потребителям. В связи с этими обстоятельствами вузы в качестве одной из основных ставят задачу управления формированием соответствующего имиджа высшему учебному заведению с использованием технологий PR. Другими словами, в университетах стала появляться функция маркетинга и связей с общественностью.

Анализ последних исследований и публикаций. Истории, развитию, функциони-

рованию, технологиям «паблик рилейшнз» посвящено множество специальных исследований. Значительным вкладом в разработку этой проблематики стали идеи У. Эко о семиотическом анализе телевизионного сообщения; Дж. Фиска о постмодернизме и телевидении; Д. МакКуэйла о массовой коммуникации и общественном интересе; П. Лазарсфельда и Р. Мертона о массовой коммуникации и массовых вкусах в контексте создания организованного социального действия; Г. Лассуэлла о структуре и функциях коммуникации в обществе. Проблемам управления высшим учебным заведением посвящены работы И. Агафонова, В. Журавского, В. Кременя, Н. Курко, С. Гусарова, А. Сидоренко, Р. Шаповалы и других ученых. Совокупность данных работ позволяет исследовать условия осуществления эффективного управления формированием соответствующего имиджа высшему учебному заведению.

Коммуникационный подход к организации PR-служб раскрывается в работах таких авторов, как В. Королько, А. Мирошниченко, Г. Почепцов, К. Прохоренко,

А. Чумиков, Е. Ястребова и др., которые определяют PR преимущественно как прикладную практическую деятельность. Непосредственно проблеме создания имиджа образовательного учреждения в контексте проблемы конкурентоспособности вузов посвящены работы А. Вифлеемского, В. Волковой, Е. Зуевой, И. Ермоленко, П. Краснящего, А. Панкурхина и др. Однако роль PR-технологий в сфере образования, в процессе управления формированием позитивного имиджа вуза пока остается за рамками научного дискурса.

Цель исследования. Концептуализация имиджа вуза и разработка основных требований управления его формированием в сфере образования.

Изложение основного содержания исследования. Система средств PR-деятельности представляет собой развивающийся спектр методов, методик, программ, технологий, использующих различные каналы взаимодействия с субъектами коммуникационной деятельности.

Одним из основных средств паблик-рилейшнз является имидж, который трактуется по-разному: 1) облик (от лат. «*imago*»), что связано с другой лексемой – «*imitari*», т. е. имитировать; 2) образ (от англ. «*image*»); 3) репутация, лицо, престиж [2; 6].

Анализ литературы позволяет выделить несколько подходов к пониманию имиджа [2; 4; 5; 6]:

1) психологический подход: реципиенты создают имиджи своих собственных наблюдений реальности или символов, данных им другими людьми; компоненты имиджа вуза должны опираться на проблемные точки и пути их решения;

2) импрессионная теория, основоположником которой является И. Гоффман: имидж – это впечатление, оказанное индивидом или организацией на кого-либо. Е. А. Блажнов определяет имидж как визуальный образ объекта, который оказывает эмоциональное воздействие на людей. При этом он подчеркивает, что эмоции ярки, но краткосрочны, а поэтому эмоциональ-

ность имиджа требует нахождения особых средств его поддержания [1];

3) схематический подход: имидж – это способность управлять поведением субъектов. В этом случае имидж понимается как система, направленная на создание «гештальта», то есть единого целого образа организации, с помощью которого возможно управлять мнением общественности.

Развивая схематический подход, Г. Г. Почепцов характеризует имидж как «наиболее экономный способ порождения и распознавания сложной социальной действительности; как результат обработки информации; как свернутый текст; как коммуникативную единицу, посредством которой можно работать с массовым сознанием» [4, с. 131-132].

Используя потенциал психологического и схематического подходов, мы акцентируем внимание на том, что имидж представляет собой целостную структуру, а поэтому для его построения необходимо умело работать со стереотипами массового сознания. Поскольку имидж существует в сознании людей, необходимо постоянно исследовать реакции на него этих людей. При этом следует учитывать, что имидж включает в себя не только элементы реалистичности, но и иллюзорности, что придает ему определенную неустойчивость, а поэтому его необходимо постоянно поддерживать.

В плане нашего рассмотрения на основе выделения основных характеристик имиджа, представленных в литературе [2; 5; 6], мы определяем имидж как набор значений, благодаря которым объект становится известным и люди описывают его, запоминают и позитивно относятся. Мы обращаем внимание на понимание имиджа как репутации и престижа. По нашему мнению, эти понятия не подменяют понятие «имидж», а скорее дополняют, благотворно влияя на имидж субъекта коммуникационных отношений. При управления формированием имиджа вуза затрагиваются вопросы его репутации и

престижности, поскольку имидж указывает на социальный статус получившего образование в вузе специалиста. Таким образом, имидж и репутация вуза влияют на дальнейшую карьеру и занятие определенной страты специалистом в обществе, а значит – накоплению профессионального опыта, который впоследствии передается другим участникам социального бытия.

Имидж представляет собой сформированную интерпретацию представлений в общественном и индивидуальном сознании о реальных объектах и субъектах, явлениях, процессах. Имидж как своеобразный образ-представление о конкретном объекте, может формироваться в массовом сознании стихийно или целенаправленно, при этом он наделяется дополнительными свойствами, гиперболизируется с помощью ассоциаций; его характеристики легко воспринимаются.

В составе имиджа выделяются два основных среза:

1) информационный каркас (образ-знание, прототип). Это описательная, информационная составляющая, которая представляет собой образ организации, сложившийся в сознании населения;

2) имиджелогема (образ-значение, образы будущего – образ-прогноз, образ желаемого, необходимого будущего); эта оценочная составляющая существует в силу того, что любая информация о вузе побуждает оценки и эмоции, которые могут приниматься или отвергаться общественностью [6, с. 150].

Люди оценивают имидж вуза через призму своего прошлого опыта, дальнейших планов на жизнь, ценностных ориентаций, общепринятых норм, принципов, а поэтому в их сознании формируется определенный образ, который они сопоставляют с данным вузом. Это позволяет нам дать авторское определение имиджа вуза как существующую в сознании людей систему образов и оценок высшего учебного заведения и способность человека оценивать существующую ситуацию в вузе на основе прошлого опыта.

Целью вуза, как и любой организации, является формирование эффективного, благоприятного имиджа, формирующего гармоничные отношения с общественностью. При управлении формированием имиджа вуза используются различные методы, при помощи которых происходит взаимодействие с целевыми группами.

Практика связей с общественностью охватывает разнообразные виды PR-деятельности применительно к вузу [3]:

1. Пресс-посредничество предусматривает планирование и проведение мероприятий, которые заслуживают того, чтобы стать новостью или привлечь внимание к вузу, идеи или конкретной личности.

2. Продвижение (промоушн) – функция паблик-рилейшнз, предусматривающая специальные усилия (активность или организованные события), рассчитанные на формирование и стимулирование интереса к личности, организации или направлению деятельности.

3. Общественные дела (public affairs) – налаживание и поддержание доброжелательных отношений между правительственными учреждениями, органами самоуправления и широкой общественностью. Это сфера официальных контактов с должностными лицами определенного административного уровня и различными инициативными группами влияния (например, лоббистами) с целью воздействовать на управленческий процесс.

4. Паблисити – это информация из независимого источника, заслуживающая быть новостью. В отличие от паблик-рилейшнз, включающих в себя и функцию менеджмента (управления), паблисити выполняет сугубо коммуникативную функцию.

5. Реклама, стратегическая задача которой сводится к созданию желания, мотивировки спроса на услуги. В отличие от рекламы, призванием паблик-рилейшнз является формирование доверия, на основе чего только и может возникнуть положительное отношение к организации как со-

циальному институту. В виде оплаченного времени или площади в средствах массовой информации реклама выступает инструментом паблик-рилейшнз, часто используемым как дополнение к паблисити, акциям продвижения и пресс-посредничества.

6. Маркетинг, в котором, как и в рекламе, важную роль играет аналитическая работа. Специалисты по маркетингу изучают: во-первых, существует ли потребность в конкретной услуге и, во-вторых, у какой возрастной категории и в какой форме обучения она, скорее всего, станет пользоваться спросом. Анализ рынка имеет огромное значение для PR-работников, поскольку предоставляет информацию о потребителях как важнейшей группе PR-общественности.

7. Презентация, которую более всего интересует, какие именно скрытые эмоции воздействуют на восприятие результата обучения, на оценку сформированных у специалиста компетенций, какая форма обучения наиболее удобна потребителям, какие из характеристик образовательного процесса скорее всего привлекут внимание, какая демонстрация знаний, умений и навыков вызовет реакцию у людей. Такие знания являются ценной дополнительной информацией для маркетинга, оформления рекламы во время проведения массовых кампаний.

Медиарилейшнз должен основываться на целях вуза, целевой аудитории, различных каналах коммуникации. В нашем понимании, медиарилейшнз – инструмент взаимодействия базисного PR-субъекта и целевых групп общественности посредством инициирования и размещения информации в СМИ для достижения понимания явлений и процессов и предоставления необходимых знаний. Для формирования паблисити вуза, первого лица вуза – ректора, необходимо выстраивать эффективные взаимоотношения со СМИ. Необходимо отметить и тот факт, что медиарилейшнз являются успешными в том случае, когда информация не размещается за деньги, а становится известной bla-

годаря инициации публикаций, выходов. Успешное использование данного инструмента позволяет сформировать желаемый имидж вуза на страницах прессы, на радио и телевидении, закрепить транслируемые ценности и черты имиджа, разъяснить целевой аудитории свою деятельность, наладить коммуникацию.

В 2010-2011 гг. автором был осуществлен мониторинг публикуемой в СМИ информации о Народной украинской академии, проанализированы виды задействованных СМИ. Анализ показал, что большая часть информации о вузе, около 70 %, касается мероприятий международного и регионального масштаба, проводимых вузом, а не образовательных услуг и возможностей университета, 20 % информации были посвящены первому лицу университета – ректору. Остальные 10 % информации отражали студенческую жизнь и проекты студентов. Однако среди целей вуза были и иные, например, привлечение новых абитуриентов, привлечение инвесторов в рамках таких проектов как закладка Аллеи памяти ко Дню Победы, строительство нового стадиона. Информационная кампания специально не была направлена на это. Более того, информация размещалась хаотично, даже не в тех СМИ, в которых ее мог увидеть и прочитать «нужный» потребитель. Часть сообщений была размещена в Интернете, а не в прессе.

Таким образом, превалирующая информация не в полной мере отвечала поставленным целям для позиционирования вуза. Как показал анализ, недостаточно была освещена информация о реализованных проектах Народной украинской академии для города, региона. На наш взгляд, приоритетными темами сообщений о вузе должны быть: реализация успешных инновационных проектов; академическая мобильность, сотрудничество с международными партнерами; участие в научно-практических конференциях, выставках, конкурсах; высокий уровень образовательных услуг; возможность реализации творческого потенциала, престижная про-

фессия; востребованность на рынке труда; формирование качеств культурного, интеллигентного человека.

Для эффективной работы со СМИ в области образования, на наш взгляд, следует придерживаться следующих требований:

- использовать разные каналы коммуникации – инициировать и размещать информацию не только в прессе, но и на телевидении, в Интернете;

- облекать информацию в соответствующую форму, доступную СМИ, добиваться оригинальности преподносимого материала. Например, покупка компьютеров для учебных аудиторий вузов совсем не является подтверждением инновационности вуза, а вот достижение определенных результатов, достижений, прогресса посредством нового технического оборудования – уже инновационность;

- работать с разными целевыми аудиториями, с разными СМИ: деловыми, общественными, ориентированными на вопросы образования;

- организовывать мероприятия для СМИ (участие в мастер-классе, пресс-туре, экскурсии по вузу);

- использовать фирменную сувенирную продукцию (ручки, футболки, блокноты и т. д.);

- осуществлять мониторинг и анализ ситуации для корректировки деятельности.

Выводы. Все вышеизложенное позволяет рассматривать паблик-рилейшнз как искусство и как социальную науку анализа тенденций и предсказания последствий. Это действия и мероприятия, направленные на повышение узнаваемости образа вуза для участника рынка образовательных услуг и его престижа. Паблик-рилейшнз представляют собой функцию управления,

помогающую вузам достичь эффективных связей с различными типами аудиторий с помощью понимания мнения аудитории. Осмысление потенциала PR-технологий позволяет давать руководителям рекомендации в интересах высших учебных заведений и ориентировать их на интересы общественности.

Литература

1. Блажнов Е.А., Паблик Рилейшнз: Приглашение в мир цивилизованных рыночных и общественных отношений: учеб. пособие / Е.А. Блажнов. – М.: ИМА-пресс, 1994. – 157 с.
2. Волкова В.В., Имидж образовательного учреждения в контексте проблемы конкурентоспособности вузов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://science.ncstu.ru/articles/hs/14/10.pdf/filedownload>
3. Королько В.Г., Основы паблик рилейшнз / В.Г. Королько. – М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 2005. – 528 с.
4. Почепцов Г.Г., Паблик рилейшнз для профессионалов / Г. Г. Почепцов. – М. : Рефл-бук ; К.: Ваклер, 1999. – 624 с.
5. Резванова Э.Н., PR как современная функция управления образованием. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.obrazpress.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=219&Itemid=1
6. Соціологічна енциклопедія / укл. В.Г. Городяненко (Серія «Енциклопедія ерудита»). – К.: Академвидав, 2008. – 980 с.
7. Курко М.Н., Адміністративно-правове регулювання вищої освіти в Україні: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. 12.00.07. – Х.: Харк. Нац. ун-т внутр. справ, 2010. – 36 с.

Constantin RUSNAC,
lector asistent al Catedrei Științe penale
a Academiei „Ștefan cel Mare” a MAI, master în drept

PROBLEMATICA DEFINIRII CAUZELOR CARE ÎNLĂTURĂ CARACTERUL PENAL AL FAPTEI ÎN DREPTUL PENAL AL REPUBLICII MOLDOVA

Rezumat

O modalitate de implicare a cetățeanului în executarea sarcinii de stopare a acțiunilor social periculoase, de preîntâmpinare a pericolului ce atentează la relațiile sociale și interesele personale, se realizează prin prisma legii penale, și anume prin dispozițiile cauzelor care înlătură caracterul penal al faptei.

Odată cu includerea unei noi cauze în lista cauzelor care înlătură caracterul penal al faptei permanent apar discuții în privința trăsăturilor generale ale acestora. Fapt determinat de problemele practicii și opinii teoreticienilor.

Cauzele care înlătură caracterul penal al faptei au următoarele trăsături generale: reprezintă un comportament conștient și volitiv, care cade sub incidența trăsăturilor exterioare ale infracțiunii; conform esenței sale social-politice, sunt social utile și acceptate de societate; sunt prevăzute de normele diferitor ramuri ale dreptului; înlătură caracterul ilegal al faptei; trebuie să existe în momentul săvârșirii infracțiunii și au efecte numai asupra persoanei care se află într-o astfel de stare, situație sau împrejurare.

Cuvinte-cheie: legea penală, caracterul penal al faptei, constrângere fizică, caracterul prejudiciabil al faptei.

Summary

One way to involve citizens to perform the task of stopping dangerous social actions, the warning of the danger threatening social relationships and personal interests is achieved through the criminal law, namely by eliminating the causes of the criminal provisions of the act.

With the inclusion of a new case in the list of cases that permanently removes the criminal nature of the act appear talks about their general features. Practice leads to problems and opinions theorists.

Cases eliminating the criminal nature of the act have the following general features: is a conscious and volitional behavior that falls under external features of the offense, according to its socio-political essence are socially useful and accepted by society are laid down by various branches of law , removes the illegality of the act, must be the time of the offense and only affect the person who is in such a state, situation or circumstance.

Key words: penal law, the criminal nature of the offence, physical restraint, injurious character of the deed.

Orice om are dreptul să-și apere viața, sănătatea și interesele de atentatele criminale, fapt consemnat în legislația Republicii Moldova și în legislația internațională – aceasta reprezintă o oportunitate pentru fiecare persoană de a se proteja pe ea însăși și pe cei dragi de atentatele criminale, cauzând un prejudiciu infractorului în limitele legii.

O modalitate de implicare a cetățeanului în executarea sarcinii de stopare a acțiunilor social periculoase, de preîntâmpinare a pericolului ce atentează la relațiile sociale și interesele personale se realizează prin prisma legii penale, și anume prin dispozițiile cauzelor care înlătură caracterul penal al faptei.

De-a lungul timpului, deși aceste cazuri au purtat denumiri diferite, fiind supuse unor cadre legislative aflate în permanentă schimbare, în esență ele au vizat aceeași realitate umane (nebunie, minoritate, forță majoră, caz fortuit, constrângere morală, eroare invincibilă etc.) [25, 74].

În legătură cu natura juridică a cauzelor care exclud caracterul penal la faptei, în literatura de specialitate sunt prezente diferite opinii. Autori S.V. Maksimov, T.I. Tkachenko susțin că aceste cauze se caracterizează prin lipsa trăsăturii infracțiunii cum este caracterul prejudiciabil) [21, 17], V.N Kozak susține că lipsa caracterului prejudiciabil este caracteris-

tică numai pentru unele cauze care înlătură caracterul penal al faptei) [25, 74], a treia categorie de autori susțin că aceste cauze se caracterizează prin lipsa de ilegalitate, iar cea de a patra categorie de autori, precum A.N. Berestovoi și I.I Sluțkii, susțin că specificul acestor cauze este lipsa pericolului social și ilegalității penale.) [18, 366].

Trezește critică opinia autorilor care susțin că toate aceste cauze exclud și ilegalitatea penală, și pericolul social, și vinovăția, și posibilitatea de pedeapsă, ca urmare și caracterul criminal.) [26, 326-327]. Această idee se rezumă la următorul fapt: care exclude caracterul penal al faptei sunt cele ce exclud trăsăturile infracțiunii.

Nu putem fi de acord cu autorii care susțin ideea că cauzele care înlătură caracterul prejudiciabil al faptei se caracterizează prin lipsa caracterului prejudiciabil, deoarece ea este o trăsătură obiectivă, iar obiectivitatea ei se manifestă prin faptul că nu reprezintă rezultatul aprecierii legiuitorului sau judecății, ci este o realitate a cărei esență constă în faptul că comportamentul persoanei intră în contradicție cu relațiile sociale existente între oameni.

Legea penală apără atât interesele persoanei ce a săvârșit fapta în limita cauzelor care exclud caracterul penal al faptei, cât și interesele victimei de astfel de acțiuni, deoarece fiecare dintre acestea are dreptul la viață și integritate fizică și psihică, la libertatea individuală și siguranță, la apărare, la proprietatea privată și protecția acesteia (art.24-25, 46 al Constituției RM), dar acceptă și cauzarea unor daune intereseelor și drepturilor persoanei.

Aceasta din urmă însemnă că orice acțiune săvârșită în limitele cauzelor indicate păstrează caracterul prejudiciabil. De exemplu în timpul lipsirii de viață sau de cauzare a vătămărilor grave integrității corporale sau sănătății unei persoane nevinovate, în situația când există „apărare fictivă” și are loc depășirea limitelor apărării.) [32,148], sau în timpul reținerii unei persoane nevinovate, ori când persoana singură a creat pericolul și-l înde-

părtează cauzând daune unei terțe persoane.

Nu întâmplător, legislația penală a altor state menționează că cauzele care înlătură caracterul penal al faptei se referă la: utilizarea forței justificabile (CP al Ungariei din 1961) [27]; eliberarea de răspundere penală (CP al Poloniei din 1997) [29]; sau circumstanțe ce au legătură cu anumiți factori externi (CP al Australiei din 1995) [31]. Iar autori G. Stefani, G. Levasseur și B. Bouloc includ aceste cauze la titlul „Infractorul și responsabilitatea penală”. Astfel, legitima apărare și starea de extremă necesitate sunt incluse în paragraful privitor la responsabilitatea penală și cauzele obiective ale lipsei de responsabilitate (fapte justificate). Celealte cauze se referă la responsabilitatea penală și cauzele subiective ale lipsei de responsabilitate (cauze de neimputabilitate) [7, 260].

Modalitatea juridică, legală, de respingere a caracterului prejudiciabil al acțiunii este ilegalitatea apărării. În legislația penală noțiunile de „legalitate” și „caracter prejudiciabil” nu se exclud unele pe altele, însă în realitate poate să existe situații când o faptă săvârșită cu un caracter prejudiciabil în același timp poate să se caracterizeze ca legală, cu alte cuvinte să fie admisă de legislația penală în anumite cauze dacă nu contravine altor acte normative. Astfel de fapte cu caracter prejudiciabil, dar legale, pot să existe numai în cazul în care sunt indicate direct în lege. Caracterizând o faptă prejudiciabilă săvârșită în limitele legii, legiuitorul ne determină să constatăm că ea nu constituie infracțiune. Conform logicii, dacă dauna nu are un caracter prejudiciabil, nu are sens să indicăm fapta care a cauzat acest prejudiciu drept infracțiune. Indiscutabil este faptul că și unele cauze care înlătură caracterul prejudiciabil al faptei pot să înlăture și alte trăsături ale infracțiunii. De exemplu, constrângerea fizică, executarea ordinului sau dispoziției superio-rului înlătură nu numai caracterul prejudicia-bil, ci și vinovăția.

Susțin părerea autorilor V.A. Blinikov și V.V. Orehova) [21,20] care afirmă că anume lipsa caracterului ilegal este esența juridică a

cauzelor ce înlătură caracterul penal al faptei.

Totodată, nu trebuie uitat că legea penală stabilește și limitele legalității pentru cauzele care înlătură caracterul penal a faptei, astfel contribuind la sporirea responsabilității persoanei pentru conduită sa, deoarece este vorba despre cauzarea de prejudiciu drepturilor și intereselor altor persoane care sunt la fel apărate de legislație.

Literatura de specialitate oferă mai multe definiții cu privire la „cauzele care înlătură caracterul penal al faptei”:

– acțiune sau inacțiune, aparent asemănătoare cu faptele prevăzute de legea penală și manifestate prin prejudicierea intereselor ocrotite de lege, dar comise de către o persoană care își realizează drepturile subiective, îndeplinește obligațiile juridice, exercită funcții de serviciu cu respectarea condițiilor legalității, pentru atingerea unui scop social util mai important.) [5,269];

– acele împrejurări, stări, situații, cauzuri, condiții a căror existență în timpul săvârșirii faptei face, potrivit legii, ca realizarea vreunei dintre trăsăturile esențiale ale infracțiunii să devină imposibilă.) [7, 260; 8, 264; 10, 194; 11, 514; 12, 218; 13, 209; 14, 208; 15, 295; 16, 73; 22, 137];

– acțiuni social utile, îndreptate spre înlăturarea pericolului care atentează la relațiile sociale existente în stat.) [23, 173];

– acțiuni conștiente, volitive și social utile legate de cauzarea de daune (sau de crearea unui pericol real) în detrimentul altor interese, dar în lipsa caracterului prejudiciabil și a utilității lor sunt recunoscute de legea penală legală [18, 242];

– acțiuni social utile și adecvate îndreptate spre înlăturarea pericolului care atentează la relațiile sociale și stimularea activității utile [17, 285];

– trezește interes definiția propusă de autorul rus A.A. Piontkoski – acele circumstanțe faptice care sunt ca elemente negative ale compoziției de infracțiune a căror existență neutralizează caracterul penal al circumstanțelor faptice, ce pot fi calificate drept in-

fracțiune [18, 365].

Înainte de a oferi o definiție proprie cauzelor care exclud caracterul penal al faptei, este necesar de a evidenția trăsăturile generale ale acestor cauze, pornind de la general la special. Anume din acest punct de vedere, ca prim pas, dorim să stabilim și să facem o caracteristică generală a trăsăturilor comune cauzelor care înlătură caracterul penal al faptei.

Importanța științifică a acestor cauze se manifestă prin faptul că joacă un rol important în desfășurarea corectă a actului de justiție [25, 74].

Nu este de mirare că odată cu dezvoltarea societății, tehnicii și științei vor apărea noi tipuri de comportament, care la exterior vor avea trăsăturile unei infracțiuni, dar care vor înlătura caracterul ilegal al celor săvârșite. Oricând ar apărea aceste noi cauze ele trebuie să se includă în trăsăturile generale ale cauzelor care înlătură caracterul penal al faptei.

Suntem de acord cu I.V. Baulin care a specificat câteva cerințe ce necesită a fi înaintate noțiunii de cauze care înlătură caracterul penal al faptei, și anume:

1. Să-i aparțină trăsături specifice, ce caracterizează fapta la exterior, permitând evidențierea acestora din toată masa de fapte social legale;

2. Să evidențieze toate trăsăturile ce determină esența social-politică a cauzelor ce înlătură caracterul penal al faptei;

3. Luând în considerare faptul că aceste trăsături fac parte din sfera dreptului [19, 7], atunci este obligatoriu ca aceste trăsături să aibă o formă juridică;

4. Luând în considerare faptul că cauzele enunțate mai sus fac parte din sfera dreptului penal, și nu numai [3, 4], este și normal evidențierea trăsăturilor penale ale consecințelor în urma săvârșirii acestora, această cerință fiind susținută și de autorii N.S. Taganțev, N.I. Vetrov și R.L. Gabdrahmanov [18, 366].

Când vorbim despre trăsăturile ce identifică cauzele care înlătură caracterul penal al faptei, acestea sunt caracterizate ca „împrejurări”, care există la momentul săvârșirii faptei

şi care determină această faptă”, dar această trăsătură nu-şi atinge scopul principal: de înlăturare a caracterului penal al faptei. O altă trăsătură ar fi: „un comportament conştient şi volitiv al persoanei îndreaptă nemijlocit spre înlăturarea pericolului”.

Cunoaştem că comportamentul poate fi exprimat prin acţiuni fizice şi verbale. Luând în considerare acest fapt, putem afirma că cauzele care înlătură caracterul penal al faptei se pot manifesta atât printr-un comportament activ (de exemplu, reținerea infractorului, riscul intemeiat, care pot fi săvârșite prin acţiune), cât şi printr-un comportament pasiv (de exemplu, executarea ordinului sau dispoziţiei superiorului, care poate fi săvârşit şi prin inacţiune).

Din cele enunțate anterior putem conchide că prima trăsătură comună pentru cauzele care înlătură caracterul penal al faptei este că ele reprezintă toate un comportament conştient şi volitiv, exprimat prin acţiune sau inacţiune, generat de anumite condiţii.

Pe tot parcursul vieţii sale omul săvârşeşte o mulţime de fapte şi nu ar fi corect ca pe toate să le referim la astfel de cauze care înlătură caracterul penal al faptei, în primul rând, nu este nici o necesitate să facem acest lucru, iar în al doilea rând, o astfel de abordare nu este practică. De aceea avem nevoie de unele criterii care ar face diferenţa între cercul faptelelor care cad sub incidenţa cauzelor care înlătură caracterul penal al faptei şi fapte infracţionale prevăzute de legislaţia penală. Un astfel de criteriu este coincidenţa exterioară dintre comportamentul volitiv şi conştient al persoanei cu anumite fapte reglementate de codul penal. Anume când fapta săvârşită coincide la exterior cu o infracţiune, apare problema cauzelor care înlătură caracterul penal al faptei, totodată aceasta serveşte drept temei de pornire şi investigare a cauzei penale.

Investigarea cauzei este necesară, deoarece la momentul pornirii urmăririi penale este vorba despre o faptă care ulterior poate fi calificată drept infracţiune, dar totodată în timpul investigării faptei pot fi descoperite

trăsăturile unor cauze care înlătură caracterul penal al faptei, care nu au fost evidente la etapa iniţială de investigare. De exemplu, lipsirea de viaţă pe atacator în timpul apărării coincide cu omorul, iar distrugerea de bunuri pentru înlăturarea unui pericol în timpul unor situaţii de extremă necesitate coincide cu distrugerea sau deteriorarea bunurilor.

Deci coincidenţa la exterior cu oarecare componenţă de infracţiune este o trăsătură obligatorie a cauzelor care înlătură caracterul penal al faptei. Autorul V.N. Kozak nu este de acord cu aceasta şi afirmă că „nu există nici un temei să vorbim despre asemănarea la exterior ca un criteriu special de analiză a acestor cauze”. Dacă e să ne conducem de această idee, atunci în general nu putem să discutăm despre cauze care înlătură caracterul penal al faptei. Dar despre existenţa şi implicarea acestor cauze se poate de vorbit numai atunci când fapta săvârşită cade sub incidenţa Părţii speciale a Codului penal, de aceea nu susţinem această idee.

Când vorbim despre o asemănare la exterior (obiectivă) dintre cauzele care înlătură caracterul penal al faptei şi unele infracţiuni prevăzute de Partea specială a CP al RM, este evident că există o deosebire internă (subiectivă) între aceste fapte, susţine V.N. Kozak. În legătură cu aceasta, A. Boroi [10, 194] propune ca expresia „cauzele care înlătură caracterul penal al faptei” să fie înlocuită cu expresia „cauze care exclud vinovăţia”. Suntem de părere ca ideea dată nu este definită bine, dat fiind faptul că unele cazuri care înlătură caracterul penal al faptei precum legitima apărare, situaţia de extremă necesitate, constrângerea fizică – persoana îşi dă seama de caracterul prejudiciabil al acţiunii sau inacţiunii sale, prevede urmările ei prejudiciabile, le doreşte sau admite, în mod conştient, survenirea acestor urmări, deci este prezentă vinovăţia ca o trăsătură ce caracterizează infracţiunea şi nu poate fi vorba despre excluderea unui fenomen ce există în realitate şi identifică o faptă drept infracţiune, în cumul cu alte trăsături: caracterul prejudiciabil al faptei, ilegalitatea,

posibilitatea de pedeapsă penală.

Totodată, presupunem că opinia lui A. Boroi se bazează pe faptul că persoana ce să vârşeşte o acțiune sau o inacțiune ce coincide cu norma unui articol din Partea specială a Codului penal cade sub incidența cauzelor care înlătură caracterul penal al faptei, dat fiind faptul că persoana ce a săvârşit infracțiunea nu a percepuit fapta sa ca pe una prejудiciabilă pentru societate, ci ca pe una social utilă și acceptată de toți. (Exemplu – persoana A merge pe stradă și vede cum persoana B, recidivist – fapt cunoscut de el, aplică lovitură cu picioarele și cu pumnul unui copil, ce zace la pământ nemîșcat, atunci persoana A aplică o lovitură cu pumnul în piept persoanei B, ca rezultat aceasta decedează). Totuși susținem opinia că chiar dacă persoana își recunoaște fapta sa drept una social utilă, neprejudiciabilă pentru societate, ea totuși aduce un prejudiciu atacatorului. Acest prejudiciu este cauzat cu un anumit grad de vinovăție conform art.17, 18 CP a RM.

Ideea lui A. Boroi poate avea izbândă dacă sintagma „faptă prejudiciabilă” ar fi înlocuită cu sintagma „faptă social periculoasă” în dispoziția tuturor articolelor Codului penal al RM, fapt benefic. Anume în această situație în prim-plan se va poziționa interesul societății, ce va oferi posibilitatea de a recunoaște o faptă infracțională drept una social utilă pentru întreaga societate și, fapt important, neprejudiciabilă pentru societate.

Când vorbim despre cauzele care înlătură caracterul penal al infracțiunii, semnele subiectului infracțiunii trebuie nu numai să se asemene, ci și să coincidă sută la sută cu ale persoanei ce a comis fapta. Iar dacă fapta să-vârșită are un subiect special, despre aplicarea cauzelor care înlătură caracterul penal al faptei va putea fi vorba numai în cazul în care trăsăturile subiectului vor fi identice cu semnele subiectului special prevăzute de norma penală. În caz contrar, poate să existe o altă cauză care înlătură caracterul penal al faptei sau o altă faptă infracțională, sau o faptă ce nu este prevăzută penal.

Un alt element prin intermediul căruia există posibilitate de înlăturare a caracterului penal al faptei este obiectul infracțiunii, prin care se înțelege tot ansamblul (sistemu) de relații sociale, sau, conform alin.(1) art.2 CP al RM, întreaga ordine de drept a Republicii Moldova, ocrotită de legea penală [5, 113].

Este evident că putem să vorbim despre existența cauzelor care înlătură caracterul penal al faptei numai în cazul în care se atentează la valorile ocrotite de legea penală. Totodată, nu trebuie uitat de existența cauzelor care înlătură caracterul penal al faptei prevăzute în legislația contravențională și civilă a Republicii Moldova [3, 4].

Importanța obiectului reiese din faptul că el limitează cercul de cauze care pot fi aplicate la înlăturarea caracterului penal al faptei. Cu alte cuvinte, este cunoscut faptul că fiecarei valori ocrotite de lege i se poate cauza prejudiciu doar prin anumite fapte, astfel are loc limitarea acestor fapte care îi pot aduce prejudiciu obiectului infracțiunii. Dar dacă are loc limitarea acestor fapte, se poate de limita și comportamentul care se asemănă cu aceste fapte. Anume prin aceasta se poate de explicat faptul că unele cauze care înlătură caracterul penal al faptei precum legitima apărare sau situația de extremă necesitate înlătură numai acele fapte infracționale ce atentează la persoană, la drepturile acestuia, la interes public sau proprietate. Ne va fi greu să ne închipuim o legitimă apărare intercalată cu drepturile muncii.

Din cele menționate mai sus, reiese că putem să vorbim despre o faptă care înlătură caracterul penal al faptei numai atunci când obiectul ei se suprapune, coincide cu cel al infracțiunii.

Un alt element ale cărui semne sunt comune atât pentru cauzele care înlătură caracterul penal al faptei, cât și pentru fapta infracțională este latura obiectivă.

Cunoaștem că o faptă poate să se săvârșească atât prin acțiune, cât și prin inacțiune, dar în funcție de timp, loc și împrejurări aceste fapte dobândesc un caracter social periculos sau social util. Este important de subliniat că

atât în cazul acţiunii, cât şi în cazul inacţiunii, trăsăturile obiective sunt identice dintre latura obiectivă a cauzelor care înlătură caracterul penal al faptei şi latura obiectivă a unei componente de infracţiune; anume pe aceasta se bazează coincidenţa şi suprapunerea lor. A.I. Santalov susține ideea dată şi menţionează că despre existenţa cauzelor care înlătură caracterul penal al faptei se poate de vorbit numai în cazul în care ele aduc prejudiciul menţionat, în dispoziţia articolelor din Partea specială a Codului penal, în baza căruia se poate de tras persoana la răspundere penală [20, 462]. Însă autorul nu a luat în considerare faptul că multe din infracţiuni au o componenţă de infracţiune formală sau formal redusă, dar nu materială. Dar şi în acest caz, când va fi vorba de o componenţă de infracţiune formală, vom vorbi despre o coincidenţă totală a semnelor laturii obiective, cu prezenţa câtorva semne în plus care schimbă caracterul faptei.

Conform celor expuse, e posibil de conchis că coincidenţa cauzelor care înlătură caracterul penal al faptei cu faptele infracţionale, prevăzute de legislaţia penală, constă în coincidenţă totală a semnelor subiectului şi obiectului infracţiunii şi, de asemenea, în coincidenţă totală a laturii subiective şi obiective a infracţiunii. Din acestea rezultă că nu există o astfel de cauză care înlătură caracterul penal al faptei, care ar avea o asemănare totală cu o oarecare infracţiune. Dimpotrivă, fiecare cauză reglementată de legea penală îşi are cercul „său” de fapte infracţionale care au trăsături externe identice şi sub incidenţa căror pot să cadă. De aceea când vorbim despre existenţa unei cauze care înlătură caracterul penal al unei fapte, de la început trebuie de stabilit dacă trăsăturile lor exterioare sunt asemănătoare şi coincid subiectul, obiectul, semnele laturii subiective şi semnele laturii obiective.

Analizând cauzele care înlătură caracterul penal al faptei, evidenţiem următoarele trăsături generale:

1. reprezintă un comportament conştient şi volitiv, care cade sub incidenţa trăsăturilor exterioare ale infracţiunii;

2. conform esenţei sale social-politice, sunt social utile şi acceptate de societate;
3. sunt prevăzute de normele diferitor ramuri ale dreptului;
4. înlătură caracterul ilegal al faptei;
5. trebuie să existe în momentul săvârşirii infracţiunii şi au efecte numai asupra persoanei care se află într-o astfel de stare, situaţie sau împrejurare.

În principiu, aceste cauze produc efecte din momentul în care au apărut, s-au ivit, dar, pentru că efectele să opereze, practic este necesar ca existenţa în fapt a stărilor, a situaţiilor care constituie astfel de cauze să fie oficial constataate de către organele competente [15, 269]. Existenţa unei cauze care înlătură caracterul penal al faptei are drept urmare încetarea urmăririi penale în orice moment al acesteia potrivit pct. 2) din alin. (1) al art. 285 din CPP al RM.

Tinând cont de trăsăturile menţionate, cauzele care înlătură caracterul penal al faptei pot fi definite în felul următor: o acţiune sau o inacţiune social utilă, acceptată de societate, legală, reglementată de normele dreptului penal, ce la exterior coincide cu o infracţiune, săvârşită în timpul existenţei anumitor stări, situaţii, circumstanţe ce înlătură caracterul ilegal al faptei.

Bibliografie

1. Constituţia Republicii Moldova din 29 iulie 1994.
2. Codul penal al Republicii Moldova din 18.04.2002, publicat: 14.04.2009 în Monitorul Oficial nr. 72-74, cu modificări.
3. Codul civil al Republicii Moldova din 06.06.2002, publicat: 22.06.2002 în Monitorul Oficial nr. 82-86, cu modificări.
4. Codul contravenţional al Republicii Moldova din 24.10.2008, publicat: 16.01.2009 în Monitorul Oficial nr. 3-6, cu modificări.
5. Al. Borodac, *Manual de drept penal. Partea generală*, Chişinău, 2005.
6. Rodica-Mihaela Stănoiu, I. Griga, T. Diaconu, *Drept penal. Partea generală, note de*

- curs, Ed. Hyperion XXI, București, 1992.
7. M. Zolyneak, M.I. Michinici, *Drept penal. Partea generală*, Ed. Fundației Chemarea, Iași, 1999.
8. M.A. Hotca, *Drept penal. Partea generală*, Ed. C.H. Beck, București, 2007.
9. C. Bulai, *Drept penal român. Partea generală*, vol. I, București, 1979.
10. A. Boroi, M. Gorunescu, M. Popescu, *Dictionar de drept penal*, Ed. All Beck, București, 2004.
11. I. Tănărescu, Camil Tănărescu, Gabriel Tănărescu, *Drept penal general*, ed. a II-a, Ed. ALL BECK, București, 2003;
12. C. Bulai, *Drept penal. Partea generală*, Ed. ALL, Timișoara, 1997.
13. Aug. Ungureanu, *Drept penal român. Partea generală*, Ed. Lumina Lex, 1995.
14. V. Dongoroz și colab., *Explicații teoretice ale Codului penal român*, vol. I, Ed. Academie Române, ALL BECK, București, 2003.
15. St. Botnaru, A. Șavga, Vl. Grosu, M. Gramă, *Drept penal. Partea generală*, vol. I, Ed. Cartier juridic, Chișinău, 2005.
16. A. Barbăneagră, V. Berliba, C. Gurschi, Vl. Holban, T. Popovici, Gh. Ulianovschi, X. Ulianovschi, N. Ursu, *Cod penal comentat și adnotat*, Ed. Cartier Juridic, Chișinău, 2005.
17. R.-G. Ionuș, „Aspecte tranzitorii privind cauzele care înlătură caracterul penal al faptei”, în *Revista națională de drept*, 2006.
18. П.И. Гришаева, *Советское уголовное право. Часть общая*, Москва, 1982.
19. В.А. Блинников, *Система обстоятельств, исключающих преступности деяние, в уголовном праве Российской Федерации*: Автoreферат, дис. док. юрид. наук, Нижний Новгород, 2002.
20. Б.В. Здравомыслова, *Уголовное право Российской Федерации. Общая часть*, Издательство Юрист, 2001.
21. Н.И. Ветров, Р.Л. Габдрахманов, *Уголовное право. Общая часть (учебник)*, Издательство Новый юрист, Москва, 1997.
22. М.И. Якубовичи, *Обстоятельство, исключающие общественность, опасность и противоправность действия*, М., 1979.
23. А.И. Санталов, *Курс советского уголовного права. Часть общая*, Л., Т.1, 1968.
24. В.В. Орехова, *Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключающие преступность действия*, Издательство Юридический центр Пресс, Санкт-Петербург, 2003.
25. Авторский коллектив: В.П. Кашепов, А.А. Гравина, *Уголовное право. Общая и особенная часть (учебник)*, Издательство Былина, Москва, 2001;
26. А.В. Наумов, *Российское уголовное право. Общая Часть: Курс лекций*, М., 1996; <http://www.twirpx.com/file/587656/>.
27. Article 7. Justifiable use of force; exoneration criminal offenses(720ilcs5/) Criminal Code of 1961 of Hungary.
28. <http://www.ilga.gov/legislation/ilcs/ilcs4.asp?DocName=072000050HArt%2E+7&ActID=1876&ChapterID=53&SeqStart=8500000&SeqEnd=10000000>.
29. Rozdział III Wyłączenie odpowiedzialności karnej USTAWA z dnia 6 czerwca 1997r. Kodeks karny, Dziennik Ustaw z 2 sierpnia 1997 Nr 88 poz. 553, data obowiązywania:1998-09-01.
30. <http://www.infor.pl/dzien-nik-ustaw,rok,1997,num,88/poz,553,ujednolicony,ustawa-kodeks-karny.html>.
31. Division 10, Criminal Code Act 1995 - Schedule The Criminal Code Australia; http://www.austlii.edu.au/au/legis/cth/consol_act/cca1995115/sch1.html.

Алексей Анатольевич СЛАБЧЕНКО,
адъюнкт кафедры уголовного права
Национальной академии внутренних дел Украины

КВАЛИФИКАЦИЯ НЕОКОНЧЕННОГО ПРИСВОЕНИЯ ВВЕРЕННОГО ИМУЩЕСТВА: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Резюме

Статья посвящена проблемам квалификации неоконченного присвоения вверенного имущества. На основании возможных способов присвоения исследуются временные пределы и содержание стадий приготовления и покушения. В качестве критериев разграничения стадий предлагается использовать категории «изъятие» и «обращение» имущества. Обосновывается оценочный характер последних и необходимость учёта характера действий виновного, временного фактора, месторасположения имущества, условий договора, должностной инструкции, законодательства.

Ключевые слова: присвоение, вверенное имущество, приготовление, покушение, изъятие, обращение.

Summary

The article is devoted to the problems of unfinished entrusted property appropriation qualification. Temporal limits and content of the preparation and attempt stages are researched on the basis of possible methods of appropriation. It is suggested to use the categories, like «withdrawal» and «circulation» of property as criteria of stages differentiation. Their estimating character and necessity to take into account the character of guilty person actions, temporal factor, location of property, provisions of a contract, job descriptions, and legislation are grounded in the article.

Key-words: appropriation, entrusted property, preparation, attempt, withdrawal, appeal.

Усовершенствование мер уголовно-правовой охраны собственности на современном этапе развития рыночных отношений представляется задачей весьма актуальной. Не смотря на положительные изменения в уровне, динамике и структуре преступлений против собственности, которые имели место в последнее десятилетие, факты присвоения и растраты вверенного имущества продолжают оставаться достаточно распространёнными. Вместе с тем, анализ судебно-следственной практики свидетельствует о наличии ряда проблем с толкованием и применением уголовно-правовых норм, сконструированных в ст. 191 УК Украины, в частности при квалификации неоконченного присвоения вверенного имущества: имеют место факты неправильного определения стадии совершения преступления, что, в конечном итоге, приводит к неадекватным мерам уголовно-правового влияния на виновно-

го, существенному снижению эффективности уголовно-правового запрета.

Проблемы квалификации присвоения или растраты вверенного имущества, а также имущества, находящегося в ведении лица освещены в трудах таких учёных, как Б.Н. Бабий, О.В. Белокуров, Я.Н. Брайнин, Б.В. Волженкин, О.В. Волох, В.П. Емельянов, А.А. Жижиленко, И.А. Клепицкий, М.В. Кожевников, М.И. Коржанский, Б.А. Куринов, Н.О. Лаговиер, П.С. Матышевский, В.Д. Меньшагин, П.П. Михайленко, С.С. Остроумов, В.Г. Танасевич, С.И. Тихий, И.Я. Фойницкий, В.В. Хилюта и др. Однако, квалификация неоконченного присвоения вверенного имущества не находит однозначного своего решения. В силу изложенных обстоятельств, тему данной статьи возможно считать актуальной.

Цель статьи – определить критерии разграничения стадий присвоения вверенного имущества и очертить круг действий

тических для каждой из них.

Следует отметить, что преступление, предусмотренное ст. 191 УК Украины в любом из своих проявлений характеризуется материальным составом. Как справедливо по этому поводу отмечает М.И. Коржанский, важным признаком объективной стороны хищений является наступление преступных последствий – уменьшение имущества владельца с одной стороны, и обогащение за его счет преступника – со второй, то есть обязательным объективным признаком хищения является причинение имущественного вреда владельцу. Хищение способом присвоения, растраты или злоупотребления служебным положением считается оконченным с того момента, когда имущество было обращено в собственность виновного лица или использовано им на свои потребности, а потерпевший лишился определенного количества имущественного фонда [1, с. 72]. Соглашаясь в целом с такой логикой мышления, следует все же акцентировать внимание на том, что специфика способов совершения преступления, предусмотренного в. 191 УК Украины, диктует необходимость в дифференцированном подходе не только к определению момента его окончания, но и к характеристике каждой из стадий преступного поведения.

Следовательно, ведя речь о приготовлении к присвоению чужого имущества, необходимо иметь в виду, что конкретное содержание этой стадии будет зависеть от категории имущества и способа, которым будет осуществляться само присвоение. Последнее, как свидетельствует осуществленный нами анализ 215 уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 191 УК Украины, может быть реализовано путем: а) незаконного удержания вверенного имущества, когда виновный обязан осуществить с ним определенные действия относительно передачи, сбыта, израсходовать на работы и т. п.; б) незаконного невозврата имущества, когда вино-

вный обязан был его вернуть владельцу или другому уполномоченному им лицу (другому законному владельцу); в) незаконного отделения части вверенного имущества от основной его массы, которой правомерно владеет виновный; г) передачи имущества, которое пребывало в ведении виновного (как без фактического владения им, так и при таком) другим лицам при условии, если такие действия не охватываются понятиям растраты (например, передача такого имущества близким родственникам с тем, чтобы впоследствии иметь к нему бесконтрольный доступ и пр.). Рассмотрим подробнее каждый из приведенных способов присвоения чужого имущества сквозь призму признаков приготовления к преступлению и покушению на него.

Приготовление к присвоению вверенного имущества путем его незаконного удержания и невозвращения обнаруживает в значительной степени идентичные черты, что обусловлено спецификой механизма присвоения, которое при его совершении отмеченными способами оказывается в условно пассивном поведении виновного. При этом действия, свойственные для этой стадии преступления, в отличии от покушения, возможные лишь до наступления юридически значимого момента времени или другого юридического факта, с которым закон или же условия гражданско-правовой сделки связывают появление обязанности вернуть, передать имущество или совершить с ним иные действия, обусловленные обязанностями виновного. Следовательно, промежуток времени, в течение которого возможно приготовление к совершению присвоения вверенного имущества указанным способом фиксируется в пределах от добросовестного получения имущества по факту его вверения и до появления юридической обязанности вернуть, передать, сбыть, потратить по целевому назначению имущество или совершить с ним иные действия, обусловленные обязанностями виновного,

когда владение имуществом из законного трансформируется в незаконное.

Вместе с тем, следует также учитывать и конкретное юридическое содержание совершаемых действий относительно приготовления к присвоению. Экстраполируя законодательное определение приготовления к преступлению (ч. 1 ст. 14 УК Украины) на плоскость анализа способов присвоения имущества, в частности путем его незаконного удержания (невозвращение), становится понятным, что оно может выражаться в наиболее разнообразных действиях относительно:

а) подготовки места для временного тайного удержания вверенного имущества, как разновидность создания условий для дальнейшего присвоения. Такие действия могут выражаться в создании тайника, его маскировке, обустройстве с учетом особенностей имущества: габаритов, условий хранения (температурного режима, освещение и т.п.) и пр.;

б) помещение (перемещение) вверенного имущества в пределах времени законного владения в определенное место, в котором впоследствии (в перспективе) возможно его временное тайное хранение после начала режима незаконного владения. Не принимая во внимание то, что вверенное имущество в описанном случае перемещается в пространстве вопреки своему целевому назначению, такие действия, по нашему мнению, все же представляют приготовление, а не покушение не присвоения. Для последнего свойственное начало непосредственного выполнения объективной стороны преступления. В то же время указанное высшее перемещение имущества следует рассматривать в качестве создания условий для совершения присвоения. Началом же исполнения присвоения вверенного имущества целесообразно, по нашему убеждению, считать или же начало окончательного перемещения имущества вопреки его целевому назначению, или же совершение действий относительно тако-

го перемещения после начала незаконного владения.

Как можно видеть, в качестве ключевого момента отграничения приготовления от покушения в этом случае выступает субъективный критерий: сознанием виновного охватывается временный характер перемещения имущества на пути к дальнейшему присвоению; цель действий формируется виновным именно как промежуточная относительно достижения более отдаленной – присвоения имущества; воля направлена не на само присвоение, а на приготовление к нему, а именно на создание надлежащих условий для дальнейшего беспрепятственного присвоения.

Однако, описанный вид приготовления к присвоению является весьма условным, так как кроме временного промежутка законного владения следует также учитывать и территориальное пребывание такого имущества. Если последнее явно не отвечает условиям его целевой эксплуатации (пользования, владения, распоряжения), то такое перемещение имущества в пространстве, помещение его в определенное отдаленное место следует рассматривать, как оконченное присвоение. На этой же позиции стоит и судебная практика.

Условность и ситуативность в оценке деяний виновного склоняет к мысли о том, что критерий отдаленности пребывания имущества от места, в котором возможно его целевое использование, распоряжение в каждом отдельном случае решается, исходя из обстоятельств дела: предусмотренной договором или внедоговорными критериями (критериями разумности) территории эксплуатации имущества, специфики его юридической природы, мобильности, целевого назначения, соответствия места пребывания имущества возможностям и целесообразности его использования по назначению и т.п. Да и сам критерий времени появления обязанности вернуть вверенное имущество или осуществить с ним определенное действие также достаточно

часто является весьма неопределенным.

Справедливой по этому поводу является мнение М.И. Коржанского, который отмечает, что действию лица (заготовителя, экспедитора, агента по снабжению и др.), которое получило в подотчет средства для закупки продукции и своевременно (курсив наш – А.С.) не отчиталось за полученные суммы, квалифицируются как присвоение по ст. 191 УК при условии доказанности умысла на неоплатное обращение этих средств в свою собственность или собственность других лиц [2, с. 265]. Однако, каким образом устанавливаются пределы своевременности, ученый не отмечает. Определить эти пределы с помощью четких критериев есть возможность лишь в тех случаях, когда они закреплены в гражданско-правовом, трудовом договоре или законодательстве. Так, например, как присвоения вверенного имущества были квалифицированные действия лица при следующих обстоятельствах: в период с февраля 2010 года по март 2010 года, ЛИЦО_4, получив в подотчет денежные средства ЧФ ФЛП «ЛИЦО_5» за поставленный товар от разных клиентов на общую сумму 7168 грн. 80 коп. в кассу ЧФ ФЛП «ЛИЦО_5» не внес, распорядившись ими на свое усмотрение [3]. Суд, определяя момент окончания преступления, руководствовался Положением о ведении кассовых операций в национальной валюте Украины, утвержденным Постановлением Национального банка Украины № 637 от 15.12.2004 г. В соответствии с п. 2.6 этого Положения все наличные деньги, которые приходят в кассы, должны своевременно (в день получения наличных средств) и в полной сумме приходить [4]. Таким образом, момент окончания присвоения вверенного имущества был обусловлен моментом окончания рабочего времени дня, когда были осуществлены соответствующие расчеты с клиентами. Рабочее время определяется на основании правил внутреннего трудового распорядка на

конкретном предприятии с учетом соответствующих положений трудового законодательства и особых трудностей не вызывает.

Однако, в тех случаях, когда в гражданско-правовом соглашении, трудовом договоре или акте законодательства пределы своевременности осуществления обусловленных юридической обязанностью действий по вверенному имуществу не закреплены, представляется целесообразным применять критерий разумности сроков, необходимых для осуществления таких действий (вернуть, передать, сбыть, отчитаться, потратить и т.п.), а также реальной возможности у лица совершить такие действия, что отвечает условиям уголовной ответственности за преступную бездеятельность. Любая деятельность, которая осуществляется виновным в пределах указанного времени и направлена на умышленное создание условий для дальнейшего присвоения вверенного имущества, должна квалифицироваться как приготовление к присвоению такого имущества.

В этом контексте стоит заметить и то, что само перемещение имущества в другое, не обусловленное его целевым назначением, место также может быть протяжённым во времени и усложненным по характеристике действий;

в) поиск, приспособление средств совершения присвоения. Эти действия охватывают поиск транспортных средств, технических устройств (холодильных камер, прицепов, подъемных устройств и т.п.), которые позволили бы с учетом характера вверенного имущества, его незаконную транспортировку, хранение в условиях, не обусловленных выполнением юридических обязанностей в отношении него;

г) поиск соучастников или своров на совершение присвоения вверенного имущества ничем принципиально не отличается от аналогичных действий относительно приготовления к любому другому преступлению. Этот вид приготовления в науке

обычно относится к интеллектуальному [5, с. 59-60], так как создание условий для совершения группового преступления происходит путем совершения информационных действий по поиску, обработке, анализу информации, информационного влияния на другое лицо с целью нахождения соучастников и соответствующего сговора.

Как указывалось выше, присвоение будет оконченным лишь тогда, когда у виновного появится возможность распоряжаться имуществом. Следовательно, невозвращение, удержание, перемещение вверенного в режиме незаконного владения и до появления возможности решить его юридическую судьбу следует считать стадией покушения на присвоение.

Приготовление к присвоению путем незаконного отделения части вверенного имущества от основной его массы, которым правомерно виновный владеет в общих чертах отвечает вышеприведенным разновидностям приготовления. Вместе с тем, оно характеризуется и определенной спецификой. В частности, в отличии от удержания, невозвращения вверенного имущества, этот способ присвоения, как показывает анализ судебно-следственной практики, применяется тогда, когда виновный стремится скрыть факт присвоения путем совершения таких сопутствующих действий, как подделка документов (товарно-транспортных накладных, кассовых ордеров и т.п.), смешивания сырья, материалов разных сортов (более высокого с более низким), разбавления жидкостей посторонними веществами и пр. В этом случае, если подготовительные действия содержат признаки самостоятельного состава преступления (например, подделка документов, незаконное завладение транспортным средством и пр.), то их надлежит квалифицировать по совокупности преступлений – как приготовление к присвоению вверенного имущества и соответствующее оконченное преступление.

Само же присвоение имущества счи-

тается законченным с момента незаконного (не обусловленного гражданско-правовым договором, должностной инструкцией или требованиями законодательства) отделения части имущества и появления возможности распоряжаться им. Кроме того, для этого способа присвоения характерные физические манипуляции относительно разделения, выделения части имущества, которым виновный пытается незаконно завладеть, из общего его объема. Это, в свою очередь, обуславливает необходимость в предыдущей подготовке вспомогательных средств, орудий совершения преступления: тары, транспортного средства, технических принадлежностей различной природы в зависимости от характеристик имущества. Следовательно, действия лица относительно поиска, приспособления таких орудий и средств следует признать приготовлением (так называемым чистым приготовлением) к присвоению, однако лишь в том случае, когда совершаться с умыслом на незаконное завладение частью вверенного имущества.

Начало фактического отделения части (распил, отрез, отрыв и т.п.) является началом стадии покушения на присвоение, ведь именно в этих действиях воплощается юридически значимое отчуждение имущества. Поэтому, прерывание преступления на этапе от начала физического отделения и до возможности распоряжаться имуществом следует квалифицировать именно как покушение на присвоение.

Определенной спецификой характеризуется приготовление к присвоению путем передачи имущества, которое находилось в ведении виновного (как без фактического владения им, так и с таковым) другим лицами при условии, если такие действия не охватываются понятиям растраты. Этот способ присвоения априори предусматривает поиск соучастников и/или предварительный сговор на совершение преступления с соответствующим лицом, которое должно принять имущество

и доставить его в заранее обусловленное место. Таким образом, в своем генезисе такой способ присвоения, в отличии от предыдущих, обязательно проходит стадию приготовления и в любом случае является групповым. Его прерывание на стадии приготовления влечёт за собой квалификацию по ч. 1 ст. 14 и ч. 3 ст. 191 УК Украины. Вместе с тем, передача имущества соответствующему лицу еще не означает окончания присвоения, ведь необходимым условием является возможность распоряжаться имуществом со стороны виновного. Следовательно, с момента фактической передачи имущества начинается стадия покушения, которая длится до появления соответствующей возможности относительно распоряжения имуществом. Например, когда соучастник присвоения покинет территорию предприятия с имуществом, которое передал ему виновный, – лицо, которому это имущество было вверено. Прерывание же преступной деятельности на этом этапе предопределяет квалификацию преступления как неоконченное покушение на присвоение, совершенное по предварительному сговору группой лиц.

Таким образом, подводя итог изложенному, следует отметить, что под приготовлением к присвоению следует понимать весь комплекс подготовительных действий, родовые признаки которых закреплены в ч. 1 ст. 14 УК Украины, которые совершаются виновным с целью создания условий для беспрепятственного незаконного завладения вверенным имуществом или имуществом, которое находится в ведении и последующим его присвоением, то есть окончательным и неоплатным обращением в свою пользу или пользу других лиц. Стадия же покушения начинается с момента начала незаконного завладения (что может выражаться в перемещение имущества в пространстве, его помещении в определенные места, извлечение с места нахождения и другие подобные действия, не обусловленные целевым назначением имущества или требованиями целесообразности оперативного

управления им) и до момента появления возможности распоряжаться имуществом, то есть до окончательного, неоплатного обращения имущества в свою пользу или пользу других лиц. Незаконное завладение, таким образом, как акт начала неправомерного владения – трансформации владения законного в незаконное, – является начальным этапом присвоения, который и следует считать началом деяния, непосредственно направленного (в смысле ч. 1 ст. 15 УК Украины) на совершение преступления, предусмотренного ст. 191 УК Украины. Ключевым моментом в разграничении стадий в этом случае выступает деяние по изъятию имущества из владения собственника (как составляющей права собственности) и переход законного фактического владения в незаконное со стороны виновного с целью последующего обращения имущества в свою пользу или пользу других лиц.

Список использованных источников

1. Коржанский М.И., Квалификация преступлений против личности и собственности / М.И. Коржанский. – К.: Аттика, 1996. – 144 с.
2. Коржанский М.И., Квалификация преступления / М.И. Коржанский. – К.: Аттика, 2002. – 640 с.
3. Архив Хмельницкого горрайонного суда. Дело № 1-148/2010.
4. Положение о ведении кассовых операций в национальной валюте Украины: Постановление Национального банка Украины № 637 от 15.12.2004 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/z0040-05>.
5. Маслак Н.В., Уголовная ответственность за приготовление к преступлению: Дис...канд. юрид. наук: 12.00.08/ Наталья Владимировна Маслак. – Харьков: Национальная юридическая академия имени Ярослава Мудрого, 2005. – 218 с.

Юлия Владимировна СЛАБУНОВА,
старший прокурор отдела надзора
за соблюдением законов налоговой милицией,
советник юстиции прокуратуры Сумской области, Украина

ПОНЯТИЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ГРАЖДАНИНА ОРГАНАМИ ПРОКУРАТУРЫ

Резюме

В статье рассмотрено и определено понятие «административно-правовой механизм обеспечения прав и свобод гражданина органами прокуратуры», а также на основании анализа различных научных концепций и подходов, охарактеризовано его функциональное значение.

Ключевые слова: органы прокуратуры, административно-правовой механизм, права и свободы гражданина, административно-правовой механизм обеспечения прав и свобод гражданина органами прокуратуры.

Summary

In the article and the definition of “administrative and legal mechanism to ensure the rights and freedoms of a citizen prosecutors”, and based on the analysis of the various scientific concepts and approaches that characterized its functional value.

Key words: prosecutors, administrative and legal framework, the rights and freedoms of citizens, administrative and legal mechanism to ensure the rights and freedoms of citizens prosecutors.

Механизм административно-правового обеспечения прав и свобод граждан органами прокуратуры в организационно-политическом и юридическом отношениях является сложным многогранным явлением, которое представляет собой целостную систему регулятивных и охранительных правовых средств, направленных на обеспечение соблюдения конституционных требований относительно свободной реализации прав и свобод каждого гражданина.

Рассмотрение этого явления как части общего механизма правового регулирования общественных отношений и выполнения органами прокуратуры своих функций, позволяет установить эффективность действия и функции его компонентов, а также механизма как единого целостного образования.

Проблемам обеспечения прав и свобод граждан различными органами го-

сударственного управления, в том числе органами прокуратуры, посвящено ряд трудов как украинских, так и иностранных авторов, однако, комплексного исследования вопроса административно-правового механизма обеспечения прав и свобод гражданина органами прокуратуры не проводилось, что обуславливает актуальность данной темы.

Цель статьи заключается в определении понятия «административно-правовой механизм обеспечения прав и свобод гражданина органами прокуратуры», а также его функционального значения. Для достижение цели необходимо решить такие основные задачи: дать определение понятиям «механизм обеспечения», «административно-правовой механизм обеспечения», «административно-правовой механизм обеспечения прав и свобод гражданина органами прокуратуры», выяснить и охарактеризовать его

функциональное значение.

Механизм административно-правового обеспечения конституционных прав и свобод граждан органами прокуратуры можно рассматривать как сложную систему, состоящую из правовых средств, которыми обладает указанный субъект, а также правовую деятельность органов и юридически значимых результатов их деятельности. При этом единый механизм административно-правового обеспечения прав и свобод граждан в соответствии со стадиями правового регулирования можно дифференцировать на механизм обеспечения реализации норм права и механизм государственного принуждения, каждый из которых характеризуется специфическими, присущими только ему правовыми средствами.

При рассмотрении понятия «механизм обеспечения» как начального в смысле рассматриваемой категории, следует учитывать, что оно в более широком смысле, прежде всего, касается социальной сферы, выступает как средство практического выражения управления. В специальной литературе акцентировано внимание на тот факт, что «механизм ... сложный для исследования, поэтому он изучен в меньшей степени, чем другие составляющие управления: ведь познание овладевает сначала проявления сущности, а затем только - самую сущность» [1, с. 460]. Отметим, что механизм является самостоятельной научной категорией, которая конкретизировано выражает требования диалектики и системного анализа по отношению к явлениям социальной действительности. Согласно этому, данное понятие обеспечивает четкое видение всей деятельности, которое дает возможность провести его анализ в рамках существующих категорий административного права, проследить формы его проявлений в повседневной правоохранительной практике.

В научной литературе категорию «механизм» определяют как внутреннее

строение, систему чего-либо, совокупность состояний и процессов, из которых складывается определенное физическое, химическое и другое явление [2, с. 523]. При этом каждый механизм - это высокоорганизованная, целостная, объективно и субъективно единая система, которая имеет свою структуру, то есть внутреннюю конструкцию. Прежде всего, отметим, что использование категории «механизм» в юридической литературе обусловлено осознанием недостаточности существования материальных норм, развитой системы законодательства, но и нужны четкие механизмы их воплощения в жизнь, в полной мере относится и к административно-правовой [3, с. 337]. Считаем, что в процессе определения сущности и содержания изучаемого механизма необходимо опираться на научные разработки иного правового механизма, в частности механизма правового регулирования.

Прежде чем более подробно перейти к анализу и исследования содержания и сущности термина «механизм» в юридической науке, отметим, что слово «механизм» иноязычное, и происходит от греческого *medianē* - орудие, устройство, совокупность деталей передает или преобразует движение машины, прибора, или же это внутреннее устройство, система чего-либо, как то например, государственный механизм или совокупность состояний, процессов любых явлений. В науке термин «механика» происходит от греческого *mechanske* - наука о машинах, о механическом движении тел и о взаимодействии, возникающее при этом между телами, а также раздел механики, который применяет ее законы для решения практических задач или способ осуществления, путь развития чего-либо, например, реформ [4, с. 451]. Слово «механизм» в современном украинском языке используется в нескольких значениях. Так, в частности это устройство, которое приводит машину или аппарат в действие (часовой механизм): это внутреннее строе-

ние, система чего-либо (механизм выборов, механизм законодательной реформы) совокупность состояний процессов из которых складывается определенное физическое или химическое и другое явление [5, с. 237]. Большой толковый словарь современного украинского языка следующим образом трактует понятие слова «механика», во-первых, как науку о механической движение тел и о взаимодействии, возникающее при этом между телами, во-вторых, как сложное скрытое строение чего-либо или хитро замаскированный поступок, дело [6, с. 523].

В юридических словарях слово «механизм» используется только как составная юридических терминов для обоснования определенных правовых явлений в теоретико-исследовательских работах ученых, но как самостоятельное понятие «механизм» отсутствует в Юридической энциклопедии, вышедшей из печати в 6 томах [7, с. 540-789], не нашло отражение трактовка этого понятия и в Юридическом словаре - справочнике [8, с. 322-367], не указано и в юридически терминологическом толковом словаре [9, с. 148-157], и других справочниках. Это слово, например, используется при толковании «механизм государства», в частности в «Популярной юридической энциклопедии» [10, с. 235], оно также указано в Юридическом словаре И. Дахно [11, с. 458]. В последнее время его использует и законодатель в законотворческой работе [12, с. 458]. Анализируя юридические источники, характеризующие различные правовые динамические процессы и явления, а также функционирующие социально-правовые институты, как отмечает А. Олейник, большинство авторов в своих научных трудах применяют термин «механизм» [13, с. 154]. Такой термин, например, применяется, когда анализируют понятие «механизм государства», «административно-правовой механизм», «конституционно-правовой механизм», «социально-правовой механизм» и другие.

Относительно такого управлениче-

ского феномена, как обеспечение прав и свобод граждан органами прокуратуры, термин «механизм» должен применяться, прежде всего, в таком аспекте, имея в виду необходимость достижения определенной результиативности от предоставленного управленческого воздействия. Об эффективности этого механизма можно будет говорить тогда, когда будут оценены все возможные формы его проявления и использования в непосредственной правоохранительной практике, а также в случае его соответствия нормативно определенным стандартам.

Анализируя соотношение понятий «механизм управления» и «механизм обеспечения прав и свобод гражданина органами прокуратуры», можно сделать вывод, что они различаются так же, как «общее» и «частное» в диалектике. Второе является разновидностью первого, но не его составной частью и не элементом. Среди его характеристик ведущее место занимают социальные системные связи и свойства. Вместе с тем, очевидно, что термин «механизм» должен быть использован в данном случае для характеристики функционирования определенной системы, в которой отражается специфическая деятельность как системного целого. Поэтому, независимо от всех аспектов, само отношение к механизму обеспечения прав и свобод гражданина органами прокуратуры должно предусматривать его понимание как более системного функционирующего образования.

Считаем, что термин «механизм» по указанной сфере социальной деятельности должен воплощать способы правовой организации и функционирования системы, а также характеризовать формы отражения в соответствующих процедурах социальных процессов и закономерностей. Механизм обеспечения прав и свобод гражданина органами прокуратуры, в отличие от механизма управления, имеет такую специфическую системную харак-

теристику, как наличие юридических факторов, обуславливающих функционирование процессов осуществления базовой деятельности со свойственными ей функциями, методами, процедурами и т.д..

И.А. Иерусалимова предлагает собственное понимание понятия «административно - правового обеспечения» прав и свобод человека и гражданина: «административно - правовое обеспечение» прав и свобод человека и гражданина представляет собой полноту регулирования с помощью норм административного права общественных отношений, возникающих для и в процессе их реализации, а также предоставление посредством этих норм соответствующих гарантий, которые вместе с другими правовыми и не правовыми гарантиями создают устойчивую систему возможностей пользования правовыми ценностями в государстве» [14, с. 84]. Фактически И.А. Иерусалимова к содержанию понятия «административно-правового обеспечения» включает три основных элемента - административно-правовое регулирование, реализацию административно-правовых норм и установленные нормами административного права гарантии реализации прав человека и гражданина.

Итак, можем сделать вывод, что включение в состав понятия «административно-правового обеспечения» указанных выше элементов, с одной стороны, дает возможность более четко определить «местонахождение» данного понятия в системе ключевых понятий административно-правовой науки среди которых: «административно-правовое регулирования» и «реализация административно-правовых норм», с другой стороны, включив в содержание понятия «административно-правового обеспечения» понятие «реализации административно-правовых норм» и «гарантии реализации прав человека и гражданина», автор акцентировал внимание на реальности «обеспечение», таким образом, трансформируя данное понятие из сферы возможного в сферу совершенного, что в целом соответствует его сущностным ха-

рактеристикам. Однако недостатком такого подхода к пониманию содержания понятия «административно-правового обеспечения» является упущение с «вида» субъектов властных полномочий, которые реализуют (применяют) нормы административного права в своей деятельности.

Под механизмом обеспечения прав и свобод человека и гражданина органами прокуратуры следует понимать совокупность органически связанных и взаимодействующих между собой элементов (правовых норм, практики их применения, задач, функций, методов, правоотношений и др.), образуют рациональную систему воздействия на факторы реализации прав и свобод человека и гражданина. При этом указанное комплексное функционирующее организационно-правовое явление направленное на совершенствование соответствующей деятельности.

В основе действия любого механизма, в том числе и в среде социальных видов деятельности, всегда лежит взаимодействие элементов различных систем. С учетом изложенного, обобщая проведенное исследование сущности механизма обеспечения прав и свобод граждан, важно обратить внимание на такие его особенности.

Во-первых, структурность механизма, т.е. к этому феномену следует относить только средства обеспечения функционирования, а то, что выражает статическую сторону - зачислять в систему. Поэтому все без исключения системообразующие элементы (цели, задачи, субъектный состав, принципы, уровни, объекты действия) при всей их важности непосредственно в механизм не могут быть включены.

Во-вторых, функциональность механизма, т.е. в его систему следует относить только те элементы, которые реально функционируют. Например, такие категории, как законы и закономерности, или такие явления, как правовая культура, не могут выступать в виде его элементов. Следует отметить, что было бы ошибочным утверждать, что эти категории и явления

не влияют на исследуемый механизм. Это влияние многогранно и существенно. Законы и закономерности могут выступать как некий ценностный ориентир, фундаментальная основа, а правовая культура и правосознание - как общий фон, среда функционирования и т.п.

Анализ существующих точек зрения на исследуемой проблеме свидетельствует, что в литературе при изучении любого социального механизма чаще всего пытаются просто собрать разноплановые элементы вместе и охарактеризовать их в одном ряду, независимо от их особенностей функционального назначения в процессе осуществления деятельности и сущностных качеств.

Для успешного решения задачи структуризации необходимо сначала сформулировать начальные посылки вычленение элементов механизма обеспечения прав и свобод гражданина органами прокуратуры. Для этого целесообразно воспользоваться методом аналогии. Суть его заключается в следующем. Поскольку познание правового явления мы решили осуществить через термин, который преимущественно используется для объяснения жестко детерминированной зависимости, то следует сравнивать данный механизм с каким-то механизмом в техническом смысле. При этом следует иметь в виду два существенных момента. Во-первых, применение метода сравнительного анализа этих двух механизмов допустимо через использование самого термина «механизм», иначе можно было бы обойтись другими понятиями, которые действуют в административной теории. Во-вторых, следует строго соблюдать условия научной полезности, не приписывая механизма тех характеристик и свойств, которыми он не может обладать по своей природе.

Как и любой механизм, механизм обеспечения прав и свобод гражданина органами прокуратуры должен иметь, разумеется, основы своего функционирования, функциональное назначение и организационную структуру, способную осущест-

влять определенную деятельность. Указанный механизм должен формироваться с закономерностями, характеризующими возникающие общественные отношения. Это очевидное утверждение, не требующее глубокой аргументации. В реальной правоохранительной практике субъекты руководствуются не закономерностями, а сформулированными на их основе нормами права (принципами деятельности), на базе которых реализуется управляющее воздействие. Поэтому одним из элементов механизма обеспечения прав и свобод гражданина органами прокуратуры есть юридические основания (нормы, право-применительные акты, практика) функционирования соответствующей системы.

Учитывая вышеизложенное, мы считаем, что механизм административно-правового обеспечения прав и свобод граждан органами прокуратуры Украины представляет собой взаимодополняющую, органически связанную и взаимодействующую между собой систему, элементов (правовых норм, практики их применения, задач, функций и методов, правоотношений и т.п.) деятельности указанных органов государства, направленную на создание необходимых условий для надлежащего обеспечения гражданских прав, свобод и законных интересов и установленную административно-правовыми нормами систему гарантий надлежащей реализации и соблюдения прав, свобод и законных интересов каждого гражданина.

Предложенная нами дефиниция позволяет проследить «генетическую» связь между понятиями «административно-правовое обеспечение» и «административно-правовое регулирование (регламентирование)». Кроме этого, данный вариант конструкции смысловой нагрузки понятия «административно-правового обеспечения» позволяет выделить аспект реальности «обеспечение», который связывается с конкретной деятельностью субъектов властных полномочий, а не с абстрактным административно-правовым регулиро-

ванием. В отличие от административно-правового регулирования, которое означает процесс воздействия на общественные отношения с целью их упорядочения, практическая деятельность органов более приближенная к реальному надзору за соблюдением прав, свобод и законных интересов граждан, установленных и закрепленных Конституцией Украины.

Функциональное назначение административно-правового механизма обеспечения прав и свобод гражданина органами прокуратуры заключается в том, что он помогает реализовать организующий потенциал, который имеет система, как социальное явление, приводит ее в динамическое состояние.

Таким образом, в рамках данного механизма должна осуществляться определенная деятельность согласно установленным правилам с применением соответствующих методов воздействия в отношении других социальных явлений. Это означает, что элементами названного механизма должны выступать задачи, функции и методы управленческого воздействия. Административно-правовой механизм обеспечения прав и свобод граждан органами прокуратуры формируется и функционирует в рамках конкретной системы. Игнорирование этого важного фактора вносит значительную путаницу в его познания.

Список литературы

1. Веселый В.З., Формирование теории управления в сфере правоохранительной деятельности и совершенствование управленческой подготовки кадров в органах внутренних дел: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1988.
2. Великий тлумачний словник сучасної української мови / Уклад. і голов. ред. В. Т. Бусел.— К.; Ірпінь, 2002.— 1440 с.
3. Тодыка Ю.М., Конституция Украины — Основной Закон государства и общества: Учебное пособие.— Х.: Факт, 2001.— 382 с.
4. Сучасний словник іншомовних слів: Близько 20 тис. слів і словосполучень / Уклади О.І. Скопенко. Т.В.Цимбалюк. - К.: Довіра. 2006. - 789 с.
5. Словарь иностранных слов и выражений / Авт. Сост. Е.С.Зенович. - М.: Олимп ООО «Фирма «ИЗДАТ. АСТ». 1998. - 608 с.
6. Івченко А.О., Тлумачний словник української мови / А.О. Івченко. Худож. оформлен. І.В. Осипов. - Харків: Фоліо. 2006. - 540 с.
7. Юридична енциклопедія: В 6 т. / Ред. кол.: Ю.С.Шемшученко (голова ред.. кол.) та ін. - К.: видави. «Укр. енциклопед.» ім. М.П. Бажана. 2001. т.3 - 792 с.
8. Юридичний словник - довідник: / За ред. Ю.С.Шемшученка. - К.: Феміна. 1996. - 696 с.
9. Юридичні - терміни: Тлумачний словник / В.Г. Гончаренко. П.П. Андрушка. Т.П.Базова та ін.: за ред. В.Г.Гончаренко. - К.: Либідь. 2003. - 320 с.
10. Популярна юридична енциклопедія / Кол. Авт.: В.К. Гіжевський, В.В. Головченко, В.С. Ковальський (кер.) та ін. - К.: Юрінком Інтер, 2003. - 528 с.
11. Юридичний словник І. Дахно: Словник законодавчих та нормативних термінів. — 2-е вид. доп. — К.: А.С.К., 2001. — 1056 с.
12. Про внесення змін до деяких законів України щодо вдосконалення механізму державного регулювання ринку господарської продукції: Орієнтир № 37 // Урядовий кур'єр 26 серпня 2009 року — № 154.
13. Олійник А.Ю., Конституційно - правовий механізм забезпечення основних свобод людини і громадяніна в Україні. Монографія / А.Ю. Олійник - К.: Алерта. КНТ. Центр навчальної літер., 2008. - 472 с.
14. Єрусалімова І.О., Механізм адміністративно – правового забезпечення прав і свобод людини та громадяніна: дис. ... кандидата юрид. наук: спец.: 12.00.07 / Ірина Олександрівна Єрусалімова. — Київ. – 2006. – 205 с.

Roman STARAŞCIUC,
lector superior al Catedrei Drept public
a Academiei „Ştefan cel Mare” a MAI

PROTECȚIA MARTORULUI ÎN STATE CU SISTEME DE DREPT ANGLO-SAXONE (SUA ȘI MAREA BRITANIE)

Rezumat

Instituția protecției martorului exemplifică una dintre tendințele contemporane de dezvoltare a sistemelor de drept ale statelor lumii. Articolul face un studiu comparat al acestei instituții în sistemele de drept ale Statelor Unite și Marii Britanii sub aspectul criteriilor de eligibilitate a martorilor, modelelor și mecanismelor de protecție.

Cuvinte cheie: sistem de drept, protecția martorului, criterii de eligibilitate, SUA, Marea Britanie.

Summary

Institution witness protection is a trend in developing modern legal systems of the countries. Article is a study of the institution witness protection in legal system at the U.S. and UK. It analyzes the eligibility of witnesses, modes and protection mechanisms.

Key-words: legal system, witness protection, eligibly criteria, USA, Great Britain.

Modul de elaborare a dreptului în cadrul sistemului de drept anglo-saxon a stârnit și va stârni numeroase discuții în literatura juridică. Un fapt este cert – acest element a influențat însăși structura dreptului, concepția dreptului, sistemul de izvoare, stilul și limbajul actelor juridice etc.

Mecanismul prin care cazurile de speță ajung să formeze un sistem de drept încheiat este stare *decisis*, „ceea ce a fost deja decis”. Termenul desemnează principiul potrivit căruia hotărârile pronunțate de anumite instanțe produc efecte nu numai cu privire la părțile litigante, ci leagă cu obligațiile și alte instanțe. Judecătorul este obligat a se pronunța în considerarea a ceea ce, anterior, într-o cauză similară, s-a decis de către o altă instanță.

Elementele și caracteristicile sistemului de drept anglo-saxon – sistemului de „case law” – considerate de autorii continentali ca Jean-Louis Bergeli drept vulnerabilități [4, 247], de către autorii englezi precum W. Geldert [6,13] sunt analizate ca avantaje:

- corectitudinea pe care o oferă pentru rezolvarea fiecărui caz care este esențialmente similar;

- posibilitatea de creștere, de adaptare permanentă a unor reguli noi de drept, adaptate noilor circumstanțe și cerințelor unei societăți în continuă dezvoltare (deci flexibilitatea sistemului anglo-saxon);

- atenție excesivă asupra regulilor de detaliu;

- caracterul practic al normelor.

Cu toate acestea chiar și W. Geldert trece în revistă anumite dezavantaje ale sistemului anglo-saxon: rigiditatea normelor (care odată fixate nu mai pot fi modificate); pericolul unor distincții nelogice (care să ducă la aplicarea normelor în unele situații pentru care nu au fost create), volumul și complexitatea (care îngreunează cunoașterea normelor aplicabile). [5,65]

În sistemul de drept anglo-saxon norma juridică se prezintă cu un grad de generalitate mai redus decât norma de drept din sistemul romano-germanic. Ea este în realitate o regulă reținută de instanță nu prin interpretarea unui text de lege, ci obținută prin utilizarea unor tehnici de distincții (fiind valabilă pe viitor doar pentru cazurile absolut identice). Orice modificare în încărcătura faptică a spe-

ței va face regula inaplicabilă și va impune judecătorul să aplice o altă normă juridică. Prof. P. Arminjon critica arbitrariul judecătorilor englezi, considerând că efectul principiului stare decisis este transformarea judecătorului în legiuitor, acesta având „mână liberă” în a modifica cutuma existentă sau de a stabili noi reguli de drept. [10,400]

După preluarea de către CEDO (Curtea Europeană a Drepturilor Omului) a regulilor de procedură anglo-saxone, după ce mai multe state europene au depus eforturi în preluarea și implementarea în sistemele juridice naționale a instituțiilor de drept tipic anglo-saxone precum curțile cu jurați sau medierea. Datorită realităților vieții contemporane, majoritatea statelor europene au preluat și chiar adaptat la necesitățile naționale instituția protecției martorului.

Am supus studiului această instituție, așa cum se găsește în sistemul de drept al SUA și în Regatul Unit al Marii Britanii – ca state cu sisteme de drept tipic anglo-saxone.

Un loc aparte în procesul judiciar al SUA îl constituie Programul de protecție a martorilor. Programul de protecție a martorilor a fost autorizat prin „Actul de control asupra crimei organizate” din 1970 [8] și a fost modificat prin Legea „măsurilor de control asupra criminalității” din 1984 [9]. Conform datelor statistice, de la înființarea sa, de acest Program au beneficiat peste 8500 de martori și peste 9900 de membri ai familiilor acestora. [11]

Practica procesual penală a SUA demonstrează că doar o mică parte din cauze sunt examineate de către curtea cu jurați. Majoritatea cauzelor penale, peste 90%, sunt examineate în mod sumar, procurorul ajungând la o „înțelegere” cu infractorul. În cadrul „înțelegerei” dintre învinuit și procuror, învinuitul își recunoaște vina și pledează „vinovat” iar procurorul cere în fața judecătorului o anumită clemență sau scădere de pedeapsă. Procedura negocierilor se desfășoară în prezența judecătorului, astfel reușindu-se o rezolvare rapidă a cazului, fiind în același timp mai puțin cos-

tisitoare. Deseori, prin „înțelegerea” dintre învinuit și procuror sunt fixate și condiții adiacente, precum cea de a depune mărturie contra celorlalți participanți la infracțiune, sau, includerea în programul federal de protecție a martorilor.

În cadrul sistemului justiției penale al SUA, aducerea la îndeplinire a Programului de protecție a martorilor este plasată sub responsabilitatea unui organ distinct – Serviciul federal de supraveghere sau „Marshalls”. Deși a fost întemeiat oficial ca structură autonomă în cadrul FBI, activitatea prodigioasă a acestuia începe abia după anii celui de-al Doilea Război Mondial. Scopul principal al Serviciului de supraveghere (Marshalls) constă în garantarea accesului la justiție a tuturor cetățenilor și contracararea încercărilor de presiune sau constrângere a martorilor.

Formarea Serviciului a fost determinată de două rațiuni: prima – atragerea societății civile în sprijinul justiției; a doua – necesitatea economică de reducere a cheltuielilor pentru sistemele de penitență existente. Activitatea Serviciului nu este subordonată nici acuzării și nici apărării, și este axată pe două direcții: supravegherea și protecția presentință (înainte de desfășurarea judecății), și, supravegherea și protecția post-sentință. Activitatea Serviciului de Marshali are o cvadruplă menire: de a ajuta judecătorul în procesul de realizare a justiției; de a proteja martorii care depun mărturii în proces, de a ajuta persoanele de bună-credință în resocializare și de a proteja societatea de persoanele cu comportament antisocial.

În dreptul american, protecția martorilor se realizează pe două căi: fie prin asigurarea protecției fizice a persoanei (utilizându-se în acest scop case conspirative, pază de corp, echipament de supraveghere și protecție); fie prin schimbul de identitate (cu schimbarea locului de trai, a profesiei, a autovehiculelor etc.). În ambele situații cheltuielile sunt asigurate de stat, iar gradul de confidențialitate și de secretizare a acestor operațiuni este asemănător serviciilor de spionaj. Șeful Programului de protecție a martorilor în anii 2001-2005,

Frank Sroski, spunea: „metodele de protecție fizică a martorilor sunt similare cu cele aplicate de către Serviciul secret, responsabil de securitatea Președintelui Statelor Unite ale Americii”. [7,38]

Pentru plasarea martorului în Programul de protecție, acesta trebuie să îtrunească una dintre condițiile de eligibilitate:

- să fie un martor esențial pentru investigarea și rezolvarea cazurilor legate de activitate criminală organizată sau escrocherie (incriminate de Codul Penal al SUA la titlul 18, secțiunea 1961 (1));

- să fie un martor esențial pentru investigarea și rezolvarea infracțiunilor de trafic de droguri (descrise în titlul 21, Codul Penal al SUA);

- să fie un martor esențial pentru investigarea și rezolvarea infracțiunilor de obstrucționare a justiției (descrise în titlul 19, Codul Penal al SUA);

- să fie un martor esențial pentru investigarea și rezolvarea cazurilor incriminate de legislația federală sau de legislația statului, și dacă poate demonstra că poate fi supus reprezaliilor violente sau amenințat cu violență.

Conform legislației SUA, autoritatea care decide includerea martorului în programul de protecție este Procurorul General, care trebuie să obțină și să evalueze toate informațiile disponibile cu privire la caracterul adecvat al unui martor pentru includerea în Program. Aceste informații trebuie să includă amenințări la adresa martorului, cazierul judiciar al martorului, precum și o evaluare psihologică pentru martor și pentru fiecare membru adult al familiei sale (18 ani și peste), care va intra în Program. În plus, Procurorul General este obligat să facă o evaluare scrisă a riscurilor la adresa vieții martorul și membrilor familiei acestuia, dar și riscul pe care l-ar putea prezenta pentru comunitățile noi în care ar putea fi relocate. Elementele care trebuie să fie luate în calcul includ, dar nu sunt limitate la cazierul judiciar, alte alternative decât programul de protecție care au fost luate în considerare, posibilitatea de a asigura mărturia din alte surse,

etc. În cazul în care se stabilește că necesitatea de urmărire penală a cazului este compensată și depășită de pericolul pe care martorul și membrii de familie a acestuia l-ar reprezenta pentru comunitatea relocate, Procurorul General este obligat să excludă martorul din Programul de protecție. [12]

Înainte de autorizarea Programului, martorii vor trebui să facă plata oricărei datorii cunoscute pentru care există o hotărâre judecătorească valabilă, sau pot face aranjamente satisfăcătoare pentru a plăti datoria; trebuie să satisfacă toate obligațiile restante penale și civile (de exemplu, amenzi, facturi la plata serviciilor, hotărâri de retrocedare), să furnizeze documentele corespunzătoare încredințare a copilului, și să furnizeze documente adecvate în materie de imigratie (dacă este necesar). În plus, ca o condiție de autorizare a martorului în Program, Departamentul Justiție a SUA, poate cere poliției locale să prezinte informații referitor la martor, viața acestuia în comunitate, ancheta socială și istoricul consumului de alcool sau droguri (dacă au fost) precum și alte elemente ce prezintă relevanță pentru cauză sau martor.

Pentru a se exclude situația refuzului de a mai face mărturie, precum și pentru a urgența procesul de includere în Programul de protecție, martorul va depune mărturie în fața Marelui Juriu în care se va angaja să depună mărturie în proces, fapt despre care se va consemna „angajamentul martorului” de a depune mărturie în cauza dată. [12]

Protecția și relocarea a martorilor și a membrilor de familie sunt scumpe și complicate. În plus, Serviciul de protecție a martorilor este obligat să asigure siguranța și bunăstarea unui martor protejat și membrilor familiei acestuia, după lungi perioade de la momentul depunerii mărturiei. Prin urmare, este important, ca cererea de intrare a unui martor în Programul de protecție să se facă numai după ce procurorul care instrumentează cauza a stabilit că mărturia martorului este credibilă și sigură, semnificativă și esențială pentru succesorul urmăririi penale.

De asemenea, sunt eligibili pentru plasarea în Programul de protecție a martorilor informatorii și deținuții-martori. Informatorii pot fi plasați în Program dacă ei înlunesc condițiile enumerate mai sus cu privire la martorii importanți și esențiali. În cazul deținuților-martori, se impune respectarea condițiilor generale, dar și o examinare psihologică și evaluările de risc pentru toți membrii adulții ai familiei acestuia, cu demonstrația că nu există nicio alternativă la plasarea familiei în Program, la acel moment.

De îndată ce începe prizonier cooperator, dacă deținutul se află în arest, procurorul sau agenția de investigație va fi responsabilă pentru notificarea oficialilor de la instituția în care martorul este încarcerat despre necesitățile de securitate sporită, și pentru a se asigura măsurile de precauție adecvate de securitate, chiar înainte de posibila acceptare în Program. Aceste informații ar trebui să includă numele persoanelor și grupurilor din care deținutul trebuie să fie separate și nivelul de pericol pentru martor. Orice cerințe speciale, cum ar fi transportarea, ar trebui de asemenea comunicate. Dacă prizonierul este în custodia federală sau a statului, procurorul sau agenția de investigație este responsabilă de luarea măsurilor adecvate de securitate deținutului, prin contactarea oficială de cel mai înalt nivel de la instituția în care deținutul este încarcerat, și furnizarea de informații descrise mai sus.

Cadrul normativ actual al SUA, stabilește clar și neechivoc procedura pentru fiecare categorie de martori. Sunt elaborate criterii și cerințe față de interviul preliminar, testarea psihologică și evaluarea martorului, promisiunea martorului de a depune mărturie, față de emiterea autorizației de plasare sub protecție și.a.

În Marea Britanie are loc convergența dreptului englez cu dreptul continental, grație importanței crescute a normelor comunitare. Sunt modificate și modernizate componentele de sistem, făcute cu scopul optimizării justiției ca serviciu public (DCA – the Department for Constitutional Affairs, a fost reorganizat

în martie 2007 ca minister al justiției – the Ministry of Justice; au fost înființate the Legal Services Commission, the Law Commission etc. Acestora li se adaugă structuri nou-create în urma promulgării celei mai importante legi de reformă constituțională din Marea Britanie din ultimele decenii, the Constitutional Reform Act 2005, structuri care funcționează sub autoritatea puterii judecătoarești, cum ar fi the Judicial Office for England and Wales).

De asemenea are loc sporirea prerogativelor judecătorilor prin introducerea instituției managementului de caz, evoluția instituției procurorului în procesul penal organizată în prezent ca the Crown Prosecution Service (CPS).

Organul de poliție este primul care poate afla dacă un martor se teme să depună mărturie, și are obligația de a informa procurorul. De regulă, poliția și procurorul trebuie să poarte o discuție despre tipul de protecție oferit martorului, înainte de începerea procesului. Când a fost informat că unui martor îi este echipa de a da declarații, procurorii trebuie să ia în considerare gradul de pericol la adresa vieții și integrității martorului și gama de opțiuni disponibile pentru protecția acestora și a membrilor familiilor lor. Datorită specificului național, în Marea Britanie, protecția martorului nu a primit aceeași atenție din partea Legislatorului ca în SUA.

Pentru moment, protecția martorilor este o instituție preluată de multe state ce au sisteme de drept anglo-saxone și chiar romano-germanice.

Exemplificăm prin Republica Moldova, a cărei legislație procesuală penală a suferit îmbunătățiri sub aspectul protecției martorilor comiterii anumitor genuri de infracțiuni fiind adoptate un sir de acte normative:

– Legea nr. 1458 din 28.01.1998 „privind protecția de stat a părții vătămate, a martorilor și altor persoane care acordă ajutor în procesul penal”; [1]

– Legea nr. 387 din 08.12.2006 prin care sunt operate modificări ale cadrului normativ existent; [2]

– Hotărârea Guvernului nr.964 din 19.07.2002 „privind crearea unor subdiviziuni speciale de protecție de stat a părții vătămate, a martorilor și altor persoane care acordă ajutor în procesul penal” [3] §.a.

Bibliografie:

1. Legea nr. 1458 din 28.01.1998 „privind protecția de stat a părții vătămate, a martorilor și altor persoane care acordă ajutor în procesul penal”, publicată în Monitorul Oficial Nr. 26-27 din 26.03.1998.
2. Legea nr.387 din 08.12.2006, publicată în Monitorul Oficial Nr. 203-206 din 31.12.2006.
3. Hotărârea Guvernului nr.964 din 19.07.2002 „privind crearea unor subdiviziuni speciale de protecție de stat a părții vătămate, a martorilor și altor persoane care acordă ajutor în procesul penal”, publicată în Monitorul Oficial Nr. 106 din 25.07.2002.
4. Jean-Luis Bergeli, *Theorie generale du droit*, deuxième édition, (traducere în rusă sub redacția V.I. Danilenco), Ed. Dalloz, Paris 1999.
5. Mihai Bădescu, *Concepțe fundamentale în teoria și filosofia dreptului. Familii și tipuri de drept*, Ed. Lumina Lex, București 2002.
6. W. Geldert, *Elements of English Law*, Oxford University Press, London, New York, Toronto, 1966.
7. Victor Pușcaș, Dumitru Țurcanu, *Față în față cu justiția americană*, Chișinău 2002.
8. „Actul de control asupra crimei organizate” din 1970, elaborat de Departamentul Justiție a SUA, pe site-ul electronic: <http://www.justice.gov/>, la data de 12.03.2013.
9. Legea SUA „privind complexul de control al criminalității” din 1984 (nr. Pub.L. 98-473), anexa cu Actul de reformă din 1984, partea F din capitolul XII, pe site-ul electronic: <http://www.justice.gov/>, la data de 14.03.2013.
10. P. Arminjon, *Initiation au droite anglois*, 1964.
11. Date statistice vizualizate pe site-ul electronic <http://www.usmarshals.gov/witsec/index.html>, la data de 11.03.2013.
12. „Ghidul de protecție a martorului. Baza legală, proceduri, termene și condiții”, vizualizat pe adresa electronică: <http://www.usmarshals.gov/witsec/index.html>, la date de 14.03.2013.

Екатерина Васильевна ШАБАТЬКО,

соискатель кафедры административного права и процесса ХНУВД, г. Харьков, Украина

ПУТИ ОПТИМИЗАЦИИ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ НА МЕСТНОМ УРОВНЕ В УКРАИНЕ

Резюме

Исследован вопрос реформирования системы местного управления в контексте административно-территориальной реформы. Определены основные направления согласования государственных и местных интересов. Обоснованы пути оптимизации системы управления на местном уровне в Украине.

Ключевые слова: оптимизация, система местного управления, административно-территориальная реформа, направления, согласование, интересы.

Summary

The issue of reforming the system of local government in the context of the administrative-territorial reform is studied. The basic directions of reconciliation of state and local interests are determined. The ways of optimization of the system of government at local level in Ukraine are substantiated.

Key words: optimization, system of local government, administrative- territorial reform, directions, reconciliation, interests.

Постановка проблемы. Процесс реформирования системы местного управления в Украине, которое включает как местное самоуправление, так и государственное управление, неразрывно связан с осуществлением административно-территориальной реформы и требует сегодня тщательного анализа. Необходимо решать вопросы, связанные с наиболее эффективным распределением полномочий между органами государственного управления и органами местного самоуправления, а также те, которые касаются создания действенной и стабильной системы функционирования территориальных громад и их органов, обеспечения прозрачности этой деятельности, создания условий для непосредственного участия жителей в решении вопросов местного значения, обеспечения организационной и финансовой самостоятельности территориальных громад, предоставления большинства административных услуг на уровне конкретных административно-территориальных единиц, формирования действенных местных бюджетов и т. п.

Проблема усовершенствования мест-

ного управления, в частности согласования интересов органов исполнительной власти и местного самоуправления, является достаточно актуальной. Для её решения нужна модель, которая способствовала бы эффективности взаимодействия органов государственного управления и органов местного самоуправления, что является необходимым условием для реализации принципа сочетания государственных и местных интересов при осуществлении управления на местах.

Выбор наиболее эффективных путей оптимизации системы управления на местном уровне является прагматичным, учитывая особенности современного развития государственно-властных институтов, всю иерархию общественных отношений и политico-правовых основ децентрализации власти в контексте административно-территориальной реформы.

Удовлетворение общественных, коллективных и индивидуальных потребностей населения через создаваемые властью органы, учреждения, предприятия и организации – основное предназначение власти.

Анализ последних исследований и публикаций. Радикальное преобразование механизмов государства является важным фактором достижения эффективности всей системы социального управления. Без овладения инновационными технологиями невозможно успешное выполнение функции публичного управления. Точно также децентрализация власти является необходимым условием для достижения должного уровня жизни граждан.

В условиях существования большого количества подходов к изучению системы административно-территориального устройства страны особенное значение приобретает обобщение существующих теорий и концепций. Украинские исследователи сделали весомый вклад в теорию регионального развития, территориального деления, исследования закономерностей хозяйствования, принципов централизации и децентрализации в системе государственного управления, существенно продвинули знания о территориальном управлении, взаимодействии институтов публичной власти на местах.

Особый интерес среди работ такого плана представляют исследования отечественных учёных, таких как В. Бакуменко, А. Бандурка, А. Батанов, Ю. Бытяк, В. Борденюк, М. Добкин, В. Ильяшенко, Е. Коротич, А. Лялюк, П. Надолишний, Н. Нижник, В. Нудельман, А. Оболенський, М. Паламарчук, Д. Стченко, В. Тертичка и др.

Научные достижения вышеупомянутых исследователей имеют большое теоретическое и практическое значение. Однако новый этап административно-территориальной реформы в Украине требует переосмысления положений, касающихся направлений её осуществления. Также, отдавая должное значимости работ украинских учёных, необходимо отметить, что в них недостаточное внимание уделялось комплексному изучению путей оптимизации системы управления на местном

уровне.

Цель статьи. Целью статьи является исследование путей оптимизации системы управления на местном уровне в Украине. Достижению обозначенной цели способствует решение следующих задач: а) изучение вопроса реформирования местного управления в контексте административно-территориальной реформы; б) определение основных направлений согласования государственных и местных интересов; в) обоснование путей оптимизации системы управления на местном уровне в Украине.

Изложение основного материала. Исследуя вопрос реформирования системы местного управления в контексте административно-территориальной реформы, необходимо отметить такие важные составляющие этого процесса: законодательное обеспечение реформы, разработку целостной концепции взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления, проведение широкой разъяснительной работы, внедрение механизма партнёрских отношений между органами исполнительной власти и местного самоуправления, создание условий для поддержки формирования самодостаточных территориальных громад [3].

На настоящем этапе вопрос, касающийся внедрения административно-территориальной реформы, находится в центре внимания украинского общества. Потребность в её проведении обусловлена рядом причин:

- 1) Украина – урбанистическая страна, где существует 450 городов, в которых проживает более 75 % населения, однако местное самоуправление на уровне городов ограничено как финансово, так и административно (из-за искусственного деления на города районного, областного и республиканского значения);

- 2) в нашем государстве отсутствует целостная система местного самоуправления, которая эффективно функционирует.

Она фактически не действует на районном и областном уровнях управления;

3) местное самоуправление не имеет постоянных и достаточных финансовых источников для формирования бюджета развития;

4) создание комплексной эффективной системы местного самоуправления является необходимым условием для внедрения в Украине европейской модели развития;

5) без административно-территориальной реформы крайне тяжело обеспечить современный уровень развития производственной и непроизводственной инфраструктуры в городах, посёлках и сёлах. Преодолеть системный кризис жилищно-коммунального хозяйства [9].

Нельзя отрицать тот факт, что институт местного самоуправления в современных условиях требует неотложного реформирования, поскольку при действующей нормативной базе он не способен полностью обеспечивать интересы территориальной громады. Местное самоуправление способствует оптимизации государственного управления и децентрализации власти, активизации населения и его привлечению к участию в политико-правовых процессах, в частности в решении вопросов местного значения.

Рациональный выбор путей оптимизации системы государственного управления, прежде всего путём децентрализации властных полномочий, обеспечит проведение структурных изменений в системе государственного управления, поиск эффективных механизмов межуровневого взаимодействия, а также путей сбалансирования принципов централизации и децентрализации во властно-управленческой иерархии. Речь идет о том, чтобы придерживаться закономерностей, которые определяют государственно-управленческие процессы централизации и децентрализации власти в её горизонтальном и вертикальном измерениях и минимизируют гло-

бализационные риски.

Усиление влияния и значения местного самоуправления достигается ограничением монополии государства на осуществление власти и децентрализацией значительной части властных, государственных полномочий, определением их объёма и механизма передачи. Необходимо также отметить, что децентрализация не исключает процесс централизации как способа организации вертикали органов исполнительной власти.

Благодаря децентрализации государственного управления органы местного самоуправления становятся независимыми в своих действиях. Она охватывает значительную сферу государственного управления и, с одной стороны, осуществляется одновременно с деконцентрацией и параллельно с ней, а с другой, – является логическим её продолжением. Деконцентрацию можно считать первым шагом на пути к децентрализации управления. Дополняя друг друга, они обеспечивают наиболее демократичное управление в государстве в целом и на местах в частности [1].

Централизация в государственном управлении фактически подчёркивает замкнутость системы управления. Её результатом является увеличение количества уровней в управленческой иерархии, сосредоточение прав принятия решений на верхних уровнях управления. Децентрализация, наоборот, подчёркивает открытость системы управления для решений местной власти. Многие локальные решения могут приниматься на средних и нижних уровнях организационной иерархии без ущерба интересов достижения целей системы, которая функционирует как единое целое [2].

В процессе государственного строительства осуществляется улучшение элементов системы государственного управления. Реальное его осуществление представляет собой переплетение централизации и децентрализации. Механизм

взаимодействия централизации и децентрализации выступает исходной предпосылкой эффективной и конструктивной системы управления. Эффективность названных процессов непосредственно связана с действенностью публичной власти, оптимальностью распределения полномочий и материально-финансовых возможностей.

В сегодняшних условиях процессы реформирования приобретают значение самой важной тенденции развития всей системы украинской государственности. Именно государство призвано обеспечивать не только создание инструментальной системы государственного управления, но и поддержку эффективного функционирования системы волеизъявления и самоорганизации населения на основе защиты прав и свобод человека и гражданина.

Таким образом, основным путём оптимизации власти в Украине является повышение эффективности местной публичной власти, и прежде всего – местного самоуправления.

Законы Украины “Про местные государственные администрации” и “Про местное самоуправление” определили сферы компетенции местных органов исполнительной власти и органов местного самоуправления. Однако остаются без ответа процедурные вопросы, большинство из которых может обострить конфликт между местными государственными администрациями и органами местного самоуправления на всех уровнях. Отсутствует чёткий механизм распределения услуг, при этом оба властных центра являются ответственными перед жителями, и это заставляет их искать определённые формы и методы сотрудничества [4]. Вопросы, связанные с разграничением функций и полномочий, а также с направлениями взаимодействия местных государственных администраций и органов местного самоуправления, возникают, потому что эти органы часто конфликтуют между собой из-за разного

понимания границы выполнения своих функций и полномочий [10].

Взаимодействие органов исполнительной власти с органами местного самоуправления – определённая и регламентированная законодательством деятельность самостоятельных органов публичной власти, которая направлена на взаимную поддержку, кооперацию усилий по согласованному и эффективному управлению. Действующая законодательная база обуславливает наличие широкой смежной компетенции, которая пересекается. В результате конституционного принципа на разграничение компетенции местных государственных администраций и органов местного самоуправления приобретает проблематичный характер. Такое дублирование порождает вмешательство одних органов в деятельность других, что ведёт к противостоянию двух подсистем публичной власти на местах и негативно отражается на степени эффективности управления территориями [6].

Взаимодействие органов исполнительной власти с органами местного самоуправления реализуется в различных формах, но каждая из них обусловлена характером и содержанием задач, которые отличаются особенностями объекта управления, стадией управленческого процесса и т. п. Под формой взаимодействия органов исполнительной власти и органов местного самоуправления мы понимаем внешне выраженное властное действие, которое совершается в пределах компетенции этих органов и направлено на реализацию их задач и функций.

Формы взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления представляют собой формы реализации их полномочий, они должны обеспечивать права и свободы человека и гражданина, быть демократичными, научно обусловленными, применяться компетентно, иметь правовую определённость, постоянно совершенствоваться и т. п. [11].

Л. Наливайко полагает, что форма взаимоотношений между вышеуказанными органами, которая существует сегодня, является исключением из общего правила, поскольку делегирование полномочий, если такое право предоставляется какому-то органу, является его правом, а не обязанностью [8].

А. Крусян рассматривает следующие организационно-правовые формы координационного взаимодействия: создание общих органов на паритетных началах для реализации совместных программ, совершение конкретных действий в определённых сферах жизнедеятельности территории; проведение координационных совещаний при участии руководителей и должностных лиц местных органов исполнительной власти и органов местного самоуправления; планирование совместных действий с распределением обязанностей между участниками; проведение научно-практических семинаров, конференций по вопросам совершенствования координационного взаимодействия; принятие совместных распоряжений председателем соответствующей местной государственной администрации и председателем районного (областного) совета; составление аналитических обзоров результатов совместной деятельности и др. Практика координационной работы должна обогащаться путём разработки новых форм, направленных на повышение эффективности совместной деятельности местных органов исполнительной власти и органов местного самоуправления [4].

В обществе должны быть чётко определены возможности самоуправления и оптимальное его соотношение с государственным на местном уровне с целью развития демократии, обеспечения суверенитета народа. Органам местного самоуправления необходимо предоставлять больше полномочий, но при этом следует обеспечить жёсткий контроль за соблюдением законности, учётом государственных

и местных интересов.

Административно-территориальная реформа в Украине создаст условия для динамического развития промышленных и сельских территорий области, ликвидирует социальные и экономические диспропорции в их развитии; разумное изменение границ территориальных единиц, которое опирается на реальные потребности граждан приведёт к улучшению качества социальных, административных, транспортных услуг; увеличение полномочий органов местного самоуправления одновременно с ресурсами для их реализации, увеличит ответственность местных избранников перед избирателями.

Осуществление административно-территориальной реформы в Украине должно основываться на следующих принципах:

- унитарности как приоритетного государственного интереса;
- предоставления органам местного управления широких полномочий для реализации целей по развитию громад;
- субсидирования или приоритетной помощи громадам для решения проблем в социальной сфере;
- научного сопровождения подготовки к государственно-управленческим реформам в контексте модернизационной стратегии государства [5].

Нынешний этап административной реформы предусматривает чёткое определение системы органов исполнительной власти на всех уровнях, органов местного самоуправления, их компетенции, структуры, статуса должностных лиц, их ответственности, ориентацию на обеспечение прав граждан. Для достижения цели административной реформы в ходе её проведения необходимо решить первоочерёдную задачу, связанную с формированием современной системы местного управления.

Первым шагом административно-правовой реформы должна быть территориальная реформа, в рамках проведения

которой необходимо дать определение территориального устройства, определить статус и иерархию административно-территориальных единиц, порядок их создания, реорганизации и ликвидации [7].

Главной задачей во время оптимизации административно-территориального устройства нашего государства должно быть установление таких административно-территориальных единиц, которые могли бы не только быть эффективными проводниками государственной политики, но и иметь реальную возможность выполнять свои функции. Для этого необходимо, чтобы в понятие административно-территориальной единицы включались следующие элементы:

- исчерпывающий перечень полномочий и ответственности за их исполнение того органа, который сформирован в пределах этой единицы;

- ресурсная возможность неразрывной территории совершать определённые законом полномочия;

- установление чётких границ административно-территориальных единиц и т. п.

Сегодня перед государством стоит задача проведения изменений в системе организации публичной власти путём её реформирования. Реформа системы управления на местном уровне должна рассматриваться как составная административно-правовой и территориальной реформ.

Осуществление административно-территориальной реформы должно привести к максимальной децентрализации публичных ресурсов, улучшению жизни в громадах, созданию условий для их дальнейшего социально-экономического развития и т. п.

Выводы из данного исследования и перспективы дальнейших разысканий. Главной целью реформирования местного управления как неотъемлемой части административно-правовой и территориальной реформы является формирование

жизнесспособных территориальных громад и обеспечение высокого качества жизни каждого человека и гражданина.

Сбалансирование централизации и децентрализации является характерным явлением для сферы государственного управления, что обусловлено объективными и субъективными факторами. Соотношение централизации и децентрализации должно быть оптимальным. Решить проблему их соотношения призвана административно-территориальная реформа в Украине.

Законодательно закреплённая система организационно-правовых форм взаимодействия местных органов исполнительной власти и органов местного самоуправления является гибкой, широкой и разнообразной. Однако практика осуществления этих форм не отличается разнообразием или вообще отсутствует. Подобная ситуация связана с недостаточно полным нормативным регламентированием процессуально-процедурного порядка их применения. Для устранения этого недостатка следует усовершенствовать существующие формы и методы взаимодействия и законодательно закрепить некоторые дополнительные формы, способствующие усовершенствованию и улучшению взаимодействия местных органов управления, которое целесообразно осуществлять на системной, постоянно действующей основе.

Таким образом, для оптимизации системы управления на местном уровне в Украине необходимо:

- осуществить административную реформу путем разграничения функций и полномочий между местными органами исполнительной власти и органами местного самоуправления, а также между органами местного самоуправления разных уровней;

- осуществить реформу административно-территориального устройства путём усовершенствования системы административно-территориального устройства;

- определить границы административно-территориальных единиц;
- укрепить финансово-экономические основы местного самоуправления путём определения правового статуса коммунальной собственности, объектов совместной собственности территориальных громад;
- усовершенствовать бюджетное законодательство;
- привлекать потенциал территориальных громад и поддерживать новые формы самоорганизации населения и его инициативы, касающиеся участия в решении вопросов местного значения и т. п.

Обеспечение достойного места Украины в мировой системе координат предусматривает создание механизма непрерывного участия граждан в социальном управлении.

Перспективы дальнейших разысканий связаны с исследованием полномочий и задач органов исполнительной власти относительно согласования интересов с органами местного самоуправления.

Литература

1. Грицяк І.А., Проблеми теорії та практики державного управління та місцевого самоврядування / І. А. Грицяк // Матеріали щорічної науково-практичної конференції професорсько-викладацького складу та слухачів Української академії державного управління (31.05.1996). – К.: УАДУ, 1996. – С. 58.
2. Державне управління: підручн. / [А.Ф. Мельник, О.Ю. Оболенський, А.Ю. Васіна та ін.]; за ред. А.Ф. Мельник. – К.: Знання, 2010. – 582 с.
3. Долішній М.І., Регіональна політика на рубежі ХХ – ХХІ століть і нові пріоритети / М. І. Долішній. – К.: Наукова думка, 2006. – С. 110.
4. Кальниш Ю.Г., Компетенція обласних державних адміністрацій як повноважних органів системи виконавчої влади на місцях в Україні / Ю.Г. Кальниш, А.Л. Сухорукова // Наукові праці. Державне управління. Політологія. – Режим доступу : http://www.nbuvgov.ua/portal/Soc_Gum/Npcdu/State_management/2010_117/117-1.pdf
5. Кравченко С., Досвід організації адміністративної реформи в Україні / С. Кравченко // Вісник державної служби України. – 2008. - № 1. – С. 58 – 65.
6. Крусян А.Р., Взаимодействие местных органов исполнительной власти и местного самоуправления в Украине: учеб. пособ. / А.Р. Крусян. – Одесса: Юрид. лит-ра, 2001. 162 с.
7. Лациба М.В.. Як територіальна громада може впливати на вирішення питань місцевого значення / М.В. Лациба, В.В. Бондаренко. – К.: Український незалежний центр політичних досліджень, 2007. – 67 с.
8. Наливайко Л.Р., Децентралізація державної влади, раціоналізація влади органів місцевого самоврядування як складової адміністративної реформи / Л. Р. Наливайко // Актуальні проблеми державного управління. – Режим доступу: http://www.confcontact.com/Okt/11_Nliv.htm
9. Соскін О.І., Адміністративно-територіальна реформа в Україні: оптимальна модель / О.І. Соскін. – К.: Інститут трансформації суспільства, 2007. – 288 с.
10. Фуртатов В.С., Проблеми вдосконалення взаємодії органів виконавчої влади та місцевого самоврядування / В.С. Фуртатов // Наукові праці. Державне управління. Політологія. – Режим доступу: http://www.nbuvgov.ua/portal/Soc_Gum/Npcdu/State_management/2010_117/117-12.pdf
11. Фуртатов В.С., Проблеми вдосконалення взаємодії органів виконавчої влади та місцевого самоврядування / В. С. Фуртатов // Наукові праці. – Режим доступу: <http://bibl.kma.mk.ua/pdf/naukpraci/politics/2007/69-56-24.pdf>

Vitalie TELIPAN,

lector asistent al Catedrei Drept poliţienesc
a Academiei „Ştefan cel Mare” a MAI, master în drept

SOLUȚIONAREA MULTIDISCIPLINARĂ A CAZURILOR DE VIOLENȚĂ ÎN FAMILIE

Rezumat

Violența în familie reprezintă o problemă socială extrem de gravă, iar specialiștii o consideră o formă de tortură datorită caracteristicilor sale. Impactul social al violenței în familie este extins, deoarece aceasta afectează nu numai victimele, dar și persoanele care sunt martore sau au cunoștință de situații de violență în familie. Prin urmare, prevenirea și contracararea acestui fenomen, din cauza complexității lui, trebuie să fie realizată de către o echipă multidisciplinară formată din reprezentanții instituțiilor de specialitate. Doar o colaborare reciprocă în situații specifice poate conduce la soluționarea acestei probleme cu care se confruntă societatea.

Cuvinte-cheie: cod contravențional, violență în familie, reținere contravențională

Summary

Domestic violence is a very serious social problem and experts consider its a form of torture, because of its characteristics. The social impact of domestic violence is extended, because it affects not only the victims but also those who are witnesses or have knowledge of domestic violence situations. Therefore, preventing and combating this phenomenon, due to its complexity, must be performed by a multidisciplinary team composed by representatives of specialized institutions. Only mutual cooperation in specific situations may lead to the resolution of problem facing society.

Key words: Code of Administrative Offences, domestic violence, administrative detention

În statele noi, independente, care s-au format în spațiul postsovietic, se produc procese de criză, se înregistrează o instabilitate social-economică și politică, o creștere a infracțiunilor și a violenței. Cu toate că practica cunoaște cazuri de violență asupra bărbaților, totuși ea are o orientare precumpărătoră asupra femeii (în 95 % din cazuri victime sunt femei) și aceasta are un caracter mai pronunțat în special în familie. Violența nu este o consecință a vremurilor noi, a traiului precar ori a alcoolismului și narcomaniei. Factorii enumerați doar intensifică atitudinea violentă a agresorilor în condițiile de familie și nu constituie cauza acesteia.

În ultimele decenii, violența domestică a devenit o problemă socială importantă și aceasta nu din cauză că este o problemă nouă, ci pentru că militantii mișcării feminine au adus-o în atenția opiniei publice. Proiectul de Intervenție în cazul Abuzurilor Domestice (DAIP – Domestic Abuse Intervention Project), fără îndoială, a constituit forța conducătoare în aceste mișcări.

În societatea noastră până nu demult nu se admitea să se vorbească deschis despre violență în familie, în realitate însă acest tip de violență există în țara noastră de mult și e destul de răspândit printre oamenii de diferite etnii, cu statut social și finanțier diferit, în familie de oameni credincioși și necredincioși. Mai mult ca atât, nu putem pune această violență pe seama instabilității economice, întrucât violența în familie există atât în statele cu o economie înapoiată, cât și în cele cu economie avansată.

Prin urmare, Parlamentul Republicii Moldova, circumscriindu-se cadrului legislativ generos inspirat și impus de tratate, acorduri și convenții internaționale pe această problematică, adoptă Legea nr. 45 din 01.03.2007 „Cu privire la prevenirea și combaterea violenței în familie”, publicată la 18.03.2008 în Monitorul Oficial nr. 55-56, în vigoare de la 18.09.2008, conform căreia în art. 2 este definită noțiunea de „violență în familie” ca fiind: „orice acțiune sau inacțiune intenționată, cu excepția acțiunilor de autoapărare sau de apă-

rare a unor alte persoane, manifestată fizic sau verbal, prin abuz fizic, sexual, psihologic, spiritual sau economic ori prin cauzare de prejudiciu material sau moral, comisă de un membru de familie contra unor alți membri de familie, inclusiv contra copiilor, precum și contra proprietății comune sau personale”.

Totodată, în conformitate cu art. 3 al Legii nr. 45, subiecți ai violenței în familie sunt: agresorul și victima cetățeni ai Republicii Moldova, cetățeni străini și apatrizii care locuiesc pe teritoriul ei. Persoanele care pot fi subiecți ai violenței în familie:

a. în condiția conlocuirii: persoanele aflate în relații de căsătorie, de divorț, de concubinaj, de tutelă și curatelă, rudele lor pe linie dreaptă sau colaterală, soții ruedelor, alte persoane întreținute de acestea;

b. în condiția locuirii separate: persoanele aflate în relații de căsătorie, copiii lor, inclusiv cei adoptivi, cei născuți în afara căsătoriei, cei aflați sub tutelă sau curatelă, alte persoane aflate la întreținerea acestora.

Prezența în societatea noastră a unui asemenea fenomen negativ necesită o abordare specifică, în care să fie implicată nu numai poliția, ci și instituțiile speciale din domeniu, posesoare de cunoștințe speciale, atât juridice, cât și psihologice, care percep fenomenul nu asemeni unui organ de forță aplicator de constrângere, ci ca specialist al medierilor ce aplică principiile convingerii. Doar o colaborare reciprocă în situații specifice poate conduce la soluționarea acestei probleme cu care se confruntă societatea.

În cazurile de violență în familie în funcție de serviciul la care se face semnalarea cazului de abuz se formează și echipa de intervenție. În general, echipa va fi alcătuită din polițist, asistent social, medic și psiholog.

Astfel, rolul poliției în cazurile de violență în familie constă în prevenirea și combaterea violenței în familie, precum și în asigurarea siguranței victimelor violenței în familie.

În conformitate cu art.12 din Legea Republicii Moldova cu privire la poliție nr.416-XII din 18.12.1990, prioritatea primordială a polițistului este:

a) să asigure protecția victimelor violenței în familie și să supravegheze executarea

ordonanței de protecție în conformitate cu legea;

b) să ia măsuri de investigare operativă și alte măsuri necesare, prevăzute de legislație, pentru stabilirea, prevenirea, curmarea infracțiunilor, pentru identificarea și punerea sub urmărire a persoanelor care le-au săvîrșit și a persoanelor ce se ascund de organele de urmărire penală și judecătoarești, se sustrag de la execuțarea pedepsei penale, precum și a persoanelor date dispărute sau a altor persoane, în cazurile prevăzute de legislație;

c) să identifice cauzele și condițiile ce conduc la săvîrșirea crimelor și a contravențiilor administrative, să ia măsuri în limitele drepturilor ei pentru înlăturarea lor; să înfăptuiască o muncă de profilaxie în mediul persoanelor criminogene; să participe la educarea juridică a populației.

Dacă s-a constatat un risc înalt, polițistul va înlătura riscul prin reținerea agresorului pe un termen de până la 3 ore în baza art. 433 alin. (1), lit. a), art.435, alin.(1) Cod contravențional în cazul în care se constată contravenția flagrantă prevăzută la art.78 „Vătămarea intenționată ușoară a integrității corporale”, dat fiind faptul că una dintre sancțiunile prevăzute pentru această contravenție este arestul contravențional.

Reținerea contravențională se aplică și în cazul în care agresorul este suspectat de săvîrșirea contravenției prevăzute la art.78 Cod contravențional, acesta poate fi reținut până la examinarea cauzei contravenționale, dar nu mai decât pe un termen de 24 de ore în baza art. 435, alin.(2) Cod contravențional, faptul reținerii în acest caz se comunică neîntârziat procurorului.

În cazul în care există temeuri de a bănuia, că agresorul a săvîrșit o infracțiune pentru care legea prevede pedeapsa privațiunii de libertate pe un termen mai mare de un an, acesta poate fi reținut pe un termen de până la 72 de ore în baza art.165, alin.(2) și în baza art.166 Cod penal.

În funcție de circumstanțe, polițistul va putea opta între înlăturarea riscului și evitarea riscului, prin informarea victimei cu privire la posibilitatea plasării victimei cu acordul ei într-un centru/ refugiu pentru victimele vio-

lenţei în familie, ori prin evacuarea cu acordul acestuia într-un alt loc (la rude, prieteni) pentru a-i se garanta securitatea imediată.

Atunci când se constată un caz de violenţă în familie, poliştul informează de urgenţă mai întâi prin telefon asistentul social, apoi în caz de necesitate, instituţiile medicale.

Aceeaşi procedură de sesizare, mai întâi prin telefon şi apoi scrisă, necesită a fi urmată şi în cazul sesizării altor organe competente în rezolvarea cazurilor de violenţă în familie.

Dacă e să ne referim la rolul asistentului social, atunci acesta identifică şi întreprinde măsurile necesare pentru a preveni şi combate cazarile de violenţă în familie şi situaţiile de risc în care se poate afla la un moment dat persoana, adult sau copil.

În conformitate cu art.8, alin.(3) al Legii nr. 45, secţiile/ direcţiile de asistenţă socială şi de protecţie a familiei, prin intermediul specialistului responsabil de domeniul prevenirii şi combaterii violenţei în familie:

a) conlucrăză cu organele afacerilor interne în activitatea de identificare a persoanelor predispuse la comiterea actelor de violenţă în familie;

b) actualizează baza de date, la nivel teritorial, ce vizează fenomenul violenţei în familie;

c) plasează, după caz, victimă în centrul de reabilitare, oferindu-i asistenţă corespunzătoare;

d) desfăşoară activitate de consiliere psihologică şi psihosocială a victimelor, în vederea lichidării consecinţelor actelor de violenţă în familie, prin mijloace proprii sau redirecţionând cazul către specialişti din centrele de reabilitare;

e) înlesnesc, la solicitarea organelor de drept, accesul agresorului la programele de reabilitare;

f) apără drepturile şi interesele legitime ale victimelor, inclusiv ale victimelor minore;

g) realizează, în comun cu alte autorităţi abilitate şi în colaborare cu organizaţiile neguvernamentale din domeniu, programe informaţionale în vederea prevenirii violenţei în familie;

h) determină necesitatea creării de centre/ servicii de reabilitare a victimelor şi a agre-

sorilor, asigură acestor centre/ servicii sprijin metodologic şi informaţional;

i) monitorizează şi coordonează activităţile profesionale ale asistenţilor sociali din cadrul primăriilor de prevenire a violenţei în familie, de sprijinire/ consiliere a victimelor şi de resocializare a agresorilor;

j) prezintă Ministerului Muncii, Protecţiei Sociale şi Familiei rapoarte semestriale despre activităţile desfăşurate în teritoriu de secţii/ direcţii, asistenţi sociali conform parteneriatelor stabilite;

k) monitorizează victimele şi le acordă asistenţă după ce au părăsit centrele de reabilitare.

Cât priveşte rolul instituţiilor medicale, atunci, în conformitate cu art.8, alin.(5) al Legii nr.45, instituţiile medicale de toate tipurile şi nivelurile comunică poliţiei şi autorităţii tutelare, prin intermediul cadrelor medicale, cazarile de violenţă în familie, asigură consiliere şi asistenţă medicală victimelor, iniţiază şi realizează programe şi servicii adresate agresorilor, asigură realizarea programelor de dezalcoolizare, dezintoxicare, de tratament psihoterapeutic, după caz, cu suportul cheltuielilor din mijloacele abuzatorului sau, după caz, din fondurile asigurării obligatorii de asistenţă medicală.

Imediat după acordarea asistenţei medicale, lucrătorul medical este obligat să sesizeze imediat organele de drept şi autoritatea tutelară din cadrul unităţii administrativ-teritoriale despre cazarile identificate de abuz, violenţă sau neglijare faţă de copil în conformitate cu ordinul comun al Ministerului Sănătăţii şi Ministerului Afacerilor Interne nr. 372/388 din 03.11.2009 „Cu privire la măsurile de îmbunătăţire a conlucrării dintre organele ocrotirii sănătăţii şi afacerilor interne”.

Lucrătorul medical, împreună cu membrii echipei multidisciplinare, participă la soluţionarea cazului de violenţă în familie.

Lucrătorul medical este obligat să informeze victimă despre serviciile existente ale medicini legale, cu ulteriora obţinere a raportului medico-legal, necesar pentru pornirea urmăririi penale.

Un rol important în soluţionarea cazarilor de violenţă în familie îi revine psihologului, care oferă consiliere psihologică în sco-

pul optimizării, autocunoașterii și dezvoltării personale, precum și în scopul prevenției și remiterii problemelor emoționale, cognitive și de comportament. Este o relație umană, care implică empatie și respect față de persoana consiliată. Psihologul nu oferă sfaturi, dar stimulează victimă sau agresorul să găsească cele mai potrivite răspunsuri la problemele sale. Consilierea este centrată pe potențialul uman, pe resursele disponibile ale victimei sau agresorului. În consiliere trebuie respectat dreptul victimei sau agresorului la autodeterminare (capacitatea acestuia de a alege soluția optimă pentru rezolvarea problemelor sale). Psihologul îl ajută pe client să-și folosească și să-și dezvolte capacitatele necesare soluționării problemelor.

Psihologul se bazează pe abilități de comunicare și relaționare și reprezintă un rol important în prevenirea și promovarea sănătății psihice și morale, ajutând victimă sau agresorul să-și amelioreze bunăstarea personală. Acesta își propune să atingă următoarele scopuri:

- să încurajeze victimele/ agresorii să reflecteze problemele cu care se confruntă, să înțeleagă cauza, originea acestor probleme;
- odată conștientizată problema, se are în vedere trecerea la acțiunea de schimbare a comportamentului său în vederea depășirii, rezolvării situației problematice;
- orientarea sa către instituțiile competente, în cazul identificării unor probleme specifice, respectiv către instituții medicale de psihiatrie, cu secții de dezalcoolizare/dezintoxicare.

Trebuie menționat faptul că în funcție de circumstanțele cazurilor concrete de violență în familie, asistență și consiliere poate fi acordată, conform competenței, și de către alți specialiști din echipa multidisciplinară decât psihologul, cum ar fi: de polițist, asistent social, psihoterapeut, psihiatru, medic, jurist, mediator, consilier de probațiu și alții.

Prin urmare, fiecare membru al echipei are sarcini precis descrise, prin specificul profesiei și al serviciului din care provine, dar, în același timp, anumite intervenții vor fi mai puțin specifice și vor constitui sarcini comune pentru toți membrii echipei.

Funcționarea echipei presupune desemnarea unei persoane-cheie (persoană responsabilă, persoană-releu) pentru caz. De regulă, persoana-cheie este asistentul social care are în acest rol, următoarele sarcini:

- să asigure corecta colectare și înregistrare în documente a informațiilor rezultate din intervențiile tuturor membrilor echipei;
- să refere cazul la serviciile existente în comunitate;
- să fie persoana de legătură între membrii echipei;
- să fie persoana de contact pentru profesionistul care intervine într-un anumit moment, legat de problemele care pot apărea;
- să fie persoana de contact direct, permanent pentru caz;
- să convoace și să organizeze întâlniri-le pentru discuțiile de caz;
- să aibă în permanență o inventariere actualizată a nevoilor și resurselor existente la indivizi implicați, dar și în comunitate, pentru cazul dat;
- să monitorizeze cazul.

Managementul de caz este impuls de necesitatea optimizării activității, ceea ce nu se poate obține fără impunerea unor reguli sau principii de proiectare, administrare, conducere și control, fără o gestionare a tuturor activităților.

Managementul poate fi definit operațional prin activitățile ce se impun, obligatorii și maniera empirică, prin activitățile în fapt, prin ceea ce asistentul social reușește să facă.

Criteriile de performanță care se așteaptă de la asistentul social ce pot fi numite în cazul abuzului sunt:

- evaluarea inițială a cazului și stabilirea caracteristicilor cazului;
- evaluarea factorilor de risc prezenți și elaborarea unui plan pentru asigurarea siguranței victimei;
- evaluarea familiei din punctul de vedere al riscurilor repetării abuzului;
- identificarea necesităților psihice și fizice ale victimei;
- acordarea ajutorului de urgență pentru victimă și familie;
- identificarea nevoilor victimei și familiiei;

- identificarea modalităţilor de intervenţie şi serviciilor ce pot interveni pentru reducerea factorilor de risc ai abuzului;
- dezvoltarea, împreună cu familia, a planurilor de intervenţie pentru reducerea efectelor abuzului şi eliminarea sau diminuarea factorilor de risc;
- stabilirea de acorduri cu familia pentru reducerea factorilor de risc;
- evaluarea permanentă a situaţiei şi a evoluţiei intervenţiei;
- hotărârea momentului închiderii cazului.

Ne confruntăm, de obicei, cu familii care sunt cunoscute de mai multe servicii. Posibilităţile pe care fiecare profesie le are pentru observaţie variază datorită diferitelor roluri şi servicii. Acest proces necesită înțelegerea funcţiilor şi obiectivelor principale ale diferitor servicii, contextul legilor cu care operăm şi posibilităţile şi limitările pe care le oferă acestea.

Tratamentul familiilor abuzive solicită o cooperare intermediară vastă. A trata singur o familie în afara cadrului oferit de instituţii este un deziderat greu realizabil. Cooperarea cu diferiţi profesionişti în cadrul protecţiei sociale pentru victimă este foarte importantă.

Este nevoie de o gamă largă de abordări terapeutice la care pot contribui multe grupuri profesioniste. Aceste abordări cuprind sprijin moral şi ajutor din partea asistentului medical, ajutor acordat de consultantul sau supervisorul din casă, tratament în grup pentru copii şi părinţi, tratament individual sau familial, până la tratamente în instituţie, abordări în reţea, tratament medical şi plasamente în alte familii etc.

Cooperarea între servicii are o funcţie importantă în faza preocupării, a evaluării şi în faza tratamentului. Cooperarea va fi diferită în faze diferite ale tratamentului.

Nici un profesionist luat izolat nu-şi poate asuma responsabilitatea ghidării unui caz de maltratare a victimei, în care există riscul frâñării dezvoltării, al stopării sau al regresului şi chiar al morþii victimei.

Fiecare membru al echipei este în acelaşi timp reprezentantul unui serviciu, astfel încât funcþionarea echipei multidisciplinare implică o intervenþie la nivel interinstituþional.

Întâlnirile echipei se planifică prin planul de intervenþie care este un document al intervenþiei produs de echipă. Întâlnirile au rolul de completare reciprocă a informaþiei asupra intervenþiei şi în acelaþi timp de armonizare a acþiunilor şi de concentrare a lor. Aceste întâlniri, şi mai ales concluziile lor cu privire la procesul de intervenþie, sunt consemnate în procese-verbale care vor râmâne în dosarul cazului, la dispozitia membrilor echipei care doresc să îşi verifice informaþiile.

Este însă un risc major ca activitatea echipei, bine selecþionată şi pregătită, să devină abuzivă pentru victimă maltratată. Este un aspect care adesea se pierde din vedere tocmai datorită pledoariei care se face în favoarea intervenþiei în echipă multidisciplinară. Solicitarea victimei, de către fiecare membru al echipei, la repetarea relatării experienþei traumatizante reprezintă o reiterare a abuzului şi astfel sentimentele acesteia sunt reactualizate. Reacþiile victimei pot fi variate. Înþelegerea lor corectă depinde de buna pregătire a intervenþientului. Victimă retrăieþte evenimentul care i-a atenuat, blocat sau produs un regres în dezvoltare. Aþadar, echipa trebuie să îşi organizeze în aşa fel planul de intervenþie încât relatarea victimei să se facă faþă de o singură persoană membră a echipei.

De aceea planul de intervenþie şi activitatea de caz elaborate de echipă interdisciplinară trebuie să aibă în vedere câteva principii:

Etica relaþiei în echipă – gestionarea informaþiilor este mai grea atunci când ele sunt împărtăþite unui grup – lipsa discreþiei este o traumă pentru victimă abuzată, iar discernământul actorului social în stabilirea circumstanþelor în care el va transmite şi discuta date despre cazul respectiv reprezintă măsura profesionalismului şi competenþei sale face trimiterie la valori morale ca dreptul la intimitate şi respect al persoanelor implicate.

Confidenþialitatea este o cerinþă expresă pentru echipă în cadrul căreia se discută cazul. Încă de la începutul intervenþiei familia şi victimă vor fi pregătite asupra demersului de discutare a cazului în echipă, explicându-li-se scopul şi avantajele acestei proceduri. Ei au nevoie să aibă încredere în membrii echipei, să se simtă liberi de a le încredinþa informaþii şi preocupări

și să se simtă confortabil discutând anumite subiecte. Explicarea diferitor forme de confidențialitate (exemple: doctor sau pacient, preot sau enoriaș) victimei și membrilor familiei contribuie la înțelegerea scopului intervenției.

Decizia în echipă cere ca rivalitățile și orgoliile să fie depășite, iar în activitatea lor, profesioniștii au mare nevoie să fie înțeleși, motivați și susținuți pentru a putea duce povara grea și plină de încercări emoționale reprezentată de situația de abuz asupra victimei.

Principiile de lucru ale echipei de intervenție, alcătuită din profesioniști cu autoritate, sunt deschiderea, acceptarea și toleranța, iar respectarea acestor principii de lucru între membrii echipei și între aceștia și beneficiari va condiționa eficiența intervenției.

În concluzie, putem spune, că pentru ca activitatea unei echipe multidisciplinară să fie durabilă, ar fi necesare o serie de recomandări:

- cunoașterea mandatului și viziunilor fiecărui membru al echipei multidisciplinare;
- schimbul de informație și opinii;
- coordonarea rolului fiecăruiu în cadrul muncii de colectare a diferitor tipuri de informație;
- coordonarea intervențiilor înainte de a înfăptui o acțiune;
- schimb de opinii și informații colectate;
- asigurarea transparenței informaționale;
- coordonarea intervențiilor necesare postacțiune;
- stabilirea modalității de comunicare între membrii echipei multidisciplinare.

Astfel, implicarea rețelei de profesioniști în vederea soluționării acestui fenomen prezintă o importanță deosebită, în lipsa acestei acțiuni comune nu va putea fi asigurată eficiența soluționării cazurilor de violență în familie. În acest sens, realitatea demonstrează că cele mai bune rezultate în soluționarea cazurilor de violență în familie sunt înregistrate în cazul acțiunilor comune bine planificate, care sunt declanșate și desfășurate numai în strânsă cooperare de către autoritățile abilitate cu funcții de prevenire și combatere a acestui fenomen.

Bibliografie

1. Constituția Republicii Moldova din 29.07.1994.
2. Codul contravențional nr. 218 din 24.10.2008, MO nr. 3-6 din 16.01.2009, în vigoare din 31.05.2009.
3. Codul penal nr. 985-XV din 18 aprilie 2002, republicat în MO nr. 72-74 din 14.04.2009.
4. Codul de procedură penală nr. 122 din 14.03.2003, MO nr. 104-110 din 14.03.2003, în vigoare din 12.06.2003.
5. Legea Republicii Moldova nr. 416 cu privire la poliție din 18.12.1990.
6. Legea Republicii Moldova nr. 547 asistenței sociale din 25.12.2003, Monitorul Oficial Nr. 42-44 din 12.03.2004.
7. Legea Republicii Moldova nr. 264 din 27.10.2005 cu privire la exercitarea profesiunii de medic.
8. Legea Republicii Moldova nr. 45 din 01.03.2007 cu privire la prevenirea și combaterea violenței în familie, MO nr. 55-56 din 18 martie 2008.
9. Ordinul MAI nr.350 din 21 octombrie 2008 „Cu privire la aprobarea instrucțiunilor metodice privind prevenirea și combaterea violenței în familie”.
10. Ordinul comun al Ministerului Sănătății și Ministerului Afacerilor Interne nr. 372/388 din 03.11.2009 „Cu privire la măsurile de îmbunătățire a conlucrării dintre organele ocrotirii sănătății și afacerilor interne”.
11. Liz Kelly, VIP Ghid. Viziune, inventivitate și profesionalism în combaterea violenții împotriva femeilor și copiilor, editat pentru Consiliul European, Programul „Poliția și drepturile omului”.
12. *Ghid de bune practici pentru prevenirea abuzului asupra copilului*, Organizația Salvați Copiii/ Alternative Sociale, Iași, 2002.
13. M. Ancuța, A. Cănilă, M. Constantin, G. Moisii, M. Tătărășanu, C. Toma, *Expert projects. Stop violența în familie*.
14. S. Ionescu, *Copilul maltratat. Evaluare, prevenire, intervenție*, Ed. Fundației Internaționale pentru Copil și Familie, București, 2001.

Roman VOZIAN,

lector asistent al Catedrei Drept poliţienesc
a Academiei „Ştefan cel Mare” a MAI

PREVENIREA ŞI COMBATAREA TRAFICULUI DE FIINȚE UMANE ȘI PROTECȚIA VICTIMELOR ACESTUIA

Rezumat

Cât de straniu n-ar părea dar sclavia și robia încă persistă în secolul nostru. Milioane de oameni din întreaga lume suferă astăzi în condiții de sclavie, fiind forțați să muncească sau fiind exploatați sexual, și neavând posibilitatea de a evada. Traficul de ființe umane este una dintre cele mai mari provocări ale drepturilor omului din timpurile noastre, și este “partea cea mai joasă a globalizării”. Fenomenul de tranziție afectează nu numai nivelul de trai. El produce și alte efecte adverse care sunt observate treptat. Republica Moldova, trebuie să recunoască faptul că perioada post-totalitară este însoțită de un dezastru absolut în toate sferele vieții. În aceste condiții nenaturale, unul dintre grupările sociale cele mai defavorizate sunt femeile, deoarece ele sunt principala țintă ai catastrofei sociale.

Cuvinte-cheie: trafic de ființe umane, prelevare de organe, protecția femeilor împotriva violenței, exploatare sexuală a femeilor și copiilor, crima organizată, migrația ilegală

Summary

On how conceivable it seems, slavery and bondage still persist in our century. Million people worldwide suffer situated in conditions of slavery, being forced to work or sexual exploitation, having no opportunity to escape. Human trafficking is one of the greatest human rights challenges of our time, and is “bottom of globalization”. Transition phenomenon affects not only the living standards. It produces and other adverse effects that are seen gradually. As the Republic of Moldova, requires recognition that the post-totalitarian is accompanied by an absolute disaster in all spheres of life. Under these unnatural conditions, one of the most disadvantaged social groups are women, because they are the main target of social catastrophe.

Key words: trafficking in human beings, sampling organs, protection of women against violence, sexual exploitation of women and children, organized crime, illegal migration

Traficul de ființe umane continuă să rămână pentru Republica Moldova o problemă complexă, a cărei soluționare nu trebuie amânată. Datele disponibile demonstrează că cetățenii Republicii Moldova au fost supuși exploatației în 32 de țări ale lumii. Gravitatea situației indică faptul că, actualmente, Republica Moldova rămâne o țară de origine a traficului de ființe umane. Sunt înregistrate cazuri de trafic în scopul prelevării de organe și ţesuturi. În majoritatea cazurilor, victime ale traficului devin persoane vulnerabile, iar victime ale traficului în scopul exploatației prin cerșit devin minorii și mamele cu copii. Majoritatea victimelor traficului de ființe umane este reprezentată de populația pauperizată de la sate, cel mai frecvent – de tinerii fără profesie și fără loc de muncă, inclusiv de persoanele victime ale violenței în familie. În Republica

Moldova se constată și fenomenul traficului intern: locuitorii din mediul rural sunt supuși traficului în orașele mari.

Lunga și variata istorie a documentelor internaționale cu privire la trafic reflectă dificultățile comunității internaționale de a ajunge la un consens și de a obține în mod eficient o înțelegere la scară largă. Istoria începe cu Acordul Internațional pentru suprimarea comerțului cu sclavi albi, ce datează din anul 1904 [5]. Acest document, concentrat mai degrabă asupra protecției victimelor decât asupra pedepsirii infractorilor, a fost totuși ineficient, parțial datorită lipsei de înțelegere a complexității abordării acestei probleme cu multe aspecte. Din acest motiv, în anul 1910 a fost adoptată Convenția Internațională pentru suprimarea traficului de sclavi albi, care obligă 13 țări participante să pedepsească răufăcăto-

rii [6]. Sub patronajul Ligii Națiunii s-a încheiat Convenția pentru suprimarea traficului de femei și copii din 1921 și Convenția Internațională pentru suprimarea traficului de femei care au atins majoratul din 1933 [7]. Aceste patru convenții privind traficul au fost consolidate în Convenția Națiunilor Unite pentru suprimarea traficului de persoane și a explorației prostituției altor persoane din 1949.

Reprimarea traficului de ființe umane reprezintă un mijloc de combatere și la nivel regional. Încă din anii 1980, Consiliul Europei s-a implicat activ în combaterea traficului de ființe umane, care și-a relevat tangențele cu o serie de probleme ce constituiau obiectul de preocupare al Consiliului Europei – protecția femeilor împotriva violenței, exploatarea sexuală a femeilor și copiilor, crima organizată și migrațiunea [8]. Consiliul Europei a venit cu mai multe inițiative în acest domeniu: a elaborat, de exemplu, instrumente juridice și strategii pertinente, a efectuat studii și acțiuni de monitorizare, a impulsionat cooperarea juridică și tehnică.

Astfel, Republica Moldova a ratificat mai multe acte internaționale cu referire la traficul de ființe umane:

- 1) Convenția ONU împotriva criminalității transnaționale organizeate;
- 2) Protocolul privind prevenirea, reprimarea și pedepsirea traficului de persoane, în special al femeilor și copiilor (2000);
- 3) Convenția Consiliului Europei privind lupta împotriva traficului de ființe umane (2005);
- 4) Protocolul facultativ la Convenția cu privire la drepturile copilului referitor la vânzarea de copii, prostituția copiilor și pornografia infantilă (2000). [1]

De asemenea,

1) a fost adoptată Legea privind preventirea și combaterea traficului de ființe umane, nr.241-XVI din 20 octombrie 2005; [9]

2) au fost armonizate la actele normative internaționale în domeniul Codul penal și Codul contravențional;

3) au fost elaborate și aprobată documente ce reglementează organizarea activităților în domeniul vizat: Regulamentul-cadru

de organizare și funcționare a centrelor de protecție și asistență a victimelor traficului de ființe umane (2006);

4) au fost încheiate acorduri bilaterale în domeniul combaterii traficului de ființe umane cu un sir de state (Turcia, Federația Rusă, România, Ucraina și.a.);

5) Guvernul, concomitent cu dezvoltarea cadrului legislativ, a creat structuri instituționale: Comitetul național pentru combaterea traficului de ființe umane (2001), Consiliul coordonator al organelor de drept de pe lângă Procurorul General (2007), comisiile teritoriale pentru combaterea traficului de ființe umane (2002);

6) cu suportul donatorilor, în cadrul Ministerului Afacerilor Interne a fost creat Centrul pentru combaterea traficului de persoane (2006). Totodată, în cadrul Ministerului Protecției Sociale, Familiei și Copilului a fost instituită unitatea de coordonare a Sistemului național de referire pentru protecția și asistență victimelor și potențialelor victime ale traficului de ființe umane (denumit în continuare SNR), finanțată de Organizația Internațională pentru Migrație, în baza Memorandumului de colaborare semnat de către părți în 2006.

Traficul de ființe umane a devenit un comerț puternic lucrativ, condus de rețele criminale organize. Aceste rețele sunt alcătuite din organizații de mai multe tipuri. Marile organizații se caracterizează printr-o structură internațională ierarhică și de contacte politice și economice la toate nivelurile atât în țările de origine, cât și în țările de destinație. Traficul se desfășoară, în general, în spatele unei acoperiri legale și dă dovadă de o cunoaștere aprofundată a legilor și practicilor administrative din diferite țări de destinație și de tranzit. Victimelor li se promit câștiguri importante în țările de destinație. Uneori, de la plecare se convine în scris sau verbal că ele vor lucra pe post de chelneri într-un bar, dansatoare, „animatoare” sau prostituate. În alte cazuri, sunt ademenite cu șansa obținerii unui post fără să se facă nici o aluzie la prostituție. Victimele au raportat că, înainte de a ajunge la destinație, au fost transportate în grupuri și au trecut pe la mai mulți intermediari (une-

ori prin mai multe ţări). Pe parcurs, ele au fost examineate medical pentru a se determina dacă s-au îmbolnăvit de SIDA sau de boli venerice. În timpul călătoriei ele nu ştiau unde se află sau unde erau duse. Astfel, în drum spre ţara de destinaţie, ele erau uneori sechestrare în ţara de tranzit şi obligate să se prostitueze. La sosirea la destinaţie paşapoartele le erau confiscate.

Organizaţiile de dimensiuni medii se disting de marile organizaţii prin faptul că nu vând victimele altor grupe, ci le păstrează sub controlul lor şi le plasează în propriile cluburi şi case de prostituţie. Aceste organizaţii supun victimele unei supravegheri stricte, le obligă să semneze recunoaşterea unor datorii (ele sunt deseori obligate să contracteze împrumuturi importante înaintea plecării din ţara de origine) şi solicită să primească un procentaj important din venitul obținut prin prostituţie pentru utilizarea camerelor şi a altor instalaţii. Mijloacele de presiune utilizate sunt deseori foarte puternice: victimele sunt bătute, violate, drogat, subalimentate şi sancţionate financiar dacă nu se supun exigenţelor organizaţiei.

Micile organizaţii se structurează în jurul solicitării cabaretelor şi a altor instituţii de acest tip şi furnizează femei/ bărbaţi. De asemenea, există un grup minoritar de persoane care au emigrat spre Europa fără să utilizeze nici o organizaţie. Aceste persoane au recurs la un larg evantai de mijloace legale şi pentru a trece graniţele, uneori cu ajutorul persoanelor care exploatează situaţia lor vulnerabilă [10].

Oricare ar fi maniera prin care victimele au intrat în ţara de destinaţie: prin intermediarul unei organizaţii de traficanţi sau nu, ele intră aproape mereu în acelaşi circuit al prostituţiei sau sunt obligate de a utiliza „serviciile” oferite de organizaţii.

Fenomenul traficului de fiinţe umane este generat de o serie de factori care favorizează nu doar apariţia acestui fenomen, ci şi menţinerea constantă a nivelului acestuia.

Astfel, o gamă întreagă de factori contribuie la dezvoltarea traficului de fiinţe umane, ale cărui cauze pot fi calificate, fără îndoială, ca fiind „structurale”. Trebuie menţionate în mod deosebit următoarele:

- inegalităţile de dezvoltare economică între ţări, care incită persoanele să îşi părăsească ţara de origine şi să îşi caute un serviciu mai bine plătit în străinătate;

- transformarea progresivă a fluxurilor migratoare: dacă în trecut femeile erau cele care veneau pentru a se alătura împreună cu copiii capului de familie care emigrase într-o ţară mai bogată, situaţia tinde să se modifice în zilele noastre.

Acum multe femei au devenit ele însăşi capi de familie şi încearcă să emigreze pentru a-şi găsi de lucru şi a le putea trimite bani copiilor şi familiilor rămase în ţara de origine; de o manieră mai generală, femeile nu mai ezită să îşi caute un loc de muncă în străinătate; [11]

- statutul femeii: statutul femeii faţă de cel al bărbatului – atât în ţara de origine, cât şi în cea de destinaţie – este un alt factor al traficului. În ţările de origine femeile nu au întotdeauna aceleaşi posibilităţi profesionale sau economice ca bărbaţii, ele sunt mai atinse de sărăcie, ceea ce le poate împinge la dorinţa de a emigra. În ţările de destinaţie atitudinea unei anumite părţi a populaţiei masculine joacă şi ea un rol: prejudiciile sexuale, uneori atinse de viziuni rasiste, creează existenţă efectivă a unei cereri, în anumite ţări, de femei din anumite ţări, deoarece se crede că acestea sunt „supuse”, „nesofisticate” sau „exotice”;

- situaţiile de criză şi/sau conflict: orice situaţie de acest tip creează o situaţie de non-legalitate (prăbuşirea sau absenţa structurilor juridice tradiţionale), care este deosebit de favorabilă dezvoltării tuturor tipurilor de trafic, inclusiv a traficului de fiinţe umane. Guvernele sunt invitate să îşi concentreze eforturile în lupta împotriva sărăciei şi în asistenţă de dezvoltare ținând cont de traficul de fiinţe umane şi de consecinţele acestuia. [13]

Pornind de la caracterul transnaţional al infracţiunii de trafic de persoane, cooperarea internaţională între state este o condiţie *sine qua non* în investigarea şi judecarea unor asemenea categorii de cauze. Dreptul internaţional conţine o totalitate de norme, sub acest aspect, menite a facilita cooperarea statelor.

Convenţia ONU împotriva criminali-

tăii transnaționale organize conține norme cu referire la extrădare, transferul persoanelor condamnate, anchete comune, tehnici și an-chete speciale, transferul procedurilor penale ș.a. Protocolul privind prevenirea, reprema-re și pedepsirea traficului de persoane din 15.11.2000, de asemenea, recomandă statelor să faciliteze cooperarea între diferite servicii în scopul schimbului de informații, să aplice anumite măsuri de frontieră.

Convenția Consiliului Europei privind lupta împotriva traficului de ființe umane cheamă părțile să coopereze între ele, în conformitate cu prevederile Convenției respecti-ve și prin aplicarea instrumentelor regionale și internaționale relevante, aranjamentelor agreeate în baza legilor interne uniforme sau reciproce și a dreptului lor intern, în cea mai largă măsură posibilă, în scopul:

- prevenirii și combaterii traficului de ființe umane;
- protejării și acordării de asistență vic-timelor;
- investigării sau desfășurării procedu-riilor privind infracțiunile stabilite în confor-mitate cu Convenția respectivă.

La nivel european au fost adoptate mai multe acte în materie de cooperare internațională, cum sunt: Convenția europeană de extrădare din 1957, cu două protocoale adiționa-le – din 1975 și 1978; Convenția europeană de asistență juridică în materie penală din 1959, cu două protocoale adiționale – din 1978 și 2001; Convenția europeană asupra transferă-rii persoanelor condamnate, din 1983.

Republica Moldova a încheiat tratate de asistență juridică în materie penală cu mai multe țări. Codul de procedură penală conține un capitol separat privind asistența juridică internațională în materie penală. De asemenea, domeniul dat este reglementat de Legea cu privire la asistența juridică internațională în materie penală din 01.12.2006. Elemente ale cooperării internaționale în conformitate cu standardele internaționale și legislația internă în materie de trafic de ființe umane pot fi considerate: investigațiile comune, extrădarea, transferurile de proceduri penale, transferurile persoanelor condamnate și recunoașterea

hotărârilor penale ale instanțelor judecăto-rești străine. Clasificarea respectivă este una condițională, intemeiată pe legislația internă. Crearea locurilor de muncă în țară este cel mai important lucru pentru prevenirea traficului de ființe umane. Discriminarea generează, de regulă, vulnerabilitate și marginalizare, inclusiv asupra indivizilor care ar avea sufici-ente șanse pentru a desfășura un stil normal de viață. Spre exemplu, atunci când femeile se prezintă la un interviu pentru obținerea unui loc de muncă, ele sunt discriminate de anga-jatori în favoarea bărbaților, chiar dacă argumen-tele acestora sunt superficiale. Solicitan-tele sunt dezavantajate de o serie de indicatori stereotipici, cum ar fi preocuparea mai slabă a femeilor pentru carieră, probabilitatea ca ele să-și întrerupă activitatea pentru concedii de maternitate, dublarea sarcinilor acționale ale acestora prin însumarea responsabilităților de la serviciu cu cele de la domiciliu, riscurile apariției oboselii rapide și ale scăderii randa-mentului în muncă etc.

Astfel, prevenirea traficului de ființe umane este o problemă cu care se confruntă societatea la momentul actual iar caracterul complex al cauzelor și condițiilor determi-nante impun aplicarea unor măsuri la scară largă în vederea lichidării acestora. Coopera-re internațională în materie penală, precum și schimbul de experiență între state, rămâne a fi un factor extrem de important în combaterea acestuia fiind dictat de caracterul transna-țional al acestei infracțiuni precum și de com-plexitatea rețelelor de trafic și ingeniozitatea traficanților.

Lupta generată de comunitatea internațională împotriva acestuia este una destul de complicată dar care poate fi câștigată nu doar cu forță dar și prin aplicarea unor programe menite să lichideze cauzele și condițiile de-terminante de orice natură precum șomajul, sărăcia, nivelul de cultură, discriminarea de gen și rasă ș.a; însă lichidarea acestora ține nemijlocit de competența teritorială statului, întrucât acestea diferă de la stat la stat ba chiar de la o regiune la alta, ceea ce nu poate fi cu-noscut mai bine de nimeni altcineva decât de autoritățile respective, fapt care impune o im-

plicare simțitoare și conștiincioasă a statului prin intermediul organelor sale specializate însă fără a diminua în acest sens și importanța organizațiilor nonguvernamentale precum și a societății civile în ansamblu la lichidarea acestui flagel.

Bibliografie

1. *Tratate internaționale*, Chișinău, 2006.
2. Gh Botnaru., V. Bujor, O. Bejan, *Caracterizare criminologică și juridico-penală a traficului de ființe umane*, Chișinău, 2008.
3. Convenția Consiliului Europei privind măsurile contra traficului de ființe umane, adoptată de Comitetul de Miniștri la 3 mai 2005.
4. Acordul Internațional pentru suprimarea comerțului cu sclavi albi, 1904 // [htt
p://untreaty.un.org](http://untreaty.un.org)
5. Convenția Internațională pentru suprimarea traficului de sclavi albi, 1910 // [htt
p://untreaty.un.org](http://untreaty.un.org)
6. Convenția Internațională pentru suprimarea traficului de femei care au atins majoratul, 1933 // <http://untreaty.un.org>
7. A. Cuznețov, V. Palamarciuc, „Traficul de ființe umane – una dintre problemele jus-
tiției”, în *Revista națională de drept*, nr.7, 2006.
8. Legea privind prevenirea și combaterea traficului de ființe umane, nr.241-XVI din 20 octombrie 2005
9. S. Furdui, „Aspecte privind prevenirea și combaterea traficului de persoane în Republica Moldova”, în *Legea și viața*, nr.6, 2007.
10. V. Moraru, O. Negru, „Traficul de ființe umane”, în *Revista națională de drept*, nr.10, 2005.
11. Legea cu privire la protecția martorilor și a altor participanți la procesul penal, nr. 105-XVI din 16.05.2008 // Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 2008, nr. 112-114/434.
12. M. Făgăraș, „Protecția victimelor infracțiunilor”, în *Revista de drept penal*, nr.2, 2005.
13. Codul penal al RM publicat în Monitorul Oficial nr. 72-74 din 14.04.2009
14. Codul de procedură penală al RM publicat în Monitorul Oficial nr. 104-110 din 07.06.2003

Descrierea CIP a Camerei Naționale a Cărții

Academia "Ştefan cel Mare" a Min. Afacerilor Interne al Rep. Moldova. Anale științifice ale Academiei "Ştefan cel Mare" a Ministerului Afacerilor Interne al Republicii Moldova : Ed. a 13-a / col. red.: Simion Carp (red.-șef) ; Acad. "Ştefan cel Mare" a Min. Afacerilor Interne al Rep. Moldova. – Ch. : Acad. "Ştefan cel Mare" a MAI al Rep. Moldova, 2013. – ISSN 1857-0976. – ISBN 978-9975-935-99-9.

Ştiințe socioumane : Nr 1. – 2013. – 122 p. – Texte: lb. rom., rusă. – Rez.: lb. rom., engl., franceză, rusă. – Bibliogr. la sfârșitul art. și în subsol. – 100 ex. – ISBN 978-9975-121-00-2.

082:378.6(478-25)=135.1=161.1

A 48

Editor:
Ruslan CONDRAT

Redactor:
Gheorghe CHIRIȚĂ

Tehnoredactare
și procesare computerizată:
Svetlana COJUHARI

Coperta:
Rodica BULAI